

ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ

(ТЕФФИК-БЕЙ)

ГОРЦЫ КАВКАЗА И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РУССКИХ

Предварительное замечание

Автор настоящего труда имел намерение дать между последней и предпоследней главами этого тома подробное описание событий, происшедших на Кавказе в течение 1861-го и 1862 годов. Богатый материал об этих событиях был сообщен ему послами абазского народа, прибывшими прошлой осенью в Англию. Но господин полковник Лапинский в настоящее время не имеет возможности обработать для печати свои записки, ибо, как сообщают из Англии, священный долг любви к родине безотлагательно призвал его в Польшу. Доблестный автор этой книги, который в 1849 году в Венгрии, а позднее в горных ущельях Кавказа противостоял на поле брани исконному врагу своего отечества, в настоящее время снова отдал свой меч делу свободы и независимости и, как однажды на чужбине, так теперь на родине, сражается вместе со своими братьями против восточных варваров. Пусть же его ценный труд о Кавказе откроет глаза населению Центральной и Западной Европы на опасность, которой угрожает всякая новая победа России и всякий дальнейший рост ее мощи и влияния священным благам свободы и гуманности. [261]

ТОМ 2

ГЛАВА 12

Мои первые попытки организовать экспедицию на Кавказ. — Восточная война. — Я поступаю на службу в оттоманскую армию. — Первая встреча с черкесами в Константинополе. — Измаил-паша. — Договор о том, чтобы выставить на Кавказе польский корпус. — Приготовления. — Неприятности. — Посадка на корабль в Босфоре. — Мой отряд и мои средства.

В жизни человека бывают некоторые предчувствия и желания, которые, несмотря на всю свою кажущуюся невероятность, иногда полностью осуществляются. Я испытал это на собственном опыте. Когда я в 1849 году, после окончания венгерской революции, эмигрировал, у меня возникла неотвязная мысль отправиться на Кавказ. Я был тогда еще не старше двадцати двух лет, и почти романтические легенды о Шамиле и о горных героях, которые в таком незначительном количестве сопротивляются гигантской мощи России, производили на меня глубокое впечатление. Я искал средства соединиться с ними, и везде, где бы я ни был — в Германии, Англии или Франции, я пытался найти себе союзника по этой идее и пробудить к ней интерес. Меня считали безрассудным мечтателем и ставили мне в пример некоторых моих соотечественников и нескольких отчаянных смельчаков англичан, которые за свои попытки войти в сношения с независимыми горцами Кавказа заплатились либо своей жизнью, либо здоровьем.

В начале Восточной войны поляки надеялись использовать для своего дела создавшееся политическое положение и принять участие в борьбе против своего заклятого врага. Попытки поляков в этом направлении поддерживали ныне умерший князь Адам Чарторыйский и его племянник граф Замоиский. Я предоставил себя в распоряжение князя Чарторыйского и прибыл в январе 1854 года вместе с графом Замоиским в Константинополь. У нас было хорошо продуманное намерение организовать немедленно несколько отрядов и повести их на врага, но в Стамбуле мы застали такой беспорядок и

столько неожиданных затруднений, что проходил месяц за месяцем, а граф Замойский, несмотря на все усилия, не мог добиться никакого результата. Обстоятельства требовали его свидания с Омер-пашой, и граф отправился в его штаб-квартиру. Один квазикавалерийский полк, едва на десятую часть состоявший из поляков и очень плохо экипированный, служил под именем казаков султана в турецкой главной армии под командой генерала Чайковского (Садык-паша) и настолько выделялся среди турецкой [262] кавалерии, несмотря на свой малый опыт и недостаток во всем необходимом, что сердар поставил перед Портой вопрос о создании второго полка такого же типа. Граф Замойский и занялся созданием и организацией этого полка.

Я, как и многие мои соотечественники, начал терять надежду на то, что наша роль на Востоке может принести какую бы то ни было пользу делу нашей родины, и возвратился к моей излюбленной идее об экспедиции на Кавказе. Берега стали доступными, и некоторые пункты были уже заняты оттоманскими отрядами; поэтому было легко пробраться в эту страну. Значительное число русских перебежчиков, живших на Кавказе, давало нам основание надеяться, что в ближайшем будущем можно будет создать из них регулярную армию, и было весьма вероятно, что союзники, которые признанием нашей национальной независимости не хотели еще более запутать восточный вопрос и поэтому не разрешили наши организации в Турции, по многим причинам могли бы благоприятнее отнестись к утверждению польских отрядов на Кавказе и даже поддерживать их. Но в том случае, если бы это действительно осуществилось, а польский вопрос не был бы затронут, это могло бы принести нам, по крайней мере, хоть ту пользу, что мы, располагая, тысячами человек из старых отрядов, могли бы дальше вести войну вместе с абазами и, может быть, в конце концов побудили бы Россию к некоторым уступкам в отношении нашей родины; и, во всяком случае, это предприятие было опасно и неприятно для России, следовательно, полезно для поляков.

В августе 1854 года я отправил находившемуся тогда в Бухаресте в штаб-квартире Омер-паши генералу Замойскому обстоятельный меморандум об этом деле и просил его согласия и поддержки в отправлении экспедиции на Кавказ. Генерал надеялся на дальнейшее развитие войны и на возможность того, что полякам, собравшимся на Пруте, откроется более близкое и плодотворное поле действий. Он потребовал моего приезда в Бухарест и поступления на службу в оттоманскую армию. Я не мог сделать ничего иного, как повиноваться приказу моего политического [263] руководителя, и вскоре после этого вступил на оттоманскую службу в качестве начальника генерального штаба второго турецкого армейского корпуса, стоявшего на Дунае и Серете.

Стараниями князя Чарторыйского удалось впервые к концу 1855 года привлечь английское правительство к организации польской дивизии из трех пехотных и двух кавалерийских полков. Два кое-как составленных кавалерийских полка, которые числились в турецкой армии под именем казаков султана, были теперь разделены; первый остался на турецкой службе, а второй составил основные кадры вновь сформированной дивизии, команду над которой принял генерал Замойский.

Я оставил оттоманскую службу и вступил в эту дивизию. Но едва только были заложены основы для организации дивизии и собрана тысяча человек, как заключение мира положило предел всем нашим дальнейшим попыткам. В то время как весь мир, уставший от войны, с восторгом приветствовал заключение мира, поляки были, вероятно, единственными, которые с тяжелым сердцем видели, что все возлагавшиеся ими надежды на войну погибли.

Я возвратился снова к моей идее, которую так долго вынашивал. Как было уже упомянуто в предыдущей главе, наиб Мохамед-Эмин прибыл в Константинополь с большой абазской делегацией. Он рассчитывал выхлопотать у турецкого правительства помощь в предстоящей войне адыгов с русскими. Однако он нашел в резиденции султана настолько плохо подготовленную для него почву, что вскоре оставил всякую надежду получить помощь с этой стороны. Порта видела в наибе очень благочестивого, но очень непокорного мусульманина, который хотел использовать свое положение в Абазии в личных выгодах, а не в интересах султана, и поэтому она в основном делала больше для того, чтобы ослабить положение наиба в Абазии, чем чтобы увеличить силу сопротивления страны русским.

Я имел тогда лишь очень незначительные и неточные сведения о положении дел на Кавказе, и так как наконец твердо решил каким бы то ни было способом проникнуть туда, мне захотелось по возможности сблизиться с наибом. [264]

Я попросил одного молодого польского офицера, в совершенстве владевшего турецким и арабским языками, вступить в переговоры с Мохамед-Эмином. Ответ наиба был откровенным и благородным. Он сказал, что отряд польской армии, снабженный всем необходимым и приехавший в страну в качестве вспомогательного корпуса, будет там встречен с распростертыми объятиями; но что отдельные офицеры из-за своеобразных условий страны не сумеют принести никакой пользы ни себе, ни абазам. На мои вопросы, если отряд высадится в стране, может ли он рассчитывать на хороший прием и поддержку народа, будут ли предоставлены в распоряжение польских начальников многочисленные дезертиры из русской армии, какие припасы можно найти в стране, наиб попросил несколько дней на размышление. Через четыре дня он объявил моему посреднику, что после совещания со многими находящимися здесь депутатами он может дать такой ответ: средства, которыми адыги могут поддержать регулярное войско, очень ограничены, потому что народ беден и неорганизован, однако он (наиб) может поручиться, что корпусу численностью до 15 000 человек будет предоставлено необходимое снаряжение, кавалерийские лошади и жизненные припасы; что же касается перебежчиков, то он позаботится о том, чтобы облегчить их участь, и они, без сомнения, будут отданы в распоряжение польского вспомогательного отряда. В продолжение всех этих переговоров я лично не беседовал с Мохамед-Эмином; я считал это ненужным отчасти потому, что я в то время не был очень силен в турецком языке, особенно же потому, что я еще не знал, какие результаты будут иметь мои попытки в Константинополе. В скором времени после этого Мохамед-Эмин отправился назад, в Абазию.

Я пустил в ход все мои слабые средства, чтобы осуществить экспедицию. Заключение мира сделало невозможной поддержку со стороны той или иной союзной державы, и я был вынужден поэтому искать частные средства для осуществления моего предприятия. Единственное, что было для меня легко, — это собрать несколько сотен человек. После отпуска польской дивизии осталось много офицеров [265] и солдат, полагавших, что лучше вечно продолжать войну с русскими, чем оставаться на турецкой службе. Располагая известным доверием среди моих соотечественников, я мог с полным основанием рассчитывать, что всегда найду в готовности нужное мне для начала количество волонтеров; основную же массу войска должны были составить перебежчики, находившиеся в Абазии. Однако нужно было думать и о том, чтобы достать оружие, амуницию и небольшую сумму денег для перевозки и содержания отряда. Я обращался ко всем, кто был в какой-либо мере заинтересован польским делом или независимостью народов Кавказа, и, хотя все было мне бесконечно тяжело, я, однако, с каждым днем получал все более прочные надежды осуществить мои намерения. Вмешательство одного

до той поры мне совершенно незнакомого лица должно было ускорить мой отъезд, однако оно же было источником затруднений, которые мне пришлось испытать.

27 сентября 1856 года в моей квартире в Скутари появился известный Измаил-паша, генеральный директор почты Оттоманской империи. По его словам, он был по рождению черкес, и так как слышал о моем намерении отправиться на его родину с отрядом войска, то пришел ко мне отчасти для того, чтобы со мной познакомиться, отчасти же для того, чтобы дать мне несколько советов, полезных для моего предприятия. Так как он ближе, чем кто-либо другой, заинтересован в благополучии своей родины, он хочет войти со мной в соглашение. Он позволяет себе надеяться, что я прислушаюсь к его словам. После продолжительной беседы Измаил-паша сообщил мне, что он уполномочен абазским народом представлять его интересы на чужбине и что Порты также рассматривает его единственным представителем абазов. На мой вопрос о наибе Мохамед-Эмине паша заявил, что этот человек — фанатичный мулла, который благодаря распространению магометанства имел некоторое время сильное значение, но теперь его влияние совершенно иссякло и он не имеет совсем авторитета; кроме того, наиб — непримиримый враг всякого христианина, мы должны его остерегаться почти так же, как русские, если, к несчастью, он [266] снова станет могущественным. Поэтому будет лучше всего, если я соединюсь с Сефер-пашой, который известен как верный слуга султана, большой друг поляков и, кроме того, пользуется в Абазии огромным уважением. Хотя он уже очень старый человек и уже давно его голова ослабела, но это ничего не значит, потому что он сам, Измаил-паша, в ближайшее время придет в Черкесию с несколькими европейскими офицерами и примет на себя политическое и гражданское управление. В заключение этой беседы паша пригласил меня посетить в ближайший день совещание влиятельных черкесов, находящихся сейчас в Константинополе.

На следующий день я застал в доме паши около 30 человек, среди которых было много генералов и других высоких сановников, состоявших на службе у Порты, но абазов по происхождению, и нескольких абазов в национальных костюмах, которых Измаил-паша один за другим представил мне как замечательных личностей в их стране. Во время этого собрания Измаил-паша убеждал меня объединиться с ними и вместе отправиться в Черкесию 1; он сообщил мне между прочим, что он держит наготове некоторое количество артиллерийских принадлежностей, оружия, пороха, свинца и железа, что он устроил в Константинополе частный сбор в пользу своей родины и собрал уже около 6 000 кисетов 2 золота, каковая сумма более чем достаточна для создания регулярного корпуса из 1 000 польских солдат, что, кроме того, он в состоянии для содержания отрядов ежегодно посылать такую же сумму из Турции, к тому же лично он богат, обладает состоянием в 50 000 кисетов золота, а так как он одинок и у него нет семьи, то готов все состояние и всю свою жизнь принести в жертву своей родине. Эти уверения Измаил-паши были подтверждены всеми присутствующими. Я должен здесь заметить, что наши переговоры велись при посредстве переводчика, так как ни я, ни многие из присутствующих [267] абазов не были сильны в турецком языке. Это облегчило Измаил-паше незаметное проведение своих тайных замыслов.

В качестве основы экспедиции было установлено, что Измаил-паша должен оплатить полностью снаряжение и вооружение батальона стрелцов в 500 человек, кавалерийского дивизиона в 200 человек, полевой батареи из 8 орудий в 200 человек обслуживающего персонала и саперной и обозной роте 100 человек, в общей сложности 1 000 человек, и выплатить этому отряду шестимесячное содержание тотчас же после моего отплытия из Константинополя. Измаил-паша не только с радостью пошел на это, но, кроме того, обязался доставлять принадлежности для лаборатории, небольшой монетный станок и даже все инструменты, необходимые для нашей колонии, в том числе и такие, которые

нужны для разведки и разработки горных пород. Депутаты черкесов, т.е. те люди, которые были мне так представлены, также обещали именем своей родины предоставлять в мое распоряжение всех нынешних и будущих перебежчиков и заготовить еще до нашего приезда провиант, необходимый на год для 1 000 человек, и выделить нам 500 лошадей.

От меня требовалось следующее: подобрать офицеров, необходимых для командования 1 000 человек, от 100 до 200 человек солдат, военная организация и руководство защитной Абазии.

Предложения Измаил-паши и собравшихся у него абазов были так блестящи, что, если бы осуществилась даже половина или хотя бы четвертая часть их обещаний, я бы ухватился за них обеими руками.

Высокий пост, который в оттоманском правительстве занимал человек, сделавший мне это предложение, то, что он, обладая значительным состоянием, был холост и бездетен, присутствие столь многих высокопоставленных особ, которым он дал свои обещания, — все это казалось мне подтверждением благородства его намерений. Я попросил несколько дней на размышление, чтобы основательно обдумать все дело, но в глубине души я был убежден, что надо использовать эти обстоятельства, чтобы привести в исполнение давно мной задуманный план. [268]

Я отправился к нескольким высшим оттоманским сановникам, чтобы разузнать их мнение об Измаил-паше и получить их совет. Я узнал, что паша еще во время войны устраивал сбор денег во всех гаремах, где находились абазские женщины, и каждый раз собирал значительные суммы, потому что многие патриотически настроенные женщины и девушки отдавали свои драгоценности на благо своей родины; что он сам богат и, как кажется, имеет честолюбивые намерения стать политическим вождем Абазии. В том, что это вполне может быть, меня уверяли все, и каждый, кого я не спрашивал, советовал мне соединиться с Измаил-пашой и отправиться в экспедицию. Однако я узнал некоторые подробности об Измаил-паше, которые пробудили во мне известное недоверие к нему. Он мне долго и подробно рассказывал о своем древнем роде в Абазии, о своем княжеском происхождении и о своем влиянии среди горцев. Но мне удалось узнать, что он сын мелкого лазского торговца и абхазской рабыни, родившийся в Анапе во время турецкого господства; отец его умер, не успев заплатить за рабыню. Мать и ребенок были проданы в Турцию. Измаил служил в качестве мальчика-раба у многих господ, дольше всего — у Гафус-паши, который потом подарил его великому визирю Хрозрев-паше. Благодаря большой благосклонности последнего он пошел вверх и сделался его мюхюрдаром (хранителем печати). Вскоре он вступил в связь с любимой женой старого паши, которая была рабыней из Убыхии. Измаил и Хури-ханум начали рассказывать тогда всем, что они брат и сестра. Хрозрев терпел эти отношения и благоволил к обоим. Перед своей смертью он отпустил на волю Измаила, а так как он умирал бездетным, то оставил так называемым брату и сестре все свое значительное состояние. Хотя Хрозрев паша и занимал высшие почетные должности в Турции, сам он все-таки оставался рабом султана, и по османскому закону великий повелитель должен был быть его единственным наследником; однако брат и сестра сумели так хорошо повести интригу и нашли таких влиятельных защитников своих интересов, что им удалось спасти около 50 000 кисетов золота — почти четвертую часть наследства. [269]

Обещание отдать наследство Хрозрева для поддержки абазов в войне с русскими доставило так называемым брату и сестре поддержку высоких особ.

Во время войны Измаил предпринял поездку в Убыхию; там он старался образовать свою партию, раздал несколько подарков, подавая еще больше обещаний, вступил в одну дворянскую фамилию, глава которой — известный Хаджи -Керандук, интригуя против наиба, за небольшое вознаграждение признал его племянником, и привез составленный в Убыхии лист с несколькими сотнями подписей, в котором абазы объявляли его своим доверенным послом и просили султана направить его к ним как своего представителя.

Кроме Сефер-паши и наиба, Измаил-паша был по счету четвертым или пятым человеком, который прибыл в Порту с такого рода объявлением абазов. Эти рекомендации по существу ничего не значили, но Измаил-паша сумел так раздуть их в Стамбуле, что они в сочетании с наследством Хрозрева и влиянием Хури-ханум в серале великого владыки помогли экс-рабу Измаилу получить чин паши в 1856 году, и так как именно в это время было вакантным место генерального директора оттоманской почты, то Измаил стал его домогаться и получил этот пост, несмотря на то, что не умел читать и писать. Но так как он рассказал всем своим соотечественникам и многим туркам, что собирается ехать в Абизию, и это его до некоторой степени обязывало, то он считал свое место ненадежным и старался, главным образом, собрать деньги и другие средства, которые могли бы быть получены абазами для ведения войны с Россией; ни один гарем в Константинополе, в котором находилась женщина или девушка абазского происхождения (а мало таких гаремов, где их нет), не остался неиспользованным. Измаил и Хури-ханум сумели так хорошо повести свое дело, что сумму в 6 000 кисетов, которую он предполагал собрать, можно считать скорее преуменьшенной, чем преувеличенной.

Хотя подобные примеры вымогательства и интриг считаются в Турции в порядке вещей и большая часть турецких пашей сделала аналогичную карьеру, я не был доволен, что приходится входить в соприкосновение с подобным [270] индивидуумом. С другой стороны, я все же ему верил и поддерживал себя надеждой, что этот еще не пожилой человек, поднявшийся наверх с низших ступеней общественной лестницы и не связанный оравой родственников, по крайней мере обладает большим честолюбием, которое послужит ему стимулом в нашем деле.

Все достаточно продумав, я решил принять предложение Измаил-паши и через несколько дней после первого разговора пришел к нему на квартиру, где в это время собралось еще более значительное число абазов, чем в первый раз. Измаил представил мне всех их как князей, дворян, депутатов, виднейших вождей и т.п. Так как я еще не имел правильного представления ни о стране, ни о людях, то, естественно, принял все это за чистую монету. Позднее я видел многих из этих людей в Абазии, но ни один из них не был видным человеком; значительнейшие между ними были работоторговцами, которых Измаил-паша пригласил к себе и предварительно прочел им лекцию; некоторые же были сами переодетыми рабами. Можно себе представить, что такие депутаты не скупились на всевозможные обещания.

Я не имел ни малейшего понятия обо всем этом обмане и, хотя личность Измаил-паши нередко вызывала во мне некоторое недоверие, все-таки не мог найти оснований, по которым он, будучи еще больше, чем я, заинтересованным в хорошем исходе экспедиции, стал бы меня обманывать. С утра до вечера он ходил якобы по делам, заказывал оружие в Бельгии, машины в Англии, монетный станок в Швейцарии, приглашал каждого, кого только мог найти; но когда я его серьезно спрашивал о положении дел и особенно о сборе нужных для отряда предметов вооружения, то он по турецкому обычаю откладывал ответ со дня на день; затем потребовал от меня примерный расчет расходов на экипировку, а когда я это сделал, он разыграл удивление по поводу дешевизны моей сметы; после этого попросил смету на содержание отряда и сделал мне упрек, что я поставил слишком

скромную сумму. Но вопреки всей этой щедрой болтовне я почувствовал в этом человеке признаки грязной скаредности, что навело меня на долгое раздумье. [271] Большинство европейцев, которые еще не собрали сведений о Востоке, становятся жертвой своего легковерия. Восточный человек при своем кажущемся неповоротливом добродушии, при своей заученной беспомощности и наивности гораздо скорее, чем пронырливый плут, в состоянии провести за нос европейца, если бы он был даже более проникателен, чем я. Очень редко удастся быть настороже с человеком, который не умеет читать и писать и кажется гораздо более грешен недостатком ума и образования, чем злой волей. При моем первом знакомстве с Измаил-пашой я считал его очень сердечным, хотя, к сожалению, глуповатым и необразованным человеком. Я тяжело поплатился за свою легковерность.

Прошло четыре месяца в пустых переговорах и разговорах, и я наконец сказал Измаил-паше, что не могу больше верить ни одному его слову. Я потребовал у него прежде всего, чтобы он купил вооружение. После роспуска различных английских отрядов склады военного снаряжения продавались комиссариатом по бросовым ценам. Несколько тысяч штук предметов амуниции распущенной польской дивизии были куплены по очень низкой цене одним армянином из Галаты 3, который производил розничную торговлю этими вещами. Таким образом, появилась очень благоприятная возможность купить подешевле необходимое для экспедиционного отряда обмундирование. Я понуждал Измаил-пашу использовать это обстоятельство, но он говорил о том, что сукно, кожу, парусину — короче, все он заказал во Франции, а покупка этой амуниции — выброшенные деньги. Но, чтобы меня несколько успокоить, он купил 200 шинелей и столько мундиров и брюк, за которые после бесконечно долгой торговли заплатил 24 000 пиастров (что равняется приблизительно 1 000 талеров). За четыре месяца, в продолжение которых Измаил-паша говорил о миллионах, это были первые деньги, заплаченные им на моих глазах. Я часто пытался получить совет у различных знакомых турок, но они меня всегда успокаивали относительно этого человека.

8 февраля утром ворвался Измаил-паша совершенно [272] расстроенный в мою квартиру. Он рассказал мне, задыхаясь, что русское посольство узнало о готовящейся экспедиции, сделало запрос турецкому правительству и заявило свой протест. Он поставлен об этом в известность, и ему объявлено, что правительство вынуждено будет вмешаться в это дело и воспрепятствовать экспедиции. Теперь он не знает, как спасти от конфискации вооружение и амуницию, если я не пошлю с ними часть солдат или сам с ними не поеду, так как он в течение месяца не может покинуть Стамбул. Я не мог удержаться, чтобы не сделать резких упреков этому плачущему паше за его поведение в течение четырех месяцев, и затем отправился к одному турецкому сановнику, чтобы спросить у него совета. Русское посольство действительно получило сведения о нашем проекте. Оно было осведомлено также о том, что оружие и амуниция, несомненно, предназначены для отправки на Кавказ, и предлагало Порте произвести ревизию внутренних портов. Так как мы своевременно узнали об этом, то маленькое турецкое парусное судно, на которое были погружены эти вещи, вышло из внутренней гавани в Бююк-дере 4. Когда затем представители русского посольства вместе с кавасами 5 посетили гавань, они ничего не нашли. Все-таки было ясно, что русские будут внимательно следить за всеми нашими действиями.

С этого дня Измаил-паша не оставлял меня в покое для того, чтобы побудить меня к немедленному отъезду. Он нашел так много правдоподобных доводов и так хорошо меня уговорил (от других я слышал тоже подобные советы), что я наконец решил отправиться с теми средствами, которые находились в моем распоряжении.

Кроме 200 комплектов предметов военного обмундирования, которые купил Измаил-паша, я получил от генерала Замойского из остатков склада распушенной польской дивизии некоторые припасы, состоящие из 100 пар сапог, 100 пар ботинок, 100 тиковых брюк, 100 шерстяных одеял, 100 рубашек, 6 палаток, 2 ящиков корпии, 4 револьверов [273] и немногих других мелких предметов. На турецком паруснике, стоявшем на якоре в Бююк-дере, находилось 5 орудий, повозка для снаряжения, полевая кузница, 24 топора, 12 лопат, 12 молотков, 12 листов меди, 15 центнеров свинца, 100 центнеров железа, 30 центнеров пороха, 2 ящика бомб, 1 ящик ракет, запас тросов и высушенного обработанного дерева для лафетов, колеса и т.п., 3 000 пушечных ядер, 2 000 гранат, 500 картечных банок и некоторые мелкие лабораторные принадлежности. Так как я не взял денег, которые имели в Абазии низкий курс, то на парусник было погружено на 100 000 пиастров холста и на 20 000 пиастров соли. Измаил-паша обещал доставить мне в момент открытия 100 ружей, 30 сабель, столько же револьверов и кавалерийских седел и некоторое количество остальных принадлежностей. Кроме того, он клялся благородно и яростно Аллахом и Мухаммедом, что в течение месяца поедет вслед за мной с огромным транспортом.

14 февраля пришел я, согласно предварительному уговору, к Измаил-паше, где застал капитана английского парохода, с которым было предназначено отплытие. Плата за провоз была установлена в размере 1 000 футов стерлингов — это очень высокая оплата, но она объясняется тем, что судно, которое везет солдат и военную контрабанду на абазское побережье, может быть поймано и конфисковано русскими кораблями, поддерживающими блокаду. Отправка судна была назначена на первое марта; был заключен письменный договор на английском языке, который был подписан английским капитаном и к которому Измаил-паша приложил свою печать. Как свидетели подписались англичанин, сопровождавший капитана, венгерский офицер-рenegат, венский пиротехник по имени Ромер, приглашенный Измаил-пашой в Черкесию, польский лейтенант Качановский и я.

В тот же день я получил от Измаил-паши 19 000 пиастров, (т.е. около 850 талеров) для содержания солдат моего отряда и на различные расходы, хотя в течение более четырех месяцев он не догадался даже спросить меня о том, какие расходы, естественно, причиняет мне вербовка отряда. Несколько дней спустя Измаил-паша случайно нашел [274] другое английское судно, пароход «Кенгуру», владелец которого соглашался на плату за перевоз в размере 500 фунтов стерлингов, но при условии, что оружие и амуниция будут погружены не на его судно, а на турецкий парусник, который возьмется на буксир, чтобы в случае, если русские захватят транспорт, пароход не подлежал конфискации. Вместо того чтобы честно освободиться от первого контракта, Измаил-паша пошел на подлог. Он позвал капитана первого корабля и сказал ему, что он рассудил иначе и будет использовать его пароход в течение шести месяцев в различных плаваниях, что же касается первого путешествия, то договоренная оплата остается действительной; однако он предполагает независимо от того, отправляется ли пароход в плавание или остается в гавани, каждый месяц выплачивать капитану 500 фунтов стерлингов. Англичанин, который увидел здесь очень выгодное дело, согласился с радостью и, не предполагая ничего дурного, отдал назад первый договор и составил второй на новых условиях. На втором контракте Измаил-паша подделал свою подпись б. Если бы я имел хотя бы малейшее подозрение об этом мошенничестве, то, естественно, порвал с этим человеком и избавился бы, таким образом, от многих страданий и неприятностей, но я не знал ничего так же, как и другой польский офицер, присутствовавший при этой частной сделке. Мне Измаил-паша сказал, что для нас он приготовил другой корабль, который в любую минуту готов к отплытию, в то время как второй пароход он оставляет для своего переезда и для главного транспорта. [275]

19 февраля вечером я приказал погрузить на корабль полученные от генерала Замойского боевые припасы. Я разделил набранный мною отряд на две части: меньшая часть в составе 4 офицеров и 72 солдат должна была теперь же отправиться со мной. Второй отряд, состоявший из 10 офицеров и 120 человек, под командой штаб-офицера должен был ждать прибытия оружия и амуниции и затем отправиться с Измаил-пашой. Я, таким образом, сдержал свое слово. Мы увидим в дальнейшем, как турецкий паша и высший чиновник султана исполнил свое слово. Я забыл еще сказать, что по своему легкомыслию не заключил письменный договор, не подозревая, что если имеешь дело с турецким пашой, то нужен не только договор, но и живые свидетели, и что, даже несмотря на все это, если нет энергичной поддержки со стороны европейского посольства, можно быть все-таки уверенным в проигрыше судебного процесса.

Утром 20 февраля отряд прослушал в последний раз мессу, отслуженную польским ксендзом, и радостно и смело поляки отправились в путь. Храбрые солдаты не думали ни об опасностях, ни о личной выгоде, существенным и высочайшим их желанием было вступить в борьбу с русскими.

Я застал Измаил пашу уже на корабле. Из 200 предметов обмундирования, закупленных им, паша приказал погрузить на пароход только 70, а остальные — на парусник. Из оружия он принес с собой 4 ружья различных калибров и 20 сабель, кроме того, еще палатку и 100 штук фесок 7. Он клялся всеми святыми, что у Сефер-паши в Абазии я найду еще 4 000 пехотных ружей, множество сабель, седел и других вещей, которыми я могу воспользоваться до его приезда. Когда я увидел приготовленный для путешествия провиант, нашел только скверные испорченные турецкие галеты и немного маслин. От всей этой лжи и явного желания Измаила накормить меня блестящими обещаниями и ничего не дать у меня наконец лопнуло терпение. Я бросил ему [276] в лицо в резких выражениях все, что думал о его мошенничестве, грязной скупости и лживости, и отдал приказ выгружать обратно солдат и боевые припасы. И здесь бывший раб Измаил обнаружился во всем своем мерзком характере. Он умолял меня, плакал, падал передо мной на колени, клялся Мухаммедом и Кораном, признавал свою вину, короче говоря, пробовал все, чтобы отвести меня от моего намерения. Его вид был так жалок, что мои офицеры, которые его не знали, стали ходатайствовать за него передо мной. Стремление осуществить мой долгие годы лелеянный замысел было так сильно во мне, что, несмотря на то, что я больше чем наполовину понял гнусности Измаил-паши, все-таки ухватился за соломинку надежды. Я думал про себя: если хотя бы десятая часть обещаний Измаила исполнится (а к этому, я надеялся, будут его в случае необходимости понуждать турки), то еще ничего не потеряно; по крайней мере мы будем твердой ногой стоять на Кавказе, и тогда, быть может, Польша и Европа доставят нам материальную помощь. Я решил в конце концов рискнуть и отправиться в экспедицию. В течение одного часа Измаил сумел доставить нам все продукты, необходимые для путешествия.

Мы должны были отправиться после обеда и по дороге взять на буксир находящееся в Бююк-дере на якоре судно, нагруженное орудиями, боевыми припасами и другими принадлежностями; но сама природа решила воспрепятствовать нашим намерениям: поднялась такая буря, что даже старейшие моряки не могли вспомнить ничего подобного. В Босфоре поднялось такое волнение, что сообщение между Стамбулом и Скутари прервалось. В гавани Золотого Рога многие суда сорвались с якорей и были выброшены на берег. В течение двух дней мы не имели сообщения с сушей, хотя стояли на якоре на расстоянии всего 100 локтей от берега. В продолжение всего этого времени Измаил-паша был на борту и старался рассеять новой ложью тяжелое впечатление, произведенное на меня его поведением. Он особенно советовал мне высадиться на берегах Убыхии и войти

в соприкосновение с его родственником Хаджи-Керандуком и его другом Измаил-Беркоком и больше всего остерегаться [277] наиба Мохамед-Эмина. Эти весьма настойчивые рекомендации Измаила вызвали мое недоверие, с чем я мог только себя поздравить.

23 февраля буря слегка улеглась, мы покинули свою стоянку напротив Галаты и отправились в Бююк-дере. Там Измаил-паша взял лодку, чтобы найти парусник с боевыми припасами и привести его к нам. Через час он вернулся с известием, что не нашел судна, вероятно, оно было сорвано с якоря бурей и ушло в гавань Золотого Рога. Он просил нас немного подождать; через несколько часов он приведет корабль. Измаил отплыл, оставив меня в самом скверном настроении; но что было самое плачевное — в 11 часов утра я получил из верных источников известие, что русское посольство осведомлено о моей посадке на корабль и снарядило пароход, который должен сообщить русской эскадре в Одессе о нашем отплытии. Действительно, в час дня мимо нас прошел русский пароход и отправился дальше, несмотря на бурно волнующееся море. Само собой разумеется, что мы с парусником на буксире не могли бы двигаться так быстро, как одинокий пароход; мы изучили с капитаном карту Черного моря и установили с точностью, что если мы задержим еще на 24 часа наше отправление, то после поднятой тревоги мы встретим на нашем пути русский крейсер. Я ожидал с нетерпением Измаил-пашу и имел тем больше оснований на него сердиться, что в течение уже 6 дней я непрерывно повторял ему, что он должен поставить несколько моих солдат в качестве стражи на паруснике с боевыми припасами как для того, чтобы быть спокойным за судно, так и для того, чтобы предупредить попытки кражи со стороны турецких матросов. Он успокаивал меня всегда ответом, что на борту находятся двое его преданнейших слуг. Только около 7 часов вечера Измаил возвратился обратно. Он не нашел корабля. Я должен был изо всех сил сдерживать себя, чтобы не разделаться со всем этим и не бросить пашу в воду. Капитан заявил мне, что если мы не отправимся в 8 часов утра, он не надеется на хороший исход и будет лучше уехать нам одним, чем рисковать почти наверняка напороться на русские крейсера, а парусник может приехать [278] и попозже, через 5 или 6 дней. Я уже настолько потерял голову, что готов был идти на все. В 3 часа утра Измаил-паша снова отправился, чтобы найти заколдованное судно. В 6 часов утра приехала к нам лодка с одним хорошо мне знакомым турком, который советовал не ждать ни одной минуты, а выходить в море, иначе в любое мгновение нас могут задержать; в 7 часов утра пришла вторая лодка с известием, что наш корабль с боевыми припасами ушел в Синоп и будет нас там дожидаться. Были это интриги Измаил-паши или правда — я не знаю до сих пор. Однако вследствие того, что Измаил-паша не приехал и в 8 часов утра, мы снялись с якоря и вышли в открытое море.

Корабль с боевыми припасами оставался в гавани и не выходил в Синоп. Измаил-паша, который из каждого происшествия стремился извлечь выгоду для своего кармана, использовал последствия бури для того, чтобы снять с парусника еще 80 мундиров, парусину и соль, т.е. именно то, что было мне нужнее всего в начале экспедиции. Остальные предметы я получил только через два месяца. В каком состоянии — об этом я расскажу в следующей главе.

Измаил-паша потирал руки. Он истратил только 5 000 талеров; следовательно, собранные, по его собственным словам, 6 000 кисетов золота были едва затронуты. Он провел турок и, разыгрывая патриотического мусульманина, добился денег и почестей; он обманул абазов и использовал для личных целей их моральную поддержку, он провел нескольких англичан; но больше всего он обманул меня и поляков и воспользовался нами, как занавесью для своего мошенничества. И все это сумел сделать человек без всякого образования, не умеющий ни писать, ни читать, который почти всю свою жизнь был

рабом или лакеем. Пусть европейский читатель, которого судьба приведет на Восток, хорошо запомнит эти строки, потому что нигде так часто не встречаются подобные личности, как на Востоке. [281]

ГЛАВА 13

Морское путешествие. — Высадка в Туапсе на Кавказском берегу. — Первое впечатление от страны и народа. — Недружелюбный прием со стороны жителей. — Первоначальные трудности. — Прибытие Сефер-паши. — Партии в стране. — Я соединяюсь с Сефер-пашой и выступаю в поход в северную часть Абазии. — Марш через горы.

Когда мы утром 24-го покинули Босфор, буря еще не вполне улеглась, до Синопа стояла очень плохая погода. 25-го в 10 часов утра мы бросили якорь перед Синопом, чтобы взять уголь и некоторых пассажиров. Так как мои люди порядочно пострадали от морской болезни, я разрешил им провести несколько часов на берегу, приказав им на все вопросы о цели их путешествия отвечать, что они едут в Трапезунд.

Нашего парусника с амуницией и боевыми припасами, найти который в Синопе имели еще слабую надежду, мы, конечно, не увидели. В 5 часов вечера я приказал трубить сбор, чтобы созвать на борт рассеянных по городу солдат. Ни один из них не пропал, и они даже привели с собой еще нескольких волонтеров. Один поляк-портной, давно проживавший в Синопе, впал в такую боевую радость при известии, что его соотечественники будут биться с русскими, что бросил все и появился на борту корабля с предложением или выбросить его в море, или взять с собой. Я счел более удобным последнее.

В 7 часов вечера подняли мы якорь и направились теперь уже прямо к абазскому побережью. Буря улеглась, сильный норд-вест позволил нам поднять все паруса, и мы могли надеяться через 30 часов добраться до земли. Измаил-паша указал капитану местечко Вардане в Убыхии как место для высадки. Я отменил этот приказ, потому что ни в коем случае не хотел приехать к его превознесенным до небес друзьям, кроме того, у меня были еще другие серьезные причины, о которых будет сказано позже. Поэтому я назначил местом высадки Туапсе в Шапсугии. Если все начало путешествия благодаря буре и Измаилу было достаточно отвратительным, то плавание от Синопа до Туапсе было чудесным. В ночь с 26-го на 27-е мы могли уже заметить огни на абазском берегу. 27 февраля 1857 года в 6 часов утра мы спустили якорь в Туапсе. Разгрузка корабля шла быстро, потому что, как я уже говорил, у нас было очень мало припасов. В 10 часов утра пароход отплыл в Вардане для того, чтобы взять с собой князей Убыхии, как их называл Измаил-паша, и привезти в Туапсе. Они должны были до прибытия Измаила взять на себя заботы о содержании и продовольствии отряда. [282]

Я забыл сказать, что Измаил на вербовал в Константинополе еще множество людей под разными предлогами. Он был, как уже упомянуто, щедр на обещания и сулил каждому, кто хотел ему служить, золотые горы, это давало ему еще ту выгоду, что он мог показывать вид перед людьми, пожертвовавшими ему деньги, что он имел большие издержки. Но так как он все только обещал и не хотел дать людям, набранным в Константинополе даже самые незначительные и необходимые вещи, а только обнадеживал их, что в Абазии они все могут найти, то большая часть их осталась там до его предполагаемого отъезда. С ними поехали: венгерский офицер-ренегат, венгерский еврей, который тоже стал ренегатом, и один американский оружейный мастер, кроме того, три турецких артиллерийских унтер-офицера и два молодых человека из Константинопольской военной школы; пять последних были по рождению абазами,

которым Исмаил-паша обещал блестящую карьеру. Кроме того, мне был дан в качестве курьера один старый турок по имени Ахмет-Ага. Но больше всего мог нам послужить вначале один старый имам из Шапсугии по имени Хаджи Бороку, который немного говорил по-турецки и знал местных жителей. Не только ничего необходимого не было приготовлено к нашему приезду в стране, но жители даже не имели никакого представления о том, кто мы такие и что нам от них нужно. Туапсе был мне описан как маленький городок, но оказался пустынным местом на побережье. Русские построили на этом месте перед Восточной войной крепость, лежавшую теперь в развалинах. На берегу было возведено 16 домиков из камня, скудно покрытых соломой; только в трех из этих саклей мы встретили лазских купцов, у которых можно было найти холст, соль и столько продуктов, сколько было нужно этим семи или восемью людям на два дня. Во время нашей высадки мы увидели только нескольких абазов, которые боязливо и недоверчиво держались в отдалении с оружием наготове; только после многих и долгих воззваний нашего Хаджи они осмелились приблизиться. Перед обедом стало оживленней: с гор спустилось множество адыгов, они удивленно рассматривали нас своими [283] сверкающими глазами. Так как русские много лет держали в крепости Туапсе гарнизон, с которым окружающие адыги находились в известном общении, то некоторые из этих людей немного понимали по-русски, и звуки польской речи их изумили. Мой Хаджи потратил много труда, чтобы растолковать им, что между поляками и русскими есть различие.

Я расположил мой отряд, насколько это было возможно, под крышей; мы сильно страдали от холода, ветер проникал сквозь каждую щель в стенах, а в саклях мы не могли разжечь большой огонь из опасения спалить соломенные крыши. Морозы были в этом году необычайно сильны, а снег лежал еще повсюду.

Обещанный Исмаилом и так называемыми депутатами в Константинополе провиант, как и все остальное, оказался ложью. Мне пришла в Синопе хорошая мысль купить там несколько мешков муки и рису, чего несомненно, могло нам хватать приблизительно на две недели. Мясо и масло можно было здесь купить по очень низкой цене. Приехавший с нами турецкий фурьер, которому Исмаил-паша на все возможные случаи дал 10 000 пиастров 8 (мне Исмаил-паша сказал на корабле, что выдал ему 100 000 пиастров), взял на себя заботы о провианте, а так как за деньги ничего нельзя было получить, то купил на них у лазских купцов американские бумажные материалы и менял их потом на продукты. Впрочем, все было так дешево, что за два куса бумажной материи, которые, правда, в Туапсе стоили вдвое против их настоящей цены (три талера за кусок), можно было вполне снабдить провиантом 100 человек в течение одного дня; мы могли, таким образом, если бы наш фурьер не был турком, в течение двух месяцев обходиться тем, что мы имели.

28-го после полудня возвратился наш пароход из Вардане и привез с собой нескольких людей из Убыхии, среди которых были также оба друга Исмаила — урки Хаджи-Керандук и Исмаил-Беркок. Через полчаса после их приезда мне стал ясен весь обман. Эти люди, не обладавшие большим влиянием в их родном краю, в Туапсе вовсе ничего не [284] значили, даже, напротив, были приняты жителями очень недоверчиво. Поэтому они хотели добиться, чтобы мы отплыли отсюда и прибыли к ним, пытаясь при этом уговорить меня, что они были очень опечалены плохим приемом нас в Туапсе, жителей которого они сильно ругали, уверяя меня, что удобные квартиры и провиант для всего отряда давно уже приготовлены ими. После ознакомления с Исмаил-пашой у меня возникло намерение все открыто обсудить и принять решение. Зная хорошо, что в стране очень много различных партий, решил я поэтому, что о каждой из них мне нужно собрать достаточные сведения. В это время как раз собрались из окрестных мест многие тамады и более тысячи человек из Туапсе, привлеченные любопытством. Я попросил старшин

собрать совет и вступил в него со своим переводчиком и людьми из Убыхии. После того как я объяснил им цель нашего прибытия и предложения людей из Убыхии, я задал вопрос их совету, должен ли я отправиться в Убыхию и там ждать второго транспорта или делать то же самое в Туапсе. Мой вопрос к их совету очень польстил тамадам. Единогласно шапсуги обрушились на двух уорков. В их присутствии они заявили, что эти два человека — самые большие обманщики в стране, которые всегда сидят на двух стульях и обманывают и турок, и русских, что у них даже гостеприимство не свято и что они в состоянии всех нас продать русским. Заготовленного провианта эти люди не [285] имеют, это ложь, они не могут ни дать его нам, ни продать, потому что у жителей Убыхии ничего нет, они сами приходят к шапсугам и абадзехам воровать или просить милостыню. Поэтому тамады убеждали меня не поддаваться на хитрость этих уорков, ибо эти люди всегда замышляют что-нибудь недоброе.

Я знал все это очень хорошо, поэтому решил позволить открытое обсуждение вопросов. Еще в Константинополе я наводил справки и меня особенно предостерегали против убыхских уорков. Вскоре после нашей высадки в Туапсе пришли к моим солдатам несколько дезертиров из русской армии, среди них один старый солдат из бывшей польской армии, который после восстания 1831 года был сослан в Кавказскую армию, перешел от русских к абазам и теперь уже около 20 лет находится в рабстве. У него были жена и дети, с которыми он, разумеется, не обращался как со своей собственностью. Он очень хорошо знал абазский язык и обычаи страны, и я узнал от него за 24 часа гораздо больше, чем можно узнать от недоверчивых абазов за месяцы. Как все перебежчики, он особенно уважал Мохамед-Эмина; Сефер-пашу он описывал именно таким, каким впоследствии я сумел его узнать, но особенно он заклинал меня не верить ни в чем уоркам из Убыхии. Оба убыхских дипломата совершенно опешили, когда услышали речь туапсинских тамад. Они возражали им, как умели; но я положил конец совету, объявив, что я во всяком случае буду ждать транспорта в Туапсе.

Люди из Туапсе были правы; два уорка едва только несколько часов находились вблизи нас и успели уже наделать нам много неприятностей. А именно: они сказали вскользь одному абазу, что мы только потому высадились в Туапсе и остались здесь, что хотим заманить к себе наиба, так как имеем тайное приказание от Высокой Порты арестовать его и привезти в Константинополь. Эта ловко пущенная ложь должна была держать наиба в отдалении от нас и достигла своей цели. После того как они еще сотню раз попытались уверить нас в своей дружбе и готовности к услугам, оба эти хищника и достойных друга Измаил-паши [286] уехали; пароход «Кенгуру» взял на борт этих людей, которых он совершенно бесцельно возил вперед и назад, и доставил их снова в Вардане, забрал там свыше двух сотен пассажиров и возвратился в Константинополь. Так как Измаил-паша нанял пароход на прямой и обратный рейсы, то плата за людей из Абазии попала в его карман. Таким образом, наш переезд почти ничего ему не стоил. Английский пароход по настоянию российского посольства был задержан в Константинополе, а против владельца был возбужден процесс, из которого, однако, он вышел счастливо. Между тем в Туапсе все вокруг нас стало тихо и пустынно. Мы выкатывали глаза из орбит всматриваясь в морскую даль в надежде увидеть на горизонте наших товарищей или по крайней мере наш парусник с боевыми припасами и амуницией. Мороз был порядочный, и плохо одетые абазы сидели в своих саклях; только те, которые чем-нибудь торговали, приходили к нам на берег. Турецкие деньги, особенно мелкие серебряные монетки, не были им знакомы, медь они уже совершенно не хотели брать, за курицу они просили или серебряную монету, или локоть американского ситца, или ружейный патрон. Особенно жадно просили порох и молодые и старые, и за несколько патронов можно было нанять абазу на целый день на беготню по разным поручениям.

3 марта в 6 часов утра часовой донес, что в море виден пароход. Я приказал солдатам немедленно вооружиться винтовками и запаковать наши припасы и вслед за тем вышел на берег. Не могло быть сомнения, что корабль этот неприятельский, потому что Измаил еще не мог приехать. У меня было только 30 вооруженных главным образом саблями людей, потому что 4 000 ружей и другое оружие, которое я должен был найти в Абазии, оказалось, как и все остальное, сказкой. В развалинах крепости я нашел только 17 испорченных чугунных пушек, оставленных русскими. После тщательного осмотра нашли мы, однако, еще 3 орудия, их которых можно было стрелять. Еще в первые дни я приказал сделать деревянные подпорки и соорудить подобие лафета, на который и было поставлено одно 12-фунтовое орудие. Я приказал приготовить четыре патрона [287] из нашего собственного пороха, а вокруг крепости мы нашли множество снарядов, которые и забили в орудие. Неприятельский корабль вошел в гавань; лодки были полны людьми; следовательно, неприятель предполагал высадить десант. Когда корабль подошел на половину орудийного выстрела, я приказал открыть огонь, во время которого мои люди начали движение между саклями, чтобы ввести в заблуждение противника о нашем числе. Наш первый выстрел не попал в цель, второй — ударил по кораблю. Русские, по-видимому, рассчитывали на нечто иное, потому что их корабль быстро повернулся и отплыл в открытое море после того, как кинул в нас пять гранат. Выйдя за пределы досягаемости выстрелов, корабль остановился, и множество подзорных труб нацелилось на берег. Через полчаса всякая опасность для нас уже миновала, потому что с гор сбегались абазы, услышавшие орудийные выстрелы; они неслись в диком беге и на конях, и скоро собралось больше сотни вооруженных людей. Русские рассматривали нас издали в течение недолгого времени и потом продолжали свой путь дальше в Сухум-Кале.

Раскаяние в моем преступном легкомыслии, благодаря которому я отплыл без оружия и не дождался судна с боевыми припасами, было во мне очень сильно, но, к сожалению, пришло слишком поздно. Все время я искал способа скрыть от абазов мой недостаток оружия. Солдатам я приказал демонстрировать как можно чаще их немногочисленные ружья, сабли и револьверы и не выходить из домов невооруженными. Солдаты так хорошо проводили этот маневр, что за все время моего пребывания в Туапсе абазы не заметили нашей невооруженности. Только при походе из Туапсе должен был я раскрыть эту фатальную нашу слабость, что произвело на горцев весьма своеобразное и далеко не очень благоприятное впечатление.

Мы не могли оставаться дольше на берегу, потому что русские могли в любое мгновение вернуться, и, возможно, мы не сумели бы выйти из этого дела с целой шкурой; если бы неприятель высадил отряды на землю, то мы могли бы потерять и те небольшие припасы, которые у нас были. [288]

Поэтому я направился на полчаса езды в глубь страны, оставив в гавани только один пост из 10 человек. Так как погода стала мягче, мы могли уже устроить бивуак в палатках.

Я отправил письма как к Сефер-паше, так и к наибу с просьбой, чтобы они оповестили народ о нашем приезде и созвали народное собрание. Старший Сефер, который жил дальше 10 дней езды, не заставил долго звать себя и тотчас же отправился в путь, но Мохамед-Эмин, который находился всего в двух днях езды, послал к нам человека с ответом, что русские тревожат границы Абадзехии, поэтому он очень занят, но скоро приедет; как я, однако, узнал позже, он был тайно предупрежден против нас, а предостережение это шло из Убыхии.

Наиб и почти все абазы были убеждены, что мы солдаты султана, и хотя, с одной стороны, это приносило нам известную пользу, но, с другой стороны, это же нам сильно вредило. Особенно в Туапсе, где очень мало людей следуют заповедям Корана, на мусульманских солдат смотрели очень хмуро; абазы стали гораздо приветливей, когда выяснили, что мы не являемся магометанами. Во всем Туапсе я не видел ни одной мечети и ни одного имама; похоже, что жители вообще не знают никакой религии, но втайне они соблюдают греческо-языческие обряды 10. Один очень влиятельный в крае старик по имени Арслам Кери из рода Кеблэ сказал мне однажды: «То, что вы все, как мусульмане, так и христиане, говорите об одном боге, я не могу постичь, и кажется мне, что вы не правы. Ничто из того, что мы видим своими глазами, не едино, все многообразно; как же это возможно, чтобы то, что мы считаем высшим и что мы не можем видеть, так отличалось от наших представлений? Когда мы молимся многим богам, больше порядка, потому что у каждого есть своя часть, у этого — вода, у того — огонь, у одного — горы, у другого — лес, люди, звери и т.д.; но как может один-единственный бог сделать все те бесчисленные вещи, которые мы находим на земле? Именем этого единого бога приходили [289] раньше к нам турки и хотели нас поработить; с именем единого бога приходят русские и тоже хотят нас превратить в рабов; именем единого бога зовут нас против русских, и русские снова именем единого бога бьются с мусульманами. Где же правда? Вы приходите снова именем единого бога, но опять-таки другого, чем турки и русские; мы посмотрим, чего вы в конце концов захотите от нас». Эти слова, которые, так сказать, представляли собой образ мыслей многих тысяч семейств, живущих в горах вокруг Туапсе, убедили меня в том, насколько лживы различные черкесские политиканы вроде Измаила и других, которые описывают Оттоманской Порте положение дел так, будто бы адыги ничего сильнее не хотят, чем стать мусульманами и подданными султана, в то время как в действительности мы видим нечто совершенно противоположное.

10 марта приехал в Туапсе Сефер-паша и вместе с ним около 20 всадников. Хотя этот человек и не имел в Абазии никаких реальных заслуг, но в истории этой страны он занял такое значительное место, что ознакомление с этой личностью будет небезынтересно. Когда я его увидел в первый раз, ему было приблизительно около 80 лет, хотя он сам не знал точно свой возраст. Очень трудно было узнать его годы, потому что он был необычайно крепок, каждый день ездил на коне 12 часов, не уставая от этого, и обладал исключительным телосложением. Дородный, с серебряной бородой, он был одним из красивейших старцев, которых я когда-либо видел. Черты его лица имели явный отпечаток степенного татарина, и среди 1 000 абазов его можно было мгновенно распознать, как чужеземца, так же как и его сына, молодого человека не старше 30 лет, который по внешнему виду был точной копией своего отца. Благодаря своей длительной бездеятельности в Турции он стал тяжеловат и любил покой; его образ жизни и манеры были совершенно турецкими; он носил турецкую униформу низама, а не национальный костюм абазов; его свита также состояла почти исключительно из турок, татар и нескольких черкесских уорков. Он обладал очень посредственным умом и не имел никакой энергии, но зато у него было много [290] пассивного упрямства и порядочная доза хитрости и лицемерия, столь свойственных всем народам туранской расы.

В его свите был некий Хаджи-Измаил-паша. Будучи лет на 20 моложе Сефера, он был значительно энергичней его, обладал большим природным умом и влиянием на абазов, среди которых являлся, так сказать, единственной опорой князя Сефера.

Сефер-паша приветствовал нас с большой сердечностью и сказал, что ожидает нас уже в продолжение четырех месяцев и все уже приготовил к нашему прибытию, Я заметил ему с усмешкой, что нахожусь здесь уже больше двух недель и не вижу ни малейших следов этих приготовлений, помещаясь в нескольких палатках и сам покупая себе провиант. На

это он возразил с большой живостью, что Туапсе — плохое место, здесь никто никого не слушается, что у него здесь почти нет сторонников, потому что жители плохие или вовсе не мусульмане, которые не хотят знать ни бога, ни падишаха. Но совсем другое в северной стране Адыгее, где он сам живет и куда нас приглашает. Первый мой вопрос был об орудиях, боевых припасах и ружьях, которые я должен был у него найти. О ружьях он ничего не знал. Орудия у него были — две достаточно подержанные турецкие шестифунтовые пушки с шестью парами упряжи и 80 снарядами. Из боевых припасов у него было 100 бочек пороха и 120 ящиков ружейных патронов в Джубге, но жители не хотят их ему отдать, Я был очень расстроен известием, что там нет никаких ружей, но, так как со дня нашего приезда прошло уже полмесяца, я надеялся, что Измаил-паша приедет через две недели со всем необходимым. С другой стороны, неприбытие судна с боевыми припасами я не мог ничем другим объяснить, как тем, что Измаил-паша задержал его до второго транспорта.

На предложение князя Сефера заключить с ним союз и отправиться на север Черкесии я возразил ему, что не могу до приезда Измаила делать свои заключения и становиться на сторону той или другой партии. Он представляет собой партию султана, но есть еще партия наиба шейха Шамяля, и, кроме того, больше двух третей страны не хотят ничего знать [291] ни об одном, ни о другом. Когда прибудет все необходимое из Стамбула, я пойду туда, где этого потребует присутствие русских, но не примкну ни к одной партии. Я заметил, что мой ответ не очень понравился Сефер-паше, но то, что я от него услышал, тоже не доставило мне особенного удовольствия, и я не хотел с ним сблизиться, потому что не только его влияние в Абазии не было достаточным, но он не был также в состоянии в продолжение почти двух лет восстановить в Шапсугии порядок, созданный наибом и нарушенный его прибытием. Но что меня больше всего отталкивало от него — это то, что он восстановил уничтоженный наибом обычай обращать в рабство перебежчиков из русской армии и сам первый подавал в этом пример. Наоборот, известия о наипе были для него благоприятны, и даже сопровождавшие князя Сефера и его подчиненные не могли отказать наипу в энергии и уме; все бедняки в стране его благословляли. Но, кроме того, меня расположил в пользу Мохамед-Эмина рапорт одного из моих офицеров лейтенанта Штоха, которого я послал к наипу и который провел в его доме три дня. По донесению этого офицера, между наипом и князем Сефером была огромная разница. Значение наипа и его влияние на абадзехский народ было огромно; ему повиновались там со страхом и вместе с тем с любовью. Мехкеме, чиновники, судьи и муртазики действовали с величайшей регулярностью, и офицер уверял меня, что, как только перешел границу, почувствовал, что попал в совершенно организованную страну. Наиб сказал моему посланному откровенно, что нас не ждал, поэтому ничего не мог подготовить к нашему приезду, но если мы все-таки захотим прийти в Абадзехию, то он в течение восьми дней соберет на том месте, где мы пожелаем, необходимое количество лошадей и жизненных припасов; предварительно, однако, требовал письменного заявления о том, что мы хотим прийти. Перебежчики из русской армии в Абадзехии все были свободны; наип обещал собрать их вместе и предоставить в мое распоряжение. Единственное, что не понравилось моему офицеру, было явно преувеличенное мусульманское ханжество наипа и его приближенных. [292]

Можно легко себе представить, с каким настроением ожидал я прибытия Измаил-паши или хотя бы корабля с орудиями, боевыми припасами, ситцем и солью. Мой турецкий фурыер так «хорошо» хозяйствовал, что 18 марта объявил мне, что съестных припасов у него хватит еще только на несколько дней. Я не мог принудить старого турка дать отчет в израсходованных деньгах; арест его также ничем не помог, потому что когда я это сделал, то единственным последствием было то, что князь Сефер, знавший этого турка больше 30 лет, стал со всем своим турецким обществом ходатайствовать за него. К тому же возникли

и новые неприятности. Жители Туапсе, которым присутствие князя Сефера казалось опасным, принуждали его ехать дальше. Старый князь в свою очередь хотел какой бы то ни было ценой заставить нас ехать с ним. Были пущены в ход всевозможные сказочные слухи, которые только могли ускорить наш отъезд.

В ночь с 17-го на 18 марта пришел в мой лагерь очень взволнованный Сефер-паша со всей своей свитой и встревожил нас сообщением о том, что наиб во главе 1 000 человек выступил в поход, чтоб захватить нас и увести в Абадзехию. Я был бы очень рад соединиться с наибом, но твердо решил оказать сопротивление малейшему насилию, с чьей бы стороны оно ни исходило. Мы провели всю ночь в угнетенном настроении. Приблизительно около полуночи внезапно раздались три ружейных выстрела из ближайшего лесочка. Вопреки предложениям Сефер-паши я приказал ответить выстрелом из пушки, уже сослужившей нам службу против русского парохода, и с восемью вооруженными ружьями и револьверами солдатами бросился в рощу. Мы никого не нашли и через полчаса возвратились назад в лагерь. Вскоре после выстрела из пушки вся окрестность уже была под ружьем, а так как мы запретили кому бы то ни было приближаться к лагерю, то абазы расположились в небольшом отдалении, недоумевая, что же, собственно, случилось. Когда настал день, все разъяснилось. Наиба не было и в помине. Предполагали, что какие-то бродяги вздумали над нами позабавиться. Но Сефер и его приближенные уверяли твердо [293] и настойчиво, что это были люди наиба. Я сам не знал, что думать об этом; только через год я узнал, что это была комедия, разыгранная Сефер-пашой.

19 марта Сефер-паша получил известие из Натухая, что русские концентрируют силы на Кубани. Он поделился со мной этим сообщением и просил послать одного офицера и нескольких канониров для того, чтобы привести в порядок находящиеся у него два орудия. Мне было неприятно дробить мой маленький и невооруженный отряд, но я считал неполитичным отказать в просьбе Сефер-паше; особенно же в случае возможного несчастья, если наш второй транспорт попадет в руки неприятеля (чего я имел все основания опасаться), я мог тогда рассчитывать на эти два орудия лишь как на единственное оружие. Поэтому я послал лейтенанта Станкевича с двумя унтер-офицерами и 16 канонирами в землю натухайцев, и 20-го утром они отправились в сопровождении Хаджи-Измаил-паши. В этот же день я отправил унтер-офицера в сопровождении двух абазов с письмом к наибу, чтобы еще раз пригласить его в Туапсе. Но Мохамед-Эмин стал настолько подозрителен после прибытия ко мне Сефер-паши и уорков из Убыхии, что уехал на границу Кабарды и даже не думал о том, чтобы приехать к нам. Он только оставил в своем доме распоряжение, если мы появимся в Абадзехии, принять нас как можно лучше и тотчас же известить его об этом.

Благодаря моему безрассудному легковерию я попал в критическое положение. У моего турецкого фурьера не было больше денег; из 850 талеров, которые я получил в Константинополе от Измаил-паши, я выплатил жалованье офицерам за три месяца и унтер-офицерам и солдатам — за два; было еще множество расходов, в результате чего у меня осталось очень мало денег. Поэтому я решил согласиться на неотступные уговоры князя и поехать с ним, но без того, однако, чтобы связывать себя чем-либо по отношению к нему. Наиб не станет из-за этого моим врагом, так как он сам, несмотря на мои неоднократные приглашения, не приехал ко мне; в то же время если бы я ушел в Абадзехию, то тяжело оскорбил этим князя Сефера и сделал бы его своим [294] смертельным врагом. Я решил подождать до 26 марта, и если к этому дню не придет известие из Стамбула, то отправиться с Сефер-пашой. Так как и 26 марта мои ожидания оказались тщетными, я нанял два турецких сандала и приготовился отправлять весь отряд в Мезиб. Но Сефер-паша стал меня так настойчиво просить, чтобы я отправился сушей,

что я ясно увидел, что у него на это есть особый расчет и интерес, и должен был согласиться с ним. Поэтому я отправил багаж и три найденных в крепости Туапсе вполне пригодных пушечных ствола с 30 небооруженными людьми морем, а 25 более или менее вооруженных солдат должны были маршировать пешком; так была велика беспомощность и бессилие князя Сефера и так сильно равнодушие местных жителей, что, несмотря на все старания, ему едва удалось достать для нас трех лошадей 11.

В то время как сандалы при очень благоприятном ветре в течение 16 часов прибыли в Мезиб, нам понадобилось восемь дней форсированного и утомительного марша. Многие дни перед тем шли сильные дожди, снег в горах растаял, и это еще более утяжелило сам по себе трудный переход через множество сильно разлившихся горных речек. Мы двигались вблизи от берега по едва различимым тропинкам в горах, поросших густым лесом. Я имел возможность удивляться абазским лошадям, которые с большой легкостью и осторожностью проходят там, где наши пехотинцы пробирались лишь с большим трудом. Сопровождавшие нас абазские всадники мчались все время на гору и вниз, без усталости обрабатывая нагайками своих лошадей; и казалось почти чудом, что на множестве опасных мест лошади и наездники сотни раз не сломали себе шею. И все-таки я не видел ни одного несчастного случая. Чем больше мы удалялись от берега, тем красивее и плодороднее становилась страна, имевшая очень дикий и неприветливый вид, когда мы смотрели на нее с моря. Только в 9 часов вечера мы устроили первый привал [295] в походе; нас ждали квартиры, но они показались нам отвратительными после утомительного марша. Во время нашего пребывания в Туапсе мы сами заботились о своем пропитании и стояли либо в бараках, либо в палатках. Это был первый случай, когда мы воспользовались абазским гостеприимством; также и абазы впервые принимали у себя европейцев и христиан. Солдаты мои нашли, что квартиры и угощение великолепны и далеко превосходят военный рацион. Впрочем, я должен заметить, что мои храбрые люди — сплошь старые заслуженные солдаты русской армии — с редкой выдержкой переносили все лишения, постигшие нас с минуты нашего отъезда. Всегда мои люди были в хорошем настроении и с нетерпением ждали настоящего дела, той минуты, когда мы должны схватиться с русскими; никогда я не слышал никаких жалоб, хотя они имели к тому достаточно оснований и все это утяжелялось моим легкомыслием, из-за которого я повел их безоружными в страну, где почти каждый ребенок носит оружие. Но с помощью моих храбрых людей я сумел так хорошо скрыть этот недостаток вооружения, что даже сам старый Сефер-паша не заметил нашего большого места.

На другой день перед моей квартирой собрался наш маленький отряд и вместе с ним множество абазов; каждый хозяин сопровождал своих гостей, и гостеприимные абазы нагружали еще солдат холодным мясом, сыром, медом, пирогами и хлебом, чтоб они не испытывали в дороге голод. Сефер-паша распустил повсюду слух, что он ведет 500 человек; чем дальше распространялась новость, тем больше становилось наше число; зато потом, когда абазы увидели, как мало было нас в действительности, они очень удивлялись, но Сефер-паша сумел их убедить, что остальные уже прошли вперед, многие едут морем и еще большее число приедет потом, и абазы вполне были удовлетворены. Впрочем, и Сефер-паша, который не спрашивал меня о нашем числе и сам был плохим математиком, считал, что наши силы доходили приблизительно до 200 человек. Мы двинулись в поход после полудня и в 6 часов вечера пришли на вторую остановку. Здесь прием был очень холодный. [296]

Гостеприимство не позволяло отказать нам в приюте и пище, но и то и другое было предложено нам вначале с недружелюбным оттенком. Несмотря на это, мы были накормлены так же хорошо, как и на первом привале, даже еще лучше, потому что эта местность была плодороднее и зажиточнее. Только старый князь Сефер был принят

исключительно плохо. Абазы привели с собой русского перебежчика, который хорошо говорил на адыгском языке, и допрашивал моих солдат, кто мы такие, откуда и зачем явились в Абизию и так далее; когда их любопытство было удовлетворено, они начали настойчиво советовать нам не идти дальше с князем Сефером. Когда мы уже были готовы к отправлению, выступили некоторые старшины этой области и попрощались с нами, заявив, что мы всегда будем в горах желанными гостями, но не должны больше приходить в обществе Зан-оглы, о котором они не хотят ничего знать, так как он не их соотечественник и служит то русским, то туркам. Однако это не помешало Сефер-паше доказывать мне в течение всего пути, что он единственный настоящий владетель всей Абазии и что только наиб возмущает против него страну; он обещал, однако, скоро с ним покончить. Он вытащил старую турецкую газету, которая утверждала, не знаю, на основании каких источников, что Зан-оглы в продолжение пяти столетий являются законными князьями страны абазов. Частое чтение этой газеты способствовало тому, что старый Сефер наконец сам уверился в суверенности своего рода и захотел заставить всех разделить с ним эту веру. Он всегда носил эту газету в очень хорошо сделанном футляре вместе с талисманом и, как только я начинал смеяться над его претензиями, немедленно вытаскивал ее, и, торжествуя, держал перед моими глазами напечатанное, а следовательно — неопровержимое доказательство.

Следующие три перехода были похожи на первые. По дороге, во время остановок в аулах, Сефер-пашу часто приглашали для разрешения того или другого из бесчисленных судебных разбирательств абазов. Я должен был в таких случаях, несмотря на мои протесты, садиться вместе с переводчиком среди старшин и играть роль судьи, что мне [297] казалось чрезвычайно комичным, а абазами принималось очень серьезно, в полной уверенности, что европеец все должен знать и лучше всех может вынести приговор по земельному делу или по делу об украденной корове; подобные случаи были еще в Туапсе. 1 апреля мы дошли до Джубги, где, как говорил мне Сефер-паша, в доме Али Зази-ока находился порох. После некоторого сопротивления все боевые припасы, состоящие из 81 бочки пороха и 57 ящиков ружейных патронов, были нам выданы. Я приказал погрузить порох на сандал и отвезти в Мезиб, куда прибыл в пешем строю со своим отрядом 3 апреля и где застал лагерь солдат, посланных раньше из Туапсе. [301]

ГЛАВА 14

Наше поселение в Шапсугии. — Прибытие оружия и боевых припасов. — Недостаток продуктов. — Равнодушие черкесов. — Неприятельский корпус переходит Кубань. — Наше первое сражение с русскими. — Настроение народа изменяется в нашу пользу. — Договор с народом. — Организация артиллерийского отряда.

Еще в предисловии я объяснил причины, по которым не могу дать топографического описания страны. Я не могу обрисовать этап нашего перехода и набросать картину страны, потому что все это, при нынешних обстоятельствах, может пойти на пользу русским.

После моего приезда в Мезиб собрались окрестные жители, среди которых было много приверженцев Сефер-паши, для того, чтобы обсудить вопрос о нашем поселении. Князь Сефер предложил, несмотря на оппозицию со стороны Хаджи-Измаила-паши и большинства старшин, направиться в находящийся на расстоянии 6 часов езды от Мезиба Шапсугур, где он имел свое жилище, и там расположиться. Для меня это место было так же безразлично, как и все другие, потому что до прибытия ожидаемого вспомогательного транспорта я не мог избрать какой-либо определенный план. В тот же вечер отправился прибывший с первым отрядом лейтенант Станкевич в Шапсугур и донес мне, что он

нашел у Сефер-паши два старых шестифунтовых турецких полевых орудия, у которых, правда, многого не хватает, и шесть пар упряжи с семью запасными скулами. Четыре довольно плохих лошади доставил сын Сефер-паши Карабатыр Ибрагим-бей. О сносом убежище в Шапсугуре не могло быть и речи. Обещанный склад провианта состоял из небольшого запаса муки, которого могло хватить едва на один месяц.

5 апреля наши боевые припасы и багаж были погружены на телеги, запряженные быками, и мы медленно двинулись через Геленджик и через горную дорогу, проложенную русскими между Добой и Абином на Шапсугур.

Абазские телеги, или, вернее, повозки на двух высоких колесах, так слабы, что на них нельзя погрузить больше 5-6 центнеров; нам потребовалось поэтому больше, 40 таких повозок. Это было нелегким делом — вести этот транспорт в полном порядке, хотя на каждой повозке находился один или двое солдат. Абазы, по своему обыкновению, хотели курить и ехать как им было угодно, и я прилагал все усилия, чтобы заставить их повиноваться, что нередко приводило [302] к комическим и вместе с тем досадным последствиям. Через четыре дня мы прибыли в Шапсугур, где весь отряд соединился и раскинул лагерь.

Та часть страны, где мы теперь находились, была хорошо известна русским и часто подвергалась их нападениям. От Шапсугура до русской границы не больше пяти часов езды; хотя страна поросла густыми лесами, она здесь не гориста. Я скоро увидел, что Сефер-паша и здесь не пользуется большим авторитетом. Однако же тут у него было несколькими сторонниками больше, чем в Южной Шапсугии, и он привел нас сюда главным образом для того, чтобы увеличить их число и укрепить свое положение. Двадцать артиллеристов, которые были отправлены раньше с лейтенантом Станкевичем, должны были несколько дней питаться в Шапсугуре только одним хлебом, потому что в доме князя Сефера ничего нельзя было найти. Пришлось потратить остаток моих денег для того, чтобы ввести порядочный рацион для солдат.

Во время нашего перехода из Туапсе в Мезиб я осматривал вдоль морского побережья множество лежащих разрушенными русских крепостей; абазы сожгли или разрушили находившиеся внутри их постройки и казармы, но рвы и валы оставили в прежнем состоянии, так что каждый высадившийся неприятельский отряд мог здесь найти готовую точку опоры. Все мои увещания окончательно разрушить эти крепости не производили на жителей ни малейшего впечатления. В большинстве этих крепостей я нашел железные орудийные стволы, брошенные русскими. В общем я насчитал 67 орудийных стволов, из которых 11 были еще пригодны для употребления, остальные же могли нам послужить только как материал для ядер. Снова и снова приказывал я свозить собранные орудия в Мезиб, в надежде использовать их, когда увеличится мой отряд.

Сейчас же по приезде в Шапсугур лейтенант Станкевич устроил небольшую полевую кузницу, чтобы сделать нужные исправления в найденных там двух орудиях. Он привлек к этому делу также пятерых перебежчиков, среди которых был один прекрасный кузнец. За время нашего похода через [303] горы мы встречали каждый день множество перебежчиков, которых я был вынужден кормить надеждами до прибытия боевых припасов и оружия; однако я все же записывал имена этих людей; предупреждая жителей, у которых они служили рабами, что они не имеют права их продавать и отвечают за них. Абазы принимали это с явным неудовольствием, но не протестовали.

На следующий день после нашего прибытия в Шапсугур я отправился в сопровождении 12 всадников, чтобы разыскать в ближайших горах надежное место для нашего лагеря,

потому что нам, а особенно нашему пороховому складу, было очень небезопасно оставаться в Шапсугуре, так как до меня доходили тревожные известия о движении врага на правом берегу Кубани. Я нашел в горах на речке Адерби, на полдороге между Шапсугуром и Мезибом, хорошее и безопасное место для лагеря, к которому русские могли бы добраться только с большим трудом.

Единственное неудобство было то, что между Шапсугуром и Адерби не было проезжей дороги, приходилось делать объезд через Геленджик, а это увеличивало в три раза расстояние. Но так как я предполагал только после прибытия второго транспорта искать определенное место для расквартирования отряда, то выбор Адерби был временным.

При моем возвращении в Шапсугур я получил известие, что наша долгожданная амуниция прибыла в Геленджик. Корабль, который мы должны были взять на буксир, отплыл несколькими днями после нас и направился в Трапезунд. Там турецкий капитан судна отказался ехать дальше, и вещи пришлось перегрузить на три сандала, которые наконец прибыли в Геленджик.

Я поспешно отправился вместе с Сефер-пашой в Геленджик, куда мы прибыли 9-го вечером. Я начал тотчас же осматривать пришедшие припасы и был как громом поражен. Холст и соль, которые означали деньги и в моем положении были необходимейшими вещами, были сняты Измаил-пашой в Константинополе с судна, из 130 предметов обмундирования он удержал 80 шинелей, мундиров и брюк. Из орудий был только один трехфунтовик с лафетом [304] и принадлежностями, следовательно — годный к употреблению; кроме того, я нашел еще один четырехфунтовый орудийный ствол, один тридцатидвухфунтовый и два двадцатифунтовых ствола гаубиц без лафетов, одну полевую кузницу, которую нельзя было возить; из 30 центнеров пороха недоставало 5,5 центнера, из 50 центнеров свинца — 26 центнеров; все небольшое количество железа и стали пропало. Из 24 топоров не было ни одного, из дюжины лопат и ломов недоставало половины. Венский пиротехник, один из бесчисленных людей, приглашенных в Константинополе на блестящих условиях в Черкесию, прибыл с этим транспортом; без его присутствия мы бы вовсе ничего не имели бы, кроме орудийных стволов. Это было, таким образом, то много раз обещанное подкрепление, которое мы получили от магометанских патриотов в Константинополе; оно было также и последним, потому что за три года мы больше не получили от них ни одной нитки.

Я приказал отправлять прибывшие вещи на найденное мной место в Адерби, где я решил пока устроить склад; так как из Константинополя не прибыло ни одного письма, то я все еще крепко надеялся на прибытие нашего главного транспорта. За исключением лейтенанта Станкевича, который с 20 человеками и двумя орудиями остался в Шапсугуре, весь отряд двинулся в Адерби, где я тотчас же после сооружения хлебопекарных печей, порохового склада и склада пищевых припасов приказал начать работу в кузнице и каретной мастерской.

В Константинополь я отправил письмо с просьбой сообщить мне, получу ли когда-нибудь подкрепление. Я описывал мое тяжелое положение и откровенно заявлял, что могу оставаться в этих условиях только до середины мая; если не прибудет подкрепление из Константинополя и жители не предоставят нам пищевые припасы, мы должны будем сесть на корабль и возвратиться в Стамбул, так и не увидев русских. Остатка взятых из Стамбула денег и моих собственных небольших средств будет едва достаточно для того, чтобы оплатить нашу жизнь до 15 мая.

Утром 16 апреля пришло несколько старшин из Шапсугии [305] в наш лагерь в Адерби, где мы расположились за два дня перед этим. Сефер-паша и лейтенант Станкевич также слали мне письма из Шапсогура. Причиной прихода старшин было нападение русских на страну. Неприятель перешел через Кубань вблизи острова, лежащего у впадения речки Адагум, построил на втором рукаве Кубани мост и имеет намерения двинуться в глубь страны по рекам Абин и Шапсогур. Старшины пришли, чтобы именем народа просить нас прийти с орудиями на помощь против врага. Они брали на себя обязательство доставить как необходимое число лошадей, так и провиант, т.е. зерно, мясо, масло и соль. Само собой разумеется, что это приглашение, вызвавшее среди польских солдат всеобщий восторг, было принято мной с радостью.

Я немедленно отправился в Шапсогур, где нашел уже значительное число собравшихся адыгов. Сын Сефер-паши Карабатыр Ибрагим-бей собрал у различных абазов 20 лошадей, и я застал моих артиллеристов занятыми одеванием сбруи и упряжкой этих лошадей. Сефер-паша также собрал уже для нашего отряда около 10 коров. После непродолжительного отдыха я собрался в дорогу на реку Кубань; около 100 абазских всадников образовали мой эскорт. После трехчасовой поездки я встретил корпус, состоящий приблизительно из 600 абазов, которые заняли дорогу в лесах около Кубани и выставили пикеты против неприятеля. Лежащие близ Кубани абазские аулы были уже оставлены женщинами и детьми; имущество спрятано в надежные места, а пустые сакли служили квартирами для воинов. Неприятель устроил лагерь на Кубанском острове и уже перебросил сильную колонну на левый берег рукава реки. Остров, имеющий приблизительно пять часов хода в окружности, очень лесист и богат травой, но так низменен, что весной и осенью часто покрывается водой. Поэтому остров необитаем, абазы только собирают там сено и пускают туда пастись свой скот. Неприятель, понятно, не встретил там никакого сопротивления и при переходе второго рукава отбросил без всякого труда собравшихся там в небольшом количестве абазов, пытавшихся затруднить ему переход. Расположив лагерь, я определил силы неприятеля в шесть батальонов пехоты, два [306] полка казаков и две батареи, из которых один батальон, четыре орудия и отряд конницы находились на левом берегу, где они спешно возводили бруствер. Позднейшие сведения показали, что я не ошибся в моем подсчете. За время рекогносцировки неприятель открыл сильную канонаду по нашему отряду, но не причинил нам никакого вреда, кроме того, что две наших лошади были тяжело ранены. Я заметил с внутренним удовлетворением, что абазские всадники переносят артиллерийский огонь с несравненно большим спокойствием, чем турецкие баши-бузуки и даже регулярная турецкая кавалерия, которую я наблюдал на Дунае и в Крыму 12. [307]

Я возвратился той же ночью обратно в Шапсогур, куда уже прибывали лодки из Натухая и Шапсугии, для того чтобы скорее собрать воинов на реке Адагуме. Я послал в Адерби приказание немедленно выслать 15 человек в Шапсогур, по возможности ускорить лафетирование двадцатифунтовой гаубицы и для этого использовать остов трехфунтовой зарядной повозки, грубо обработать кожу скота, убитого для моего отряда, чтобы как можно скорее получить материал для упряжи лошадей, а также собрать необходимые боевые припасы. Наступление русских вызвало в нашем отряде такую деятельность, что все офицеры и солдаты работали день и ночь, чтобы привести в исправность четыре орудия, которые должны были нам служить.

Вечером 17 апреля я отправился из Шапсогура с двумя орудиями в запряжке и приблизительно с 2 000 конных и пеших абазов и ночью пришел на сборное место у реки Адагум. Несколько седел, привезенных с собой и найденных в турецкой упряжи, позволили мне посадить на коней 10 моих солдат, которые с этого времени образовали мой постоянный эскорт.

При известии, что загадочные чужестранцы хотят принять участие в сражении с русскими, собрались в необычайном количестве воины от земли натухайцев до Абина; около 3 000 конных и больше чем вдвое пеших соединились на поросших лесом и кустарником берегах Адагума.

Я еще раз ночью и на следующее утро произвел рекогносцировку расположения русских и нашел его неизменившимся. 18-го был созван общий военный совет, в котором я принял участие вместе с тремя моими офицерами. Против своего обычая и, вероятно, для того, чтобы выказать нам свое почтение, старшины с самого начала заявили, что они полностью передают нам руководство и готовы делать все, что я найду лучшим; это, однако, не значило, что они знали, каким образом я предполагаю начать атаку на неприятеля. [308]

Я считал несвоевременным сразу нарушить их старинные обычаи главным образом потому, что я предпринял эту первую экспедицию больше от скуки и из любопытства и твердо решил, если обещанное подкрепление не придет из Константинополя, возвратиться туда. После того как я сделал абазскому военному совету, состоящему из 10 000 членов, несколько замечаний о неправильности в их предложениях, я изложил свой план наступления. Приблизительно на расстоянии орудийного выстрела от неприятельского авангарда, расположившегося лагерем на левом берегу Кубани, растянулся полукругом высокий и густой лес, который был глубже, чем на час езды. В четвертьчасовом расстоянии от левого фланга неприятеля, расположившегося на острове, был хорошо известный жителям широкий брод через Кубань, о котором неприятель не имел представления, так как никогда не занимал это место.

Я потребовал 300 пехотинцев для прикрытия двух моих орудий, которыми я хотел обстреливать и тревожить неприятельский фронт. Вся остальная масса пехоты, приблизительно 6 000 человек, должна была под начальством курдского князя Фарис-бея образовать наше левое крыло, спрятаться в лесу и тотчас же по первому приказанию, вырваться в атаку и немедленно вступить в рукопашную стычку с неприятельским авангардом, находящимся на левом берегу. [309]

Конница под командованием сына Сефер-паши, которому в первый раз была оказана честь вести отряд в бой, должна была пройти указанный брод и угрожать массе врага, расположившегося на правом берегу. Если конница будет атакована и сильно затруднена в движении, то она должна пройти на расстояние часа вверх по реке к острову и там перейти по второму, очень широкому и удобному, броду.

Абазский военный круг принял это предложение. Никто не возражал, но я не заметил также большого удовлетворения, напротив, мне казалось, что на лицах стариков и молодежи было написано недоверие. Впрочем, весь мой авторитет был основан только на двух пушках; если б у меня их не было, то не подлежит сомнению, что абазы совершенно не стали бы мне повиноваться. Я видел по всему, что могу рассчитывать только на Фарис-бея, который хорошо понимал мои мысли. 19 апреля в 6 часов утра весь корпус адыгов стоял под ружьем. Я отправился посмотреть, не произошло ли каких-нибудь изменений в расположении врага после того, как я отдал приказ обоим указанным начальникам о медленном продвижении на позиции. Все осталось по-прежнему, но я заметил, что русские усердно работают над возведением предмостного укрепления и насыпи для батарей.

В 7 часов утра адыги заняли позицию по моим указаниям и два моих орудия были выставлены против моста и прикрыты кустарником. Все продвижение, хотя оно и было

проведено только на расстоянии орудийного выстрела от неприятеля, было совершенно закрыто лесом и, следовательно, осталось незамеченным. Я отрядил лейтенанта Арановского с четырьмя солдатами к Фарис-бею с приказанием после 12-го выстрела прорваться вперед и атаковать находящийся на левом берегу неприятельский авангард. Фейерверкер Линовский с двумя конными солдатами был откомандирован к князю Карабатыру, командовавшему правым флангом. Враг был частично настолько закрыт высоким тростником, что мы могли видеть лагерь, только сидя на деревьях. Поэтому я поместил одного унтер-офицера на высокий дуб и отдал ему приказ следить за попаданием наших орудийных выстрелов. Я слез с лошади и, так как для [310] меня было большим удовольствием лично направить первый пушечный выстрел, который услышат русские со стороны абазов, взял на себя обязанности унтер-офицера, навел орудие и приказал открыть огонь. Второй выстрел был направлен лейтенантом Станкевичем. Мы открыли медленный, хорошо нацеленный огонь по мосту. В первое мгновение неприятель был настолько ошеломлен, что казаки вскочили на коней и помчались через мост. Форпосты у предмостного укрепления бросились в бегство назад, пехота, занятая саперной работой, побросала лопаты и ломы и побежала к своим ружьям. Уже после восьмого нашего выстрела неприятель начал отвечать из четырех, а затем — из шести орудий. После 12-го выстрела я приказал утихнуть огонь и в полной уверенности, что молодой князь Зан-оглы начнет с конницей проводить задуманный маневр на правом фланге, сел на лошадь и поскакал на левое крыло, чтобы направить и ускорить наступление пехоты. Я нашел Фарис-бея, лейтенанта Арановского с его четырьмя солдатами и приблизительно сотню адыгов готовыми к выступлению из леса против неприятеля — они кричали и неистовствовали, но не могли, однако, побудить всю массу к наступлению. Я поскакал в лес, гнал их вперед, молил, угрожал. Все напрасно! Абазы не желали двигаться. Между тем неприятель, заметивший движение на нашем левом фланге, также открыл огонь по лесу из шести орудий островной батареи правого фланга. Теперь нельзя было и думать о наступлении абазов. Я приказал поэтому Фарис-бею оставаться тихо в лесу, чтобы удержать его при возможном наступлении неприятеля, и поехал к орудиям, которые стойко выдерживали огонь восьми, а затем и двенадцати русских орудий. Я нашел уже трех человек и двух лошадей небоеспособными. На правом крыле Карабатыр не двигался с места. Неприятель, который между тем приобрел снова полное самообладание и явно не имел представления о столь опасном броске и поэтому считал свой лагерь на острове совершенно безопасным, направил в атаку три батальона через мост и выстроил их шестью колоннами против нашего левого фланга. Полубатарея конной артиллерии [311] поддерживала его атаку. Я думал уже готовиться к отступлению почти стесненным перекрестным огнем неприятельской артиллерии; я был твердо уверен, что наша пехота сейчас побежит отсюда, но здесь я, к своей радости, ошибся; адыги, спрятавшиеся за кустами и деревьями, встретили неприятеля сильным и метким ружейным огнем, и большие толпы их собирались, чтобы драться холодным оружием. В полосе действия адыгских ружей неприятель подался назад и снова развил сильный орудийный и ружейный огонь, в котором штуцера батальона черноморских казаков давали ему существенный перевес.

Я решил использовать ослабление неприятельского отряда на острове и проделать конную атаку на лагерь. За исключением казаков у неприятеля остались для охраны лагеря только два батальона пехоты. Я отдал приказ Фарис-бею сделать все, чтобы повести пехоту на предмостное укрепление в тот момент, когда наша конница перейдет Кубань. Я сам поехал на правый фланг и понуждал Карабатыра немедленно перейти реку и атаковать неприятельский лагерь. Но все уговоры не помогали. Абазы только жадно прислушивались к орудийному грому; Карабатыр, проявлявший столько дикой энергии в разбойничьих набегах, здесь, став предводителем многочисленной конницы, совсем потерял голову: хотя он был начальником, но ему никто не повиновался.

Настало время прекратить бесполезную артиллерийскую дуэль. В моем отряде был один убитый, четыре тяжело и два легко раненных и два орудия и четыре лошади вышли из боя. Мне казалось, что этого достаточно для развлечения господ абазов. Я утешал себя тем, что русские должны были потерять гораздо больше, потому что наши ядра падали в их густые толпы и в их лагерь, в то время как мы были достаточно хорошо укрыты за дубами. Мои два орудия пять раз меняли свою позицию, что было довольно утомительно проделывать с этими тяжелыми, мерзкими турецкими машинами в густом лесу. Я не хочу говорить о том, что мой маленький отряд в этой первой схватке держался хорошо, ведь это были, как я уже раньше говорил, почти сплошь старые солдаты и поляки. [312]

В 11 часов мы возвратились обратно в лагерь. Здесь наконец прорвался наружу дикий, долго сдерживаемый восторг адыгов. Изумленные и восхищенные горцы едва не задушили моих солдат в объятиях. Только тогда я понял, что еще утром эти люди не хотели поверить в то, что мы будем драться с русскими. Абазы посадили на высокие деревья разведчиков, чтобы наблюдать, не стреляем ли мы друг в друга холостыми зарядами. Отсюда их недоверие и их нежелание повиноваться моим приказам. Они несли мертвых и тяжело раненных солдат по очереди на руках до самого лагеря, где последних стали осматривать и перевязывать абазские «хирурги». Эти импровизированные врачи так опытные, что никто из раненых не умер у них на руках и только один остался негодным к военной службе. У абазов в этот день было только пять раненых.

На следующий день я приказал устроить павшим солдатам достойное погребение. Когда мы сняли шапки, присутствующие здесь 10 000 адыгов тоже сбросили свои папахи, а когда я приказал дать в честь павших орудийный выстрел, внезапно все абазские воины без всякой нашей просьбы разрядили свои ружья в память о своих новых погибших боевых товарищах,

С этого момента отношение абазов к нам совершенно изменилось. При известии о нашем сражении с русскими, во время которого пушки «на самом деле стреляли ядрами», из Шапсугии потекли в наш лагерь новые отряды воинов. К 24-му собралось около 5 000 конных и 12 000 пеших. Сефер-паша также прибыл в лагерь; он был в полном восторге и выражал благодарность от имени абазов за то, однако, что султан прислал пушки и таких храбрых аскеров. При этом он не забыл также вытащить свою газету и вразумить абазов, что его род уже в течение столетий управляет ими. Правда, они ничего об этом не знали, но не могли и сомневаться, потому что Сефер-паша подтверждал свои слова документом, напечатанным в Стамбуле, столице султана. Я попросил у совета сумму и, кроме того, должен был уплатить еще 20 голов рогатого скота в качестве штрафа; выдача же русским перебежчика подлежала теперь смертной казни. [313]

В три дня я довел мой отряд до 120 человек, т.е. до такого числа, на которое у меня хватило обмундирования. Кроме того, я собрал 108 молодых и дельных солдат, поляков по национальности, в Адерби; они должны были в своей порванной абазской одежде помогать нам до прихода главного транспорта, все еще ожидаемого нами с большой надеждой. Кроме того, в течение месяца я выдал только в Натухае, Шапсугии и Бжедугии 736 свидетельств русским перебежчикам. Все эти люди, опытные солдаты, нуждались только в оружии и обмундировании, и тогда их легко можно было повести на врага.

Между тем наши каретники и кузнецы в Адерби поставили на лафет гаубицу, а шорники приготовили четыре пары вполне приличной упряжи. И так как у меня было теперь достаточно людей и лошадей, то я отправил эту гаубицу и хорошо отремонтированную трехфунтовую пушку из Адерби в лагерь на Адагуме.

В Натухайской области было найдено несколько пушечных стволов, которые в разное время были захвачены у русских; в стране нашлись также еще 15 орудий, подаренные абазам во время султана Махмуда. Как я уже раньше говорил, абазы не помышляли о том, чтобы стрелять из таких больших и тяжелых орудий, и ничего с ними не сделали, кроме того, что содрали железо с лафетов и колес, так что из 15 орудий я нашел только два с достаточно сохранившимися лафетами; остальные орудия были превращены в простые стволы. Шестифунтовый турецкий орудийный ствол, шестифунтовый русский единорог и двенадцатифунтовую русскую мортиру я приказал отправить в Адерби, чтобы там снова поставить их на лафеты и катки.

Комментарии

1 Как у турок, так и у отуречившихся абазов Константинополя есть обыкновение называть Абазию Черкесией, а абазов — черкесами, хотя, как я уже показал, это обозначение неверно.

2 Кисет золота равняется 500 пиастрам (около 28 талеров).

3 Центр торговли в Константинополе.

4 Маленькое местечко на Босфоре, в часе езды от Константинополя.

5 Кавасы — турецкие полицейские.

6 Турки прикладывают свою печать вместо подписи; это объясняется тем, что даже многие высокие сановники не умеют писать, Исмаил на первом договоре приложил свою собственную печать, на втором — чужую. Когда англичанин захотел добиться выполнения договора, Исмаил заявил, что ничего не знает. Вызванный в суд, он доказывал с большим апломбом, что никогда не видел этого англичанина и не имел с ним дела. Несчастный капитан вел процесс четыре года и совершенно разорился, потому что не мог выставить свидетелей для доказательства своих требований. Только после моего возвращения с Кавказа он доказал правоту своих притязаний перед английским судом, и оттоманское правительство было вынуждено выдать ему плату и оплатить издержки из секвестированного имущества Исмаил-паши.

7 Феской называется турецкий головной убор красного цвета, который носят как штатские, так и военные.

8 Приблизительно 420 талеров.

9 В 1849 году известный капитан Гордон, поляк, о котором я уже раньше упоминал, отправился в Абазию и хотел оттуда пробраться к шейху Шамилю, не подозревая, что выбрал на самом деле труднейший путь. Он высадился в Убыхии и был гостем горца Хаджи-Керандука, которому он был рекомендован из Константинополя. Однажды Гордон отправился на охоту в сопровождении раба Хаджи Керандука, а несколько дней спустя его обезглавленный труп был найден в лесу. Раб исчез. По Константинополю разнеслась очень романтическая история, основанная на том, что Гордон был убит одним армянином, подкупленным русскими, но убийца был казнен жителями по приказанию Хаджи-Керандука. В Туапсе я услышал впервые, а в Шапсугии и Абадзехии каждый, кого я спрашивал, подтверждал, что Хаджи-Керандук за голову поляка Гордона получил от

русского начальника в Сухум-Кале 400 серебряных рублей. О казни же армянина никто не знал.

10 См. главу 3.

11 Я оставил в Туапсе письма, чтобы в случае, если прибудет наш второй транспорт, его выгрузили и ожидали от меня известий.

12 17 февраля 1855 года русский корпус в количестве 16 000 человек под командой генерала Липранди атаковал защищаемый Сердар-Экрем-Омер-пашой укрепленный лагерь под Евпаторией в Крыму. Русский отряд был на несколько тысяч человек слабее турецкого. Последний стоял за рядом возведенных укреплений, но был все-таки гораздо лучше укрыт для того, чтобы легко держаться против широко растянувшегося врага. Бригадный генерал Искандер-паша (Илинский) командовал турецкой кавалерией, состоявшей только из трех регулярных эскадронов и двухсот вольных татарских всадников. Моя служба привела меня к Искандер-паше. Когда левый фланг неприятеля прорвался к укреплениям и русская пехота начала их штурмовать, главнокомандующий отдал приказ нашему правому флангу и генерал-аншефу египетского корпуса Селим-паше бросить кавалерию на край неприятельского левого крыла. В то время как Селим-паша с саблей в руке, пронизанный неприятельскими пулями, упал на укрепления и его несчастные арабы, мстя за смерть любимого начальника, вырвались из редутов в открытое поле и опрокинули штыками неприятельскую пехоту, Искандер-паша, храбрый из храбрых оттоманской армии, сопровождаемый европейскими офицерами, сделал тщетную попытку повести турецкую конницу против скачущих русских эскадронов. Несколько выстрелов со стороны подвижной русской казацкой батареи, сопровождавшей свою кавалерию на расстоянии трехсот локтей перед турецкими укреплениями, были достаточны для того, чтобы привести нашу конницу в дикое бегство. Несколько дней спустя тот же генерал при посещении форпостов подвергся нападению русских и на глазах турецкого эскадрона, поспешно показавшего спины, был так изрублен, что только благодаря героической самоотверженности одного курдского добровольца он, весь покрытый ранами, все-таки остался в живых и на свободе. Несколько месяцев лежал Искандер-паша между жизнью и смертью в Евпатории, однако турецкие паши были очень на него сердиты за то, что он показывает плохой пример. Собственными ушами я слышал одного толстого пашу, который говорил: «Этот Искандер не понимает военной службы: разве может паша драться как амбал?»

13 Фарис-бей был племянником последнего владельца Курдистанского княжества Ахмет-паши, который после десятилетнего сопротивления туркам раненый попал к ним в плен не столько благодаря успехам армии султана, сколько из-за измены своего брата Солиман-паши; два его сына еще и сейчас находятся во власти турок как заложники, а его семья интернирована в разных местах Оттоманского государства. Сам Ахмет-паша получил позволение жить во Франции, где Порта назначила ему небольшую пенсию для поддержания его существования. До 1853 года Фарис-бей был интернирован в Адрианополе; там он познакомился с черкесом Зан-оглы, позднее ставшим Сефер-пашой и, когда началась война Турции с Россией, он попросил разрешения поехать с последним на Кавказ, на что и получил согласие. Во время моего пребывания в Абазии я получил от этого храброго, гордого, воинственного и благородного юноши существеннейшую и вернейшую поддержку во всех моих военных предприятиях.

Текст воспроизведен по изданию: Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского

(Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев.
Нальчик. Эль-Фа. 1995

© текст - Гарданов В. К. 1995

© сетевая версия - Thietmar. 2009

© OCR - A-U-L. www.a-u-l.narod.ru. 2009

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Эль-Фа. 1995

ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ

(ТЕФФИК-БЕЙ)

ГОРЦЫ КАВКАЗА И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РУССКИХ

ГЛАВА 15

Дальнейшие сражения с русскими. — Известия из Константинополя. — Управление Сефер-паши. — Продвижение русских. — Неприятельское нападение на Геленджик. — Наиб Мохамед-Эмин едет в Константинополь. — Его арест, интернирование и бегство.

После первого столкновения абазские отряды непрерывно наблюдали за врагом и беспокоили его. По очереди с моими офицерами мы ежедневно разведывали расположение врага и пытались ввести известный порядок и планомерность в дозорную службу горцев.

Я решил сделать 28 апреля генеральное нападение на вражеский лагерь и после того, как все без исключения старшины и воины обещали мне повиноваться, не расспрашивая заранее обо всем, я выработал следующую диспозицию: на левом фланге, где в прошлый раз стоял Фарис-бей с пехотой, были поставлены два шестифунтовых орудия под прикрытием 2 000 человек пехоты; на позицию, занятую 19-го артиллерией, была поставлена одна двадцатифунтовая гаубица и одна трехфунтовая пушка под прикрытием приблизительно 2 000 пехотинцев; эти два отряда должны были открыть орудийный огонь против предмостного укрепления и, смотря по обстоятельствам, начать наступательные действия. Там, где в первом сражении стояла наша конница, теперь была выставлена основная масса нашей пехоты, около 8 000 человек под командой Фарис-бея, чью военную энергию и боевые способности я с каждым днем ценил все больше; задача пехоты заключалась в том, чтобы быть готовым к переходу находившегося перед ее фронтом ранее описанного брода. Пехота эта была хорошо закрыта лесом и удалена от глаз неприятеля. Адыгская конница, состоящая приблизительно из 5 000 человек, должна была сконцентрироваться в часовом расстоянии вверх по реке, одновременно с началом артиллерийского огня перейти второй находящийся там очень широкий и удобный брод и медленно двигаться на вражеский лагерь. Не было никакого сомнения в том, что неприятель, увидев на острове такую массу всадников, должен будет направить против них большую часть сил; это было мгновение, в которое две части левого фронта, подкрепленные пушками, должны были атаковать главное мостовое укрепление, а основная часть пехоты перейти брод и напасть на неприятельский лагерь. На смелость абазов я мог вполне положиться; если они будут [318] следовать диспозиции, то мы, превосходя неприятеля численно в три раза, могли рассчитывать на его полное уничтожение.

На рассвете 28 апреля я произвел разведку расположения неприятеля и нашел, что оно ни в чем не изменилось. Русские успели только построить предмостное укрепление и разместить несколько полезных батарей на острове, а также вырыть на другом берегу окопы для стрелков. О наличии двух бродов они, казалось, ничего не знали, так как оставили их совершенно без всякой охраны. Два дезертира, пришедшие ночью к нашим форпостам, рассказали, что неприятель ждет подкрепление, которое каждую минуту может подойти.

Нельзя было терять время. Я отправил Карабатыра Зан-оглы с его конницей вперед уже в 5 часов утра с поручением перейти отдаленный брод и двинуться на лагерь. Я дал ему еще

одного моего офицера с семьей конными солдатами, чтобы помочь поддерживать порядок среди его людей. Через час, когда я думал, что конница находится уже близко от условленного места, и когда как раз собирался привести в движение абазскую пехоту и польскую артиллерию, внезапно мы услышали сильную канонаду.

Я приказал отрядам быстро продвигаться вперед и поскакал бешеным галопом на неприятельскую позицию. Здесь увидел, к моему отчаянию, что Карабатыр, этот ни к чему не пригодный, безголовый и к тому же упрямый дикарь, совершенно нас скомпрометировал. Вместо того чтобы незаметно для неприятеля перейти брод и угрожать на острове неприятельскому лагерю, он поступил по своему разумению и послал большую часть конницы на второй брод, а с меньшей частью перешел ближайший брод перед глазами всего неприятельского лагеря. Само собой разумеется, что застигнутые врасплох русские выставили все свои силы против этой кавалерии. В то время как три батальона пехоты и казаки с артиллерией гнали абазскую конницу на втором бросе, ближайший брод был занят батальоном и четырьмя орудиями, так что о переходе его абазской пехотой нельзя было и думать

На острове тем временем разгорелась дикая схватка [319] между русскими и абазами. Первые не удалялись от своего лагеря, так что наша конница не была потревожена в своем медленном движении. Я увидел, что тут нельзя много сделать, но все-таки послал нашу пехоту, подкрепленную четырьмя орудиями, чтобы взять предместное укрепление. Русские были так ошеломлены неожиданным появлением абазов на правом берегу Кубани, что уже не могли оказать длительного сопротивления на левом берегу, отступили назад и сожгли мост. Неприятельская артиллерия поддерживала против нас через реку сильный огонь и принудила нас оставить занятое уже предместное укрепление. Опасаясь, что наша конница на острове при своем возвращении через дальний брод будет сильно задета неприятелем, я поспешил с двумя легкими орудиями, чтоб прикрыть переправу. Но, к счастью, неприятель не догадался преследовать абазов.

Карабатыр скакал навстречу мне очень радостный, в надежде услышать от меня комплименты. Я был настолько разозлен, что очень плохо обошелся с ним и заявил ему, что потребую от народа его смещения или сам уеду в Стамбул. Я зашел слишком далеко в первом приступе гнева, и мой язык повредил мне не столько у Карабатыра, сколько у Сефер-паши. Карабатыр, который первый раз в своей жизни был предводителем такого большого числа конницы, не придавал особого значения моим упрекам; он был вне себя от радости и обещал в следующий раз повиноваться лучше. Впоследствии он еще часто обещал мне это, но ни разу не сдержал свое слово.

Адыги были очень довольны своим боевым делом. Они заставили русских отступить, видели неприятельский мост сожженным, слышали сильный орудийный огонь и ничего больше не хотели. Польский отряд оставил на поле сражения одного человека и двух лошадей; адыги имели четверо убитых и 22 раненых, из которых трое умерло в тот же день. Они потеряли также около 10 лошадей.

Я описываю эти сами по себе незначительные сражения так подробно потому, что они были первыми, которые мы провели вместе с абазами против русских, первые, в которых русские увидели действующую против них артиллерию, и еще [320] потому, что я хочу дать читателю представление о способе ведения войны горцами. Я сделал одно наблюдение, наполнившее меня большой надеждой на будущее, а именно: если бы мне удалось сформировать польские пехотные и кавалерийские отряды, то абазы никогда не оставят без поддержки регулярную армию, но будут за ней в бою всюду следовать и убедятся в необходимости правильной военной организации и планомерного ведения

войны. Я могу без преувеличения сказать, что если бы в обоих сражениях 19-го и 28 апреля у нас была рота пехоты и пол-эскадрона кавалерии регулярных войск, чтобы управлять массами абазов, то мы могли бы уничтожить и взять в плен столь неосторожно расположившийся русский корпус силой приблизительно 5 000 человек; но так мы сумели с почти с 18 000 храбрых и решительных, но очень плохо руководимых и непослушных абазских воинов причинить русским только очень незначительный урон. Неприятель в тот же день свернул свой лагерь и отступил назад, на северный рукав реки Кубани, оставив два казачьих полка, один батальон пехоты и восемь орудий для охраны и защиты обоих бродов. О новой атаке на остров в настоящий момент не могло быть и речи. Я с нетерпением ждал прибытия второго транспорта из Константинополя и хорошо понимал, что со средствами, которыми я располагал, нельзя и думать о серьезном сопротивлении русским.

Между тем наш лагерь на Адагуме становился все меньше и меньше. Адыги хорошо питались, быстро израсходовали привезенные с собой припасы и стали расходиться по домам. Вдобавок они вообразили, что теперь пушки не позволят врагу проникнуть дальше и что совершенно излишне присутствовать при канонаде. Впрочем, адыг, который считает, что он далеко превосходит русскую пехоту и кавалерию, питает очень большое почтение к русским пушкам. Он полагает поэтому, что если он, несравненно более мужественный, боится пушек, то русские должны быть от них в смертельном страхе. Поэтому они возлагали так много надежд на два моих незначительных орудия.

К 1 мая я насчитал в лагере едва 3 000 человек. Караулы [321] и форпосты были организованы настолько хорошо, насколько это было возможно, и мы ежедневно беспокоили неприятеля несколькими орудийными выстрелами. Я не мог скрыть до основания оставленное русскими предместное укрепление, потому что как только я предпринимал эту попытку, неприятель открывал против нас огонь из нескольких орудий, которые наша слабая артиллерия не могла заставить замолчать; а абазы ни за что не хотели работать под неприятельским огнем.

4 мая, в час пополудни, было сообщено о большом движении неприятеля на острове. Я мгновенно помчался к форпостам и увидел, что предместное укрепление уже занято. Неприятельский отряд перебрался через реку в лодках, и русская артиллерия стреляла по всем направлениям, чтобы затруднить наше приближение к берегу. При лунном свете можно было также заметить, что неприятель занят наводкой моста. Мои четыре орудия и все находящиеся в лагере абазы уже прибыли, поэтому я немедленно атаковал предместное укрепление. Абазы день ото дня становились все более дерзкими и смело пошли с шашкой и пистолетом в руках на окопы. Противник, находившийся там, встретил нас частым артиллерийским и ружейным обстрелом, но не небольшой огонь из укреплений, а внезапный гром приблизительно 30 орудий с правого берега реки, откуда нас осыпали градом ядер и гранат, принудил нас к отступлению. Мы теперь начали артиллерийскую перестрелку на далеком расстоянии, продолжавшуюся до самого рассвета. Как только стало светло, неприятель в составе четырех батальонов пехоты выступил под прикрытием своей многочисленной артиллерии через ближайший брод, в то время как 18 эскадронов казаков с шестью ракетометателями прошли верхний брод и стали угрожать нашему правому флангу.

В 5 часов утра русские закончили мост и отправили остальные четыре батальона на левый берег, где они построились колоннами справа от предместного укрепления. В то время как около 40 орудий открыли продолжительный огонь по занятому нами лесу, восемь батальонов противника, стоявших на левом берегу, перестроились в штурмовые [322] колонны и атаковали лес, предшествуемые густой цепью стрелков. Мои орудия дали еще

несколько залпов, а потом я приказал совершенно вывести из боя два неповоротливых шестифунтовика, которые легко мог потерять, и остался только с трехфунтовиком и гаубицей, с которыми пытался то здесь то там сделать картечный залп. Абазская пехота защищала лес с дикой энергией. Адыги испустили свой пронзительный боевой клич, и после того, как русские проникли уже в лес, началось отчаяннейшее сражение.

Я приказал разделить немногочисленные боевые припасы между людьми, и они хотели хорошо их использовать. Дело часто доходило и до рукопашной схватки с холодным оружием. Адыги защищали каждое дерево, каждый овраг; многие карабкались на деревья и оттуда стреляли вниз. Фарис-бей казался в этот день умножившимся, и стойкое сопротивление адыгов в значительной мере является его заслугой. Я выделил лейтенантов Арановского и Штоха, так же как унтер-офицеров и солдат Мачинского, Новака, Орлинского, Пахолака, Даманского, Оссовского, Беднарека и Шципера, которые сопровождали меня, и приказал им руководить в бою адыгами. Эти молодцы выполнили свое задание с редким мужеством и величайшим самопожертвованием. Благодаря своим мундирам, которые их особенно выделяли 14, они в сильной степени были подвержены неприятельским пулям, но это не мешало им своим примером побуждать абазов к стойкой выдержке. Орлинский упал, пронзенный девятью пулями, все остальные были в большей или меньшей степени ранены. Все реже раздавались орудийные залпы, только еще слышались треск ружей, бой барабанов, автоматические возгласы «ура» московских батальонов и дикий пронзительный боевой крик адыгов.

Это сражение в лесу продолжалось до 10 часов утра. Русские увидели, что чем глубже они продвигаются в лес, тем яростнее становится сопротивление и тем больше их потери, и начали возвращаться назад под защиту своих батарей. [323]

В сражении принимали участие с русской стороны около 6 000, с нашей стороны — не больше 2 000 человек. Если бы у нас было превосходство в силах, как 28 апреля, то неприятелю пришлось бы плохо; но русские обыкновенно бывают хорошо осведомлены о противостоящих им силах адыгов и пускаются только в надежные предприятия.

Абазская конница силой около 800 человек, которая составляла наш правый фланг, столкнулась с казаками и, несмотря на их значительное превосходство, отогнала их на правый берег. Казаки оставили в руках адыгской кавалерии 3 мертвых, 2 пленных и 2 лошади.

В польском отряде было 3 убитых и 14 раненых, что при его скромной численности было большой потерей. Было также убито орудиями 2 лошади и 1 сделана небоеспособной. У абазов был 51 убитый и в три раза больше раненых.

Русские должны были, во всяком случае, потерять гораздо, больше людей, так как они были более открыты нашему огню; в наших руках осталось 16 пленных; в лесу абазы нашли 21 убитого русского. Генерал-лейтенант Филипсон, который лично командовал атакой, был ранен.

По рассказам военнопленных, неприятель за день перед тем получил очень значительное подкрепление и стоял теперь против нас в составе 14 батальонов 4 казачьих полков и 52 полевых орудий; в пути еще находились крепостные орудия и строительный материал, потому что русские предполагали возвести на острове сильную крепость. Мы не могли думать о том, чтобы помешать этому, и принуждены были довольствоваться тем, что наблюдали за неприятелем и беспокоили его.

8 мая получил я наконец долгожданные известия из Константинополя. Это были первые письма со времени нашего отъезда, и они объяснили мне отсутствие второго транспорта. Через несколько дней после нашего отплытия по требованию русского посольства был арестован Измаил-паша; против него был возбужден процесс, в результате которого он был выслан в Малую Азию. Это, конечно, не помешало бы ему дать средства моим соотечественникам, представлявшим меня в Константинополе, чтобы вызволить [324] нас из положения, в которое он нас поставил, но это не входило в его расчеты. Он сам подстроил, чтобы его арестовали и сослали, потому что никто ему не помешал бы освободиться. Но он думал только о том, чтобы запрятать собранные им деньги, и искал всевозможные предлоги для этого. Он умел, однако, так хорошо водить за нос моих соотечественников, что они отнеслись к нему с той же снисходительностью, как и я вначале. Свое последнее мошенничество — снятие с нашего транспорта холста, соли и мундиров он приукрасил заявлением, что не доверяет турецкому капитану парохода, поэтому хочет сам привезти эти вещи; как будто легче кому-либо доверить орудия и боевые припасы, чем полотно и соль! Тем не менее все мои друзья считали, что отправка второго транспорта вполне надежна, и советовали мне какой угодно ценой держаться и ждать. Оставленные в Скутари отряды также терпеливо ждали своего отъезда.

Я немедленно отправил в Константинополь письма, в которых, описывая благоприятный поворот в моем положении, вместе с тем указывал, что нас ждет печальная будущность, если вскоре не придет обещанная помощь. Перспектива остаться в нынешнем положении, быть может, еще несколько месяцев заставила меня опять отправить собранных мною солдат, которых я не мог одеть, к абазам, где они должны были ждать прибытия вещей. Незащищенность пункта, в котором я находился, побуждала меня выбрать определенное место для нашего поселения, и я остановился на Адербии.

Между тем Хаджи-Измаил-паша, собравший предназначенное нам зерно, основал и у натухайцев два мехкеме, в одном из которых посадил уже известного читателю Фарисбея, в другом — Хаджи-Яхья-эффенди, молодого, очень способного человека, уроженца Дагестана. Оба эти офицера собрали корпус из 54 конных муртазиков и равного же числа пеших и ввели в своих мехкеме очень хороший порядок. Но все, что делал Хаджи-Измаил-паша, обычно разрушали Зан-оглы Сефер-паша и его сын Карабатыр.

Сефер-паша вообразил, что абазы собирают для него [325] подати, и начал делать подарки зерном своим по большей части ни на что не годным приверженцам, и вскоре большая часть зерна была растрочена. Под тем предлогом, что отряд требует жалованье, он продал за бесценок (30 000 пиастров 15) 6 000 сапеток зерна лазским купцам. Я сумел получить от него едва только четвертую часть этих денег. Его сын вел себя еще хуже. Он занимался сбором лошадей и рогатого скота и орудовал так ловко, что я получил вместо 78 лошадей только 43 и вместо 156 голов рогатого скота только 82. Хотя все это были мелочи, но в моем тяжелом положении, когда я сам должен был одевать в форму оставшихся солдат новых рекрутов, всякая потеря была особенно чувствительна. Я рассказал все это Хаджи-Измаил-паше, но было уже поздно, чтобы чем-нибудь помочь. Я горько упрекал князя Сефер-пашу и сказал ему, что вижу, что люди, которые считают, что они стоят во главе абазского народа, как здесь, так и в Константинополе, спекулируют на наших бедствиях. Поэтому я посоветовал ему приготовиться к тому, что, если хоть на один-единственный день у нас не хватит необходимых припасов, я созову народ, расскажу ему все и отплыть назад. Старый князь стал плакаться и сваливать всю вину на свое дурное окружение, и особенно на своего сына, который, негодяй, не может жить без воровства и не хочет его слушаться. Действительно, Карабатыр никогда не заботился о своем отце, которого он часто по месяцам не видел. Он старый человек, причитал дальше Сефер-паша, который не может все делать сам, поэтому начинаются беспорядки; но я должен быть совершенно

спокоен насчет содержания моего отряда, ибо в сто раз большее число солдат найдет, чем прокормиться, в стране Адыге; до сих пор только четвертая часть шапсугов выплатила подати; теперь приходит черед других частей, затем абадзехов и убыхов. Я не мог удержаться, чтобы не заметить ему, что еще очень сомнительно, даст ли вообще что-нибудь остальная часть шапсугов, настроенных против него очень враждебно; что же касается абадзехов, то [326] о соединении с наибом или об изгнании его нечего и думать; Сефер-паша утешал меня всячески, но не мог совершенно успокоить. Впрочем, он был человек, которому была чужда скупость и алчность, ни в коем случае его или его полудикого сына нельзя сравнивать с таким систематическим обманщиком, как раб Измаил, людей, похожих на него, я никогда не встречал среди абазов. Но у князя Сефера была бесконечно слабая голова, он был недоверчив и упрям, а его сын был его точным портретом, как духовным, так и телесным.

14 мая получил я из трех различных мест очень тревожные известия о движении русских. Одна половина перешла Нижнюю Кубань около лежащей на левом берегу крепости Коркуй, другая — верховья Кубани около впадения реки Иль; оба этих отряда стояли приблизительно на расстоянии 8 часов вправо и влево от корпуса, расположенного на Кубанском острове. Русская флотилия ворвалась в гавань Геленджик, высадила на берег десант и сожгла несколько сандалов и складов лазских купцов.

Эти известия заставили меня опасаться комбинированной операции против Адерби, где мы имели порох и 25 металлических и железных орудийных стволов, которые я собирал, имея в виду, в случае если мои средства увеличатся, поставить их на лафеты и распределить между мехкеме.

Я только собирался отправиться в Адерби, как вдруг прибывший в этот момент командовавший там унтер-офицер сообщил мне, что неприятель снова высадился в Геленджике. Я повернул поэтому опять на реку Иль, откуда шли одна за другой угрожающие новости. 15-го утром я прибыл на Иль и нашел там уже 3 000 собравшихся абазов, среди которых было 600 всадников. Я и мой маленький эскорт были встречены с большим восторгом, но абазы тотчас же спросили меня о пушках. Я обещал, что они скоро придут, и хотел между тем обследовать расположение и силы неприятеля.

Известия были по абазскому обыкновению сильно преувеличены. Неприятель перешел Кубань в составе батальона пехоты, двух сотен казаков и четырех орудий, проник в страну приблизительно на получасовое расстояние [327] и добрался до небольшого леса, где он рубил деревья для отправки в Черноморскую область 16; около двух сотен повозок сопровождало отряды. Одно наспех возведенное на реке Кубани земляное укрепление, представлявшее собой предмостный форт, было еще раньше занято двумя ротами пехоты и двумя орудиями. Как только русские заметили наше продвижение, они отослали все повозки к реке и приготовились к отпору. После прибытия пехоты я отправил ее под командованием старого Абата Карачая, одного из опытнейших в военном деле старшин, которому я дал в помощь четырех солдат, против занятой русскими роши, в то время как сам с конницей пошел на казаков. Но после незначительного сопротивления неприятельский пехотный батальон отступил из леса, русские ретировались под прикрытие своих пушек, которые сдерживали нашу кавалерию на известном расстоянии перед их предмостным укреплением. Впрочем вся эта диверсия противника на реке Иль не имела никакого значения; я предложил поэтому на военном совете оставить в лагере 500 — 600 человек, чтобы наблюдать за противником, и если он придет с большой военной силой, то известить меня; пока же прекратить дальнейший сбор военного ополчения. Уже в эту ночь я возвратился в лагерь на Адагуме.

Мне очень улыбалась перспектива иметь в своем распоряжении какое-либо место на берегу хотя бы потому, что у меня давно была мысль ввести небольшую, но регулярную пошлину для турецких купцов. Здесь существовал уже вид произвольной пошлины, которую время от времени вымогали у купцов некоторые тамады побережья под предлогом того, чтобы они защищают против возможных насилий и русских набегов местных жителей. Но эта защита была настолько недостаточна, что со времени нашего прибытия купцы неоднократно просили поставить в различные места побережья сборщиков пошлины, употребив для этого солдат. [328]

Ограниченное число моих людей и то обстоятельство, что немногих грамотных едва хватало для службы в отряде, а особенно неуверенность, в которой находился я в отношении Константинополя, заставили меня отложить это предложение. После того, как я теперь знал, что дольше двух месяцев нечего и думать о прибытии второго транспорта, я решил использовать это время для того, чтобы ввести систему пошлин, и поэтому установка нескольких орудий на каком-нибудь пункте побережья была полезна, так как давала мне перед народом известное право на это. Трудности заключались в том, что лафетирование орудий в Адерби не очень далеко продвинулось, не хватало также упряжи, а из лагеря на Адагуме я не мог выделить ни одного орудия. Но, чтобы положить начало, я решил составить береговую батарею из тринадцатифунтовой гаубицы, которая из-за своей тяжести не могла быть перевезена в Адерби и лежала погребенная в Геленджике, так же как и другие оставленные здесь русскими тяжелые железные орудийные стволы, и таким образом пустить пыль в глаза как русским, так и абазам. Я направил поэтому унтер-офицера Савицкого с 12 солдатами в Геленджик и заказал в Адерби, где наша кузница и каретная мастерская находились уже в сносном порядке, сделать несколько необходимых деревянных подставок, которые могли бы служить орудиям в Геленджике как лафеты.

Сам я отправился в Геленджик, где и начал вводить пошлину. После предварительного совещания и обмена мнениями с купцами была установлена следующая пошлина на вывоз: за сапетку зерна — полпиастра, за кожу крупного рогатого скота — 2 пиастра, за овечьи или козьи шкуры — полпиастра, за око меда или масла — полпиастра, за око воску — 2 пиастра, за бочонок пиявок — 30 пиастров. С тамадами окрестностей было заключено условие, что они поставят стражу и должны оберегать купцов от всякой несправедливости. Был поставлен сборщик пошлины, который должен был находиться в Геленджике и работать под контролем командированных унтер-офицеров или офицеров. Пошлина должна была делиться следующим образом: [329] сборщик пошлины берет одну десятую, тамада области — одну десятую, стража — две десятых; шесть десятых должны были отсылаться к Сефер-паше, с которым мы условились делиться пополам; он — для содержания своего двора и для политики, как он выражался, а я — для отряда. Как только сбор пошлины был введен в Геленджике, я поехал в Суджук, где точно так же вместе со старшинами и купцами был установлен подобный порядок и поставлен сборщик пошлины.

На обратном пути через Геленджик начальник поста донес мне, что в течение нескольких дней почти никто не приходит охранять орудия. Как и все обещания Сефер-паши, это — сформировать в Геленджике лагерь из 200 абазов — оказалось мыльным пузырем. За время моего пребывания в Геленджике пришло на стражу человек 30, и те еще требовали за это вознаграждения боевыми патронами. Когда же я уехал, то уже никто не приходил. Я не мог здесь ничем помочь и послал об этом сообщение Сефер-паше в надежде, что он созовет совет, но это были напрасные усилия. Абазы смеялись над его приказами.

Я объехал пункты Мезиб, Пшад и Чепсин и везде удачно ввел систему пошлин и оставил сборщика. Эти сборщики пошлин — турки или абазы, хотя и взымали пошлину очень

регулярно, но многие из них очень быстро сговорились со старшинами начали делиться с ними. Сефер-паше они посылали ровно столько, сколько они хотели. В Геленджике, где мои солдаты контролировали пошлину, общая сумма с 24 мая по 24 июня составила 12 800 пиастров, из которых 3 840 пиастров пришлось на нашу долю. Позже из-за частых набегов русских торговля в Геленджике пришла совершенно в упадок, и так как у меня не было больше людей, чтобы ставить их в другие места побережья, то я должен был радоваться, если в течение месяца получал больше, а часто даже меньше 2 000 пиастров. Но и этим я должен был быть доволен, потому что без этого добавочного содержания, как будет дальше видно, я не мог бы добыть для моего отряда провиант.

Во всяком случае за время краткого пребывания на побережье я достиг большего, чем даже мог ожидать, и, к удовольствию польского отряда, ввел до той поры [330] совершенно неизвестные две вещи — налоги и пошлины. Я мог также с уверенностью рассчитывать на то, что если отряд будет планомерно сформирован и сумеет дать стране серьезную поддержку в борьбе против русских, то подати и пошлины распространятся на всю страну и могут быть вполне достаточными для содержания 1 000 человек. Я ожидал поэтому с большим нетерпением помощи из Константинополя.

12 июня я вернулся в Геленджик из поездки по таможенным делам. За время моего отсутствия 12 солдат возвели в гавани некий род батареи и поставили в нее три тяжелых орудия, среди которых была металлическая тридцатифунтовая гаубица и два железных двадцатичетырехфунтовика на деревянных подставках, изображавших лафеты. Для черкесов все это выглядело чрезвычайно импонирующе: в случае надобности эти орудия действительно могли обстреливать гавань. Но оборона против десанта все же была невозможна. К несчастью, всегда приходила только очень слабая охрана и унтер-офицер Савицкий доносил мне, что в течение нескольких дней никто не появлялся. Я решил поэтому приказать увести гаубицу в Адерби и оставить в гавани только железные орудия, на перевозку которых у меня не было средств. Но суждено было случиться иному.

Я хотел остаться на несколько дней в Геленджике, чтобы принять морские ванны, которые я считал необходимыми для моего здоровья, сильно расстроенного из-за многих тягостей и особенно из-за вечного беспокойства, которое причиняло мне неопределенность моего положения. На ночной дозор мною было назначено 30 абазов и среди них небезызвестный Мустафа, которого я знал лично, так как он был слугой у Сефер-паши и хорошо говорил по-русски и по-турецки. Мустафа сообщил также, что русский военный корабль стоит на якоре в Добе, т.е. приблизительно в полутора часах езды от Геленджика. Я велел разделить немного пороха между дозорными, чтобы повысить их боевое рвение, и приказал им отправиться на северную сторону гавани приблизительно в получасовом расстоянии от нашей батареи, развести там большой огонь и караулить, а также выставить дозор на ближайшей горе на берегу. Если дозорные увидят [331] неприятельские корабли вблизи гавани, то они должны дать частые ружейные выстрелы, чтобы предупредить нас, и затем возвратиться на батарею. Я назначил Мустафу, который казался мне самым сметливым и с которым мы могли понимать друг друга, предводителем маленького отряда и, кроме того, послал двух всадников в Добу, чтобы узнать новости о неприятельском корабле. Через три часа они возвратились с вестью, что неприятельский корабль спокойно стоит в Добе. Тем временем в северной части гавани абазский дозор занял позицию и зажег большой огонь. Я охотно бы отправил кого-нибудь из моих солдат для наблюдения за этим дозором, но пост был так мал, что в случае вражеского нападения едва хватило бы людей для обслуживания орудий. В половине первого ночи я сел в лодку и поехал навестить абазский дозорный пост. Я нашел все в порядке, сигнальный огонь горел на берегу, и посты были выставлены. После того как я поощрил людей к большей бдительности, причем Мустафа служил мне переводчиком, я отправился опять обратно на

батарею. Здесь пост всю ночь оставался при орудиях, а турецкие купцы и матросы трех сандалов, которые как раз в это время находились в гавани, также держали себя ночью в полной готовности. Ночь была ясная, и можно было достаточно хорошо видеть гавань.

Приблизительно за час до рассвета часовой доложил мне, что вдоль берега справа от нас как будто движется несколько барок. Один взгляд через подзорную трубу заставил меня почти оцепенеть. На расстоянии в половину пушечного выстрела от нашей батареи у берега стояли борт о борт пять больших канонерских лодок, с которых высаживались на землю войска. Эти лодки должны были вплотную пройти мимо абазского дозора, чей огонь мы все время видели. Как это случилось, что абазы не подали нам сигнала? Однако не было времени ломать над этим голову. Хотя я совершенно не надеялся удержаться против этого нападения и спасти орудия, решил я по крайней мере оказать неприятелю возможное сопротивление и повел большой огонь по неприятельским канонеркам, которые также не замедлили ответить и медленно пошли на веслах к нашей батарее. Едва [332] раздались первые пушечные выстрелы, как русский паровой фрегат ворвался в гавань и атаковал батарею с фронта, тогда как лодки обстреливали нас с правого фланга. Я приказал навести два железных орудия на неприятельскую флотилию и повернул гаубицу против наступающей пехоты, которая была встречена сначала гранатами, а затем картечью. Русский десантный отряд в составе одного батальона под командой майора Левашова подвигался очень медленно и нерешительно вперед и открыл против нас совершенно бесполезный ружейный огонь, на который мои ординарцы отвечали револьверными выстрелами; кроме того, с нами было только два абазы, которые держались мужественно. Турецкие купцы и матросы, хотя все они и были вооружены, думали только о том, чтобы спасти свои товары. Неприятельская пехота, должно быть, опасалась наткнуться на засаду за стенами и руинами старой крепости; иначе ее медлительность необъяснима.

Я думаю, что, если бы мои орудия могли поддерживать огонь, русские должны были бы возвратиться ни с чем; но несчастная судьба пожелала, чтобы импровизированные лафеты двух орудий не выдержали силы выстрелов, только гаубица могла еще поддерживать огонь. Только теперь раздались первые возгласы «ура» русской пехоты, победоносно врывавшейся в крепость, которую никто не защищал. Было уже больше 6 часов утра, когда я вынужден был покинуть батарею. Между тем продолжительная канонада привлекла горцев ближайших дворов, но так как окрестности Геленджика мало населены, то в 7 часов утра в моем распоряжении была едва ли сотня человек.

Неприятель потратил немало труда с погрузкой на корабль тяжелых орудий, я пытался отбить у него добычу, но огонь русской пехоты, поддержанный канонадой военных судов, пресек наши попытки. В половине восьмого неприятель погрузился и ушел со своими трофеями в Анапу; он захватил, кроме трех пушечных стволов, еще ящик с двадцатью патронами и одну палатку; почти полную бочку с порохом, которую нельзя было спасти, в последнюю минуту под градом пуль скатил в море солдат, едва достигший шестнадцатилетнего возраста, израильтянин Лейба Браун. [333] Из трех турецких сандалов, которые стояли в гавани, неприятель взял два на буксир и поджег третий, который был вытащен на берег. Мы все-таки еще сумели потушить огонь. У меня было пять раненых солдат. Один из двух черкесов, находившихся при мне, Мехмет Чурок, был ранен в живот и умер в тот же день, так же как и один из моих солдат. Русский рапорт указывает трех убитых и около двадцати раненых, среди последних и майор Левашов. Эти скромные успехи все же доставили генерал-лейтенанту Филипсону, лично руководившему этой экспедицией, материал для баснословного рапорта, согласно которому он взял шесть превосходных металлических орудий и убил тысячи людей, хотя абсолютно не требовалось особенного искусства и смелости для того, чтобы захватить с такими силами

три орудийных ствола почти без лафетов и земляные укрепления, защищаемые шестнадцатью по большей части невооруженными солдатами, в особенности если на помощь, кроме всего, пришло еще предательство 17.

Само собой разумеется, что едва я пришел в себя, как приказал найти Мустафу и бывших в дозоре абазов, чтобы получить объяснение и потребовать удовлетворения за их небрежность, которая сделала возможным нападение врага. Мустафу нигде нельзя было найти, но дюжина человек из ночного дозора была приведена ко мне. Дело обстояло таким образом. Когда Мустафа отправился в дозор на указанное место, он сказал адыгам, что мой приказ гласит: если до полуночи они не увидят неприятеля, то могут идти домой. Когда я в полночь внезапно посетил дозор и, пользуясь Мустафой как переводчиком, призывал людей к бдительности, он перевел им, что они немного должны подождать, а потом могут идти домой. Стража была очень довольна тем, что может расходиться домой, и едва лишь я отплыл прочь, как абазы разбежались один за другим, а Мустафа отправился в крепость, объявив, что идет к нам. [334]

Понятно, что вместо этого он вернулся к сторожевому огню и поддерживал его, чтобы обмануть нашу бдительность.

Предательство, жертвой которого мы очень легко могли стать (если б не бдительность польского караульного, русская пехота могла бы на нас напасть раньше, чем мы сумели бы сделать хоть один выстрел), произвело на меня тем более тяжелое впечатление, что в стране было множество таких, как Мустафа, и я с моим невооруженным отрядом, следовательно, легко мог быть выдан в руки русских. Шпионы не считали даже необходимым тщательно скрывать свою работу, хорошо зная, что двух разинь — Сефер-паши и его сына им нечего опасаться.

18 июня я пригласил старшин натухайцев и шапсугов на народный совет в лагере Адагум. Совет был очень многочислен. Я жаловался на позорную шутку, которую сыграли над нами в Геленджике, и требовал розыска и примерного наказания тех, о ком было известно, что они поддерживают сношение с врагом. Хаджи-Измаил-паша с начальниками мехкеме Фарис-беем и Хаджи-Яхья-эффенди энергично поддерживали мое предложение. Старшины также согласились с нами и убеждали народ указать на тех, против кого имелись обоснованные подозрения. Выступило много обвинителей, и количество оговоренных сразу достигло 30. Большинство из них предстали перед судом и были частью обложены большим или меньшим денежным штрафом. Но десять натухайцев, среди них шесть черкесских уорков, дали посланным гонцам презрительный ответ и не явились на суд. Измена этих людей была, впрочем, так очевидна, что они сами не делали никаких попыток оправдываться, а ответили, что не хотят признавать суд, в котором заседают гяуры (подразумевая под этим нас).

Народный совет присудил этих бесчестных предателей, как он сам их назвал, к высшим наказаниям, но когда дело дошло до исполнения декрета, старшины ничем не могли помочь и обратились ко мне, предоставляя мне полную свободу привести приговор в исполнение по моему усмотрению. Я заметил еще раньше, что боязнь кровной мести и своеобразная организация фамилий и племен в Абазии [335] делает очень трудным, если не невозможным, всякий законный порядок. Так, кто убьет или ранит кого-нибудь, подлежит затем частной мести или самосуду и везде преследуется фамилией обиженного. Я хотел и должен был импонирующим примером достичь личной безопасности и посоветовался с Фарис-беем и Хаджи-Яхья-эффенди, единственными людьми, на чье активное содействие я мог рассчитывать. Они попросили у меня 16 вооруженных солдат, так как на муртазиков можно было рассчитывать лишь в малой степени. Они принялись

так энергично за дело, что в две ночи были пойманы все осужденные. Юнэ, в которых они жили, были по очереди осаждены, и после более или менее сильного сопротивления, во время которого не обошлось без раненых с той и другой стороны, предатели были связаны, их оружие и лошади конфискованы. Я приказал заковать этих людей по двое и отправить для выжигания угля в Адерби. Только через три месяца после множества просьб их фамилий и поручительства их старшин я отпустил их на свободу. Этот до тех пор совершенно неизвестный и неожиданный для абазов поступок распространил священный ужас, и на долгое время всякие перебежки к русским и от них были абсолютно прекращены.

Между тем русские спешно работали над возведением крепости на Кубанском острове; ежедневно между нашими форпостами происходили мелкие стычки, но мы при наших ограниченных средствах не могли оказать серьезного сопротивления внедрению неприятеля на нашей территории. Нападение на один из прибывших из Анапы отрядов не удалось благодаря легкомыслию Карабатыра и окончилось незначительной кавалерийской схваткой.

В Абадзехии неприятель в количестве около 12 000 человек перешел Кубань и остановился в двух часах от границы на речке Шавготча, где он начал строить крепость, но там он мог встретить еще меньше препятствий, чем на Адагуме. На Малой Кубани и Лабе русские также заняли много оставленных в последнюю войну и не уничтоженных абазами крепостей.

Наше соединение с Сефер-пашой весьма вредило наибу Мохамед-Эмину. Слухи о чудесном действии орудий, о множестве солдат, которые пришли на помощь к [336] Сефер-паше, были в Абадзехии, естественно, значительно сильнее, чем в Шапсугии, и враги наиба, пши и уорки, раздували эти сказки к выгоде Сефер-паши и к вреду Мохамед-Эмина. Последний находился в весьма критическом положении среди абадзехов, потому что все большее число людей начинало его упрекать за то, что он не имеет такого большого значения, как Сефер-паша, которому шлют пушки и солдат; недовольство увеличилось после вторжения русских в Абадзехию. Наиб также пытался найти поддержку в Константинополе, и если, с одной стороны, в Абадзехию приходили письма с увещаниями подчиниться Сефер-паше, то, с другой стороны, наиб получал уверения в том, что стоит только ему приехать в Константинополь, так он тотчас же получит солдат и пушки. Теснимый в стране и приглашаемый в Турцию, наиб попал в ловушку и отплыл, дав обещание абадзехам скоро вернуться и привести помощь против русских. Но едва он прибыл в Константинополь, как был Портой по требованию русского посольства арестован и интернирован в Дамаск.

В этих интригах играл серьезную роль Измаил-паша, который хотел удалением наиба из Абадзехии доставить удовольствие князю Сеферу; его ссылка не мешала ему быть деятельным там, где он мог раздобыть деньги; но как только друзья обращались к нему с требованием исполнить свои обещания, он обнадеживал их со дня на день, отговариваясь тем, что все его имущество секвестрировано, в чем, однако, не было ни слова правды.

Наиб Мохамед-Эмин не думал о том, чтобы по примеру князя Сефера удовлетвориться вынужденным гостеприимством султана 18 и состариться в ссылке. В ноябре он убежал ночью из Дамаска и после того, как загнал до смерти нескольких лошадей, добрался до анатолийского берега Черного моря, где нанял сандал и отплыл в Абазию. 28 ноября он был снова в Абадзехии. Его возвращение сильно подняло дух абадзехов, и, хотя он вернулся с пустыми руками и как беглец, население приняло его с восторгом. [339]

ГЛАВА 16

Вести из Константинополя. — Внутренние неурядицы в Шапсугии. — Кровавая вражда. — Перемирие. — Наше положение. — Набег русских на Шапсугию и Абадзехию. — Тяжелая зима. — Экспедиция в Черноморье. — Нападение на русские пограничные посты и уничтожение их. — Продолжение военного и гражданского устройства страны. — Собрание депутатов всех адыгских племен на реке Догай. — Наступление русских на Адагум. — Действия наиба в Абадзехии. — Его неудачи. — Волнения в Абадзехии.

16 июля получил я письма и известия из Константинополя. Положение, в сущности, не изменилось. Волонтеры ждали средств, чтобы прибыть к нам. Измаил-паша все время давал блестящие обещания, но не дал ни гроша. Эта его постоянная ложь была так же возмутительна, как и растрата собранных сумм, между тем все это препятствовало всяким другим попыткам выбраться из нашего положения. Действительное благодеяние оказал мне генерал Замойский посылкой некоторых вещей. А именно: я получил 30 пар сапог, 50 пар ботинок, 100 пар летних брюк, шерстяных одеял и некоторые мелкие предметы. Если б Измаил своими постоянными обещаниями не обманывал нас, я стал бы вместе с моими политическими друзьями искать и, вероятно, нашел бы другой выход. Моя деятельность в Абазии доставляла мне необходимое сообразно моим потребностям, но мы считали это положение временным и благодаря лживым посулам Измаила не могли создать какой-либо определенный план.

Между тем Сефер-паша занялся сбором податей в Шапсугии, или, вернее сказать, поручил это дело Хаджи-Измаилу, придав ему в помощь своего сына Карабатыра. Если Карабатыр, несмотря на свое личное мужество, был мало пригоден против неприятеля, то для административной деятельности он годился еще меньше. Жители Шапсугии не хотели давать подати и отговаривались тем, что были недостаточно представлены на народном собрании у Адагума и что только небольшое число их старшин вотировало за подати. В стране также уже было известно, как плохо распорядились князь Сефер и его сын податями, собранными для солдат.

5 августа на реке Антхыр дело дошло до жаркой схватки между Карабатыром и его спутниками с одной стороны и некоторыми жителями — с другой. Карабатыр приказал задержать одного из злейших крикунов. Это было сигналом к общему восстанию на реке Антхыр. Жители напали на Карабатыра и его свиту, и один уорк, друг и товарищ Карабатыра, был убит — ему прострелили горло. [340] Сам Карабатыр потерял свою лошадь. Но два дня спустя он собрал большую банду и внезапно напал на несколько дворов, которые разграбил и сжег; среди них и двор Алиби Хантоху, одного из влиятельнейших шапсугских старшин. При этом случае были взяты в плен 10 черкесов из Антхыра. Тогда половина Шапсугии взялась за оружие, и Карабатыр, так же как и Хаджа-Измаил-паша, должен был спешно бежать за реку Абин, чтобы спасти свою жизнь. С обеих сторон были убитые и раненые, и Хантоху, который стал во главе шапсугов и собрал около 4 000 человек, появился на Абине и угрожал находящемуся в Шапсогуре Сефер-паше. Последний в страхе вызвал к себе на помощь артиллерию, стоявшую против русских на Адагуме.

Я как раз собирался предпринять круговой объезд побережья по делам о пошлине, как ко мне пришло с гонцом это фатальное известие. Я спешно направился в Шапсогур и нашел там около 2 000 собравшихся абазов; пленные, взятые Карабатыром, находились под охраной моих канониров. До 8 августа между абазами партии Сефера и шапсугами происходили небольшие стычки, причем шапсуги уже перешли Абин. К счастью, офицер, начальствовавший во время моего отсутствия, несмотря на все просьбы Сефера и его

сына, отказался принять участие с орудиями в сражении. Я сделал выговор офицеру за то, что он покинул без моего ведома свой пост на Адагуме и вмешался в эту домашнюю распрю абазов, а особенно за то, что он взял под стражу пленных. Я распорядился немедленно освободить 10 пленных и велел им передать своим, чтобы ни один из них не оставался на левом берегу Абина, иначе мы вынуждены будем враждебно против них выступать. На совете же старшин я объявил Сефер-паше, что буду защищать его только в том случае, если шапсуги перейдут свою границу — реку Абин и начнут агрессивные действия, иначе же в этой внутренней войне он не может рассчитывать на активную поддержку с нашей стороны. Князь Сефер был в высшей степени возмущен моим заявлением, а также освобождением пленных и требовал, чтобы я пошел вместе с ним против шапсугов; но я не двинулся с места, несмотря ни на его [341] просьбы, ни на его угрозы. Я ничего не предпринимал не из-за упрямства или по злобе к Сефер-паше. Если бы у меня было 300 хорошо вооруженных стрелков, я бы сам стал побуждать его подавить восстание силой, но на его силы я мог тем менее положиться, что наши абазы совершенно не скрывали свое нежелание идти против своих братьев по крови в интересах Сефер-паши; к тому же я уже знал характер князя достаточно хорошо для того, чтобы понимать, что он в случае победы противоположной партии может принести меня и нас всех в жертву, чтобы выйти самому из затруднительного положения. Мой отказ идти против адыгов произвел хорошее впечатление даже на тех, кто стоял на стороне Сефер-паши, и, кроме того, сделал весь лагерь шапсугов нашими друзьями.

Со стороны Сефера никто не мог отправиться в неприятельский лагерь, так же как и оттуда никто не мог прийти к нам, потому что уже была пролита кровь и отвратительная кровная месть вступила в свои права. Сефер-паша, который, несмотря на свое кажущееся добродушие, был очень мстительным, радовался этому, потому что ждал каждую минуту, что Хантоху двинется и нападет на нас, и был твердо уверен, что, как только орудия начнут стрелять, шапсуги тотчас же разбегутся. Я предложил старшинам, собравшимся в Шапсогуре, взять на себя роль посредников, и так как они пошли на это с большой радостью, то послал офицера с тремя солдатами в лагерь шапсугов, чтобы склонить их к миру и соглашению. Сефер-паша был против соглашения и особенно старался напугать меня тем, что наши посланные, несомненно, будут убиты шапсугами.

10 августа моя артиллерия снова вернулась в лагерь на Адагуме, где все время на форпостах стояло 300 всадников и 800 человек пехоты, и так как в тот же день неприятель, вероятно, осведомленный о гражданской войне, выслал сильную колонну для рекогносцировки, то вместо канонады против шапсугов началась канонада против русских, и в то время как несколько тысяч абазов враждебно стояли друг против друга, в нескольких часах расстояния от них маленькая горсточка защищала родную землю. [342]

В тот же день лейтенант Арановский с тремя солдатами в сопровождении Карабатыра и 50 всадников тоже покинул Шапсогур и направился на реку Абин, где на правом берегу были выставлены форпосты шапсугов. В продолжение всей поездки от Шапсогура до реки Абин Карабатыр старался запугать Арановского и отговорить его от встречи с шапсугами, но тот, конечно, не испугался расписанной ему опасности и продолжал свой путь.

Впрочем, я уже с самого начала заметил, что князь Сефер очень неохотно смотрел на всякие близкие сношения между нами и жителями и старался их затруднить. Он окружил меня своими приверженцами, и так как я тогда только лишь начал говорить по-турецки и еще совсем не понимал адыгского языка, то должен был полагаться на владеющих русским языком переводчиков, которыми меня снабдил Сефер-паша. Только после нападения на Геленджик я взял к себе одного из моих вновь набранных солдат, который много лет провел в Абазии и в совершенстве знал язык страны, и лишь тогда узнал

множество таких вещей, которые Сефер охотно утаил бы от меня. Наши сношения с Хантоху и шапсугами 19 очень не понравились князю Сеферу, потому что он с полным правом опасался, что от них мы узнаем многое про его не совсем ясную личность.

Лейтенант Арановский перешел со своими тремя ординарцами через Абин, на правый берег которого ни один из черкесов не захотел его сопровождать, и поехал по направлению к тому месту, где он видел, как пылал большой огонь. Едва он проехал несколько сажений, как из кустов выскочили абазы и окружили маленький отряд. Один из ординарцев достаточно прилично говорил на адыгском языке, потому что жил несколько лет у адыгов и теперь был завербован мной на службу. Он сообщил абазам, что офицер послан мной к Хантоху и к старшинам их партии. Мое имя было уже почти повсеместно известно абазам, они знали также, что я отпустил на свободу их пленных и запретил [343] применение артиллерии против них. Несмотря на пророчества Сефер-паши и его сына, офицер не был убит, а, наоборот, с триумфом отведен к Хантоху. Восставшие абазы соревновались в радушном приеме посланных, но последним было очень трудно привести их к какому-нибудь соглашению. О верховном правлении князя Сефера и выплате податей они не хотели и слышать; мало того, они требовали возмещения за сожженные дворы и разграбленные вещи, в противном случае они угрожали кровной мстостью. Что касается нас, то они относились к нам очень дружески и настоятельно приглашали нас поселиться в Шапсугии, ибо лишь в этом случае народ даст нам хлеба и мяса, сколько мы потребуем, но для черкесского паши Зан-оглы и его уорков они не хотели доставлять ни горстки кукурузы, потому что эти люди совершенно бесполезны для страны и абазский народ испытывал от них только один вред. Лейтенант Арановский сумел так уговорить горцев, что двое тамад и сын предводителя Алиби Хантоху поехали с ним в Шапсогур, чтобы договориться о соглашении. Прибыв в Шапсогур, эти делегаты все время находились при нас и не отходили ни на шаг от меня из боязни, что сторонники Сефера сделают с ними что-нибудь плохое. Это продолжалось до тех пор, пока я не отправил со стороны Сефера также трех делегатов в их лагерь.

Целых восемь дней продолжались переговоры, в которых я принимал деятельное участие отчасти для того, чтобы ближе познакомиться с обычаями горцев, отчасти же, чтобы доказать ненужность и опасность внутренней войны перед лицом русских. Хаджи-Измаил-паше, который во многом со мной соглашался, удалось добиться того, чтобы князь Сефер по крайней мере не противился моему вмешательству. Наконец пришли к соглашению, после которого с обеих сторон не могло иметь места кровомщение, награбленные вещи были возвращены владельцам, полный мир наступил между враждующими партиями. О признании князя Сефера вождем страны и об уплате податей шапсуги ничего не хотели знать, хотя Хаджи-Измаил-паша, так же как и я с моими офицерами, изо всех сил старался добиться [344] этого. Старшины постановили образовать комиссию из них и некоторых офицеров и солдат; эта комиссия должна была вести взимание податей со всей страны, князь же Зан-оглы при этом не должен был играть никакой роли. Неразумная горячность Сефер-паши, которую я впервые узнал позднее, сыграла с нами скверную шутку. Это было, уверяли старшины, единственное средство заставить народ платить подати, так как в этом случае подать будет рассматриваться скорее как выполнение гостеприимства по отношению к нам, чем как введение какого-нибудь верховного господства. Но Сефер-паша с негодованием отклонил это предложение и объявил, что только он один отвечает перед султаном за нас и что он без помощи шапсугов в состоянии позаботиться о нашем пропитании. Из-за этого упрямства Сефера мы потеряли возможность получить с 21 800 дворов лошадей, скот и зерно, т.е. 218 лошадей, 436 голов скота и 65 400 сапенок зерна! Мне же он наврал много разных вещей и пытался меня убедить, что не мог поступить иначе.

Я часто был вне себя от гнева из-за постоянных плутней старого татарина, который делал нас орудием своей эгоистической неуклюжей и неровной политики, и после этого случая я бы с ним непременно расстался, если бы все еще не переставал ждать второго транспорта из Константинополя, в чем меня не переставали обнадеживать и утешать сообщения моих корреспондентов.

В отношении пропитания я мог быть вполне спокоен, потому что для 120 человек подати давали достаточные средства.

Наступающая осень вынуждала меня подумать и о зимней квартире для маленького отряда, который до тех пор стоял или в палатках, или в шалашах в лагере на Адагуме. Я приказал поэтому сделать в Адерби небольшие землянки, сооружение которых шло быстрее и которые к тому же были теплее для зимы, чем деревянные домики, для основательной постройки которых у нас не было ни времени, ни средств.

Наша батарея была доведена до шести орудий и снабжена полной упряжью. Это было все, что могли сделать наши немногочисленные мастера, особенно потому, что нам [345] недоставало всего — необходимых инструментов, сухого дерева для лафетов и перевозочных средств.

Неприятель закончил крепость на Кубанском острове и вооружил ее 50 тяжелыми орудиями. Кроме маленьких стычек, которые происходили почти ежедневно, ничего особенного не случалось. Русские все время очень сильно страдали от лихорадки, и рассказы всех дезертиров согласно свидетельствовали о том, что половина корпуса больна лихорадкой. Отощавшие, похожие на мертвецов фигуры перебежчиков подтверждали их рассказы.

29 ноября 1857 года почти весь корпус, работавший над возведением крепости, перешел Кубань и двинулся по направлению к Шапсогуру. От 29 ноября до 3 декабря продолжались бои с быстро собравшимися абазами, которые защищали леса у Адагума. 3-го утром с нашей стороны собралось уже 2 000 всадников и около 5 000 человек пехоты. Я страстно ждал, что русские проникнут дальше в страну, но они удалились лишь на полчаса от своей крепости и после того, как сожгли в эти несколько дней около 40 оставленных дворов, возвратились в 3 часа пополудни назад за Кубань. Мы имели за эти дни 9 убитых и около 40 раненых, среди них двое солдат. Потери неприятеля мне неизвестны; мы взяли в плен только пять человек. В этом году число дезертиров из лагеря на Кубанском острове достигло 166 человек, хотя простые солдаты и даже офицеры не знали, что мы поляки, ибо наши издали видимые головные уборы заставляли, наоборот, считать нас за турок. Я также не делал ни малейших усилий для того, чтобы организовать дезертирство, хотя это было нетрудно сделать, так как я еще не был уверен в том, какими средствами буду в состоянии располагать. Поэтому среди перебежчиков было очень мало поляков и русинов (только восемь), а больший сто — москвиты и татары; последние были и особенно многочисленны, потому что они надеялись найти здесь турок.

13 декабря русский корпус, оставив в крепости, которая русскими была названа Святая Троица, а черкесами — Хатохай, гарнизон в 2 500 человек, перешел через второй рукав Кубани назад в Черноморье, где у него находились зимние квартиры. [346]

Отряды, оперировавшие в Абадзехии, также выстроили на реке Шавготча крепость и все лето вели себя спокойно. В то же самое время, что и отряды из Хатохая, т.е. 29 ноября, войска на Шавготче перешли в наступление, и так как они встретили в Абадзехии гораздо менее энергичное сопротивление, то опустошили равнину с одной стороны до реки

Пшады, с другой — до реки Лабы. Около 300 дворов, лежавших близ русской крепости и покинутых жителями, было сожжено, после чего неприятель, оставив в крепости гарнизон, ушел в Черноморье на зимнюю квартиру.

Погода стала плохой: со 2 декабря до нового года почти постоянно шел дождь, смешанный со снегом; сообщение сделалось крайне тяжелым и часто совершенно прекращалось на несколько часов или дней. На равнине появилась такая грязь, что нельзя было даже проехать верхом на лошади, не говоря уже об орудиях; в горах же разлились ручьи, и часто связь между ближайшими соседями прерывалась.

Сефер-паша в продолжение всего года давал мне обещания устроить в Адерби склад провианта и обнадеживал меня со дня на день. По обыкновению всех мусульманских вельмож он не держал свое слово. Я собрал весь отряд в Адерби и находился в худшее время года без провианта, почти со 120 людьми и 56 лошадьми. Если бы я не получил благодаря податям партию хлопчатобумажной материи, то мы буквально должны были бы голодать. Я теперь ездил по ужасным абазским осенним дорогам в ближайшие окрестности для закупки провианта и платил вдвое и втрое дороже настоящей цены, не думая уже о том, что мои бедные солдаты из-за тяжелых условий транспорта потеряют здоровье и одежду.

С большим трудом удалось мне наполнить на месяц склад, и я мог немного спокойнее ждать морозной погоды и лучших дорог, как вдруг вмешательство Карабатыра опять оказалось для меня пагубным. Этот дикий бездельник был всегда там, где можно было чем-нибудь поживиться, часто нельзя было прогнать его с предложением его услуг, но когда он, бывало, сыграет надо мной какую-нибудь шутку, то потом в течение месяцев не показывается мне на глаза. Как только он, по собственному побуждению или посланный своим отцом, [347] являлся к нам на помощь, я должен был приготовиться к какой-нибудь неприятности. Хуже всего было еще то, что его спутники воровали, как вороны, и мои солдаты, которые и без того мало что имели, часто становились их жертвой. Карабатыр приехал теперь с письмом от своего отца к жителям окрестностей Адерби с указанием, что он должен получать сено для наших лошадей. Он попросил меня приложить на письмо около печати Сефер-паши также и мою печать, уверяя, что абазы тогда легче дадут требуемое. Я не умел читать турецкие буквы и, веря, что речь идет о сене, дал ему мою печать. Что же теперь сделал мой Карабатыр? Он быстро объехал со своей бандой окрестности от Геленджика до Чепсина и благодаря письму, в котором написано, что он послан взимать подати, собрал со всех портов предназначенную нам хлопчатобумажную материю, которую я не трогал в течение двух месяцев и сохранял как последний ресурс; после того как украл 438 штук хлопчатобумажной материи стоимостью в 876 серебряных рублей, он ушел в горы и не показывался мне на глаза до мая. На все упреки, которые я делал князю Сеферу, он горько жаловался на плохое поведение своего сына, но сам ничего не предпринимал и по существу покрывал его. С этого времени я поставил на каждой скеле 20 одного солдата для взимания подати; было еще счастьем, что в январе 1858 года приходило много сандалов, иначе мы ничего не имели бы в продолжение зимы. 20 января я послал в Константинополь лейтенанта Штоха с письмами к Измаил-паше и моим соотечественникам; кроме того, я поручил ему лично удостовериться, можем ли мы рассчитывать на помощь или нет. К несчастью, сандал, на котором ехал лейтенант Штох, много дней находился в море, застигнутый сильной бурей, и наконец пошел ко дну вблизи берега. Находившиеся на судне спаслись только благодаря какому-то чуду. Так как долгое время не отплывали другие сандалы, Штох должен был ждать до 16 февраля, когда он наконец мог уехать. В конце января зима стала необычайно [348] крепкой, сообщение стало легче, а на плоскости грязь и небольшие реки замерзли. Пограничная река —

широкая и глубокая Кубань также покрылась толстым слоем льда, так что самые тяжелые повозки могли по нему пройти.

Я стал серьезно подумывать о посещении Черноморья, а так как надеялся, что абазы, которые летом с готовностью собирались на любой призыв, с удовольствием предпримут набег в Черноморье, то приказал тайно известить старшин на реках Абин, Богондур, Антхыр, Хапль и Афипс, чтобы они держали в боевой готовности свое войско, потому что мы хотим 10 февраля перейти Кубань и напасть на русских в их зимних квартирах. Против всех ожиданий тайна была так хорошо соблюдена, что когда я 9 февраля приблизился с батареей к реке Антхыру и, сопровождаемый многими всадниками, начал рекогносцировку пограничных постов вдоль берегов Кубани, то убедился в том, что неприятель не имеет никаких известий о нашем намерении. Но суждено было встретить другое неожиданное препятствие. Когда я на следующий день в 2 часа пополудни собрал на условленном месте воинов, то нашел только лишь 1 000 человек. Я рассчитывал на количество по меньшей мере в шесть раз большее. Я еще плохо знал страну и не думал, что бедные абазы, которым всегда нравятся военные забавы, на этот раз не пойдут навстречу моему желанию. Мои солдаты были хотя и не очень тепло, но все же хорошо одеты и обуты, но абазы, из которых только немногие имели необходимую зимнюю одежду, не могли выдержать холода, превышавшего 20 градусов. Все, кто только мог как-нибудь выдержать мороз, все же пришли. Так как я не хотел оставить в покое русских в их теплых квартирах, то решил с 1 000 адыгов и двумя легкими орудиями перейти Кубань и уничтожить хотя бы сторожевые казармы на реке.

11 февраля в 7 часов утра мы перешли Кубань, немного выше устья речки Антхыр. Напротив нас, в половине пушечного выстрела от берега, находился русский блокгауз, занятый ротой пехоты и одним орудием. В расстоянии версты 21 были выставлены небольшие сторожевые посты от [349] 10 до 15 человек, большей частью казаков, которые протянулись вдоль берега Кубани. Наш переход через лед прошел так быстро и незаметно, что неприятель дал тревожные сигналы только тогда, когда мы уже были на том берегу. Мы бросили несколько гранат в блокгауз, в результате чего охрана поспешно оставила свой пост и начала отступление. Меньшие посты сделали это еще раньше. За исключением нескольких солдат, мы не имели конницы, с которой могли бы преследовать неприятеля, потому что неподкованные абазские лошади не могли свободно переходить через лед. Поэтому мы должны были удовлетвориться тем, что сожгли оставленные сторожевые посты. Не теряя времени, мы прошли маршем вдоль берега реки, разгоняя неприятельские караулы и зажигая сторожевые дома. Двадцать шесть маленьких и больших сторожевых домов находились в огне. Мы двигались быстрее, чтобы не дать сконцентрироваться неприятелю, которому не могли оказать серьезного отпора нашими незначительными силами. Орудия ехали большей частью рысью, и легко одетые адыги, сердца которых радовались пожару русских сторожевых домов, ликуя, бежали за нами. Держась все время вблизи берега Кубани, мы к полудню пришли к месту, где река Иль впадает в Кубань. В получасовом расстоянии перед собой мы увиделидвигающуюся на нас многочисленную колонну. Так как зимнее солнце ясно освещало степи, я мог хорошо рассмотреть в подзорную трубу неприятельский отряд, он состоял из 4 батальонов пехоты и от 10 до 12 сотен казаков и вез за собой орудия. Ждать их было бы опасным бахвальством. Мы возвратились поэтому на левый берег и стояли там, наблюдая за движением неприятеля. Русские двинулись к берегу и скоро открыли против нас огонь из 8 орудий. После короткой канонады, чтобы не терять бесполезно людей и, не подвергнуться атаке русской конницы, что в степи при нашем слабом прикрытии было бы опасно, мы возвратились в безопасные леса, находившиеся в двух часах езды. Неприятель не делал попыток перейти Кубань. Была темная ночь, когда мы достигли квартир на Убине. [350]

Около 10 часов вечера абазы привели ко мне русского перебежчика, который рассказал, что неприятель боится нападения на Екатеринодар, поэтому из зимних квартир Коркуя вызваны все отряды, которые маршируют вверх по реке. Я хотел извлечь из этого сообщения возможную пользу и создал следующую диспозицию. Я послал в ту же ночь конных гонцов в Абадзехию и Бжедугию с письменным требованием ко многим тамадам собрать 18 февраля их воинов на реке Пшиш, куда я приду в тот же день с контингентом шапсугов и натухайцев и с орудиями. Такое же требование послал я ко всем шапсугам. Я знал очень хорошо, что неприятель будет немедленно поставлен в известность о таком большом ополчении, и мне казалось, что он, ожидая нападения на Екатеринодар, будет его еще больше укреплять. Но я тотчас же послал приказ в Антхыр, чтобы четыре стоявших там орудия еще ночью выступили в путь и отправились к натухайцам; Фарис-бею и Хаджи-Яхье я отправил приказание собрать в ночь на 16 февраля возможно большее количество воинов. Жители Натухая гораздо зажиточнее, чем шапсуги равнин, и лучше снабжены зимними одеждами; к тому же эта часть страны была поделена на мехкеме и два их начальника были храбрые и энергичные люди. Я мог поэтому рассчитывать на то, что они соберут до 4 000 человек, конных и пеших. Чтобы еще больше воодушевить их, я обещал обоим начальникам мехкеме за каждого вооруженного 10 боевых патронов. 12-го утром поехал я к бжедугам; 14-го я сделал в сопровождении 200 всадников рекогносцировку положения под Екатеринодаром; стоявшие на Убине два орудия также прибыли в Бжедугию. Из Бжедугии, где не был введен никакой административный порядок и где русские имели множество тайных сторонников, неприятель мог получать лучшие сведения о каждом нашем движении. 16-го я послал унтер-офицеру Мачинскому, командовавшему двумя орудиями, письмо, которое он должен был только 17-го утром переслать указанным старшинам. В этом письме я отменял приказ о военном сборе. Только бжедугская конница должна была с двумя орудиями демонстрировать против Екатеринодар. [351]

15-го в 4 часа после полудня я покинул Бжедугию, сопровождаемый только двумя солдатами и тремя муртазиками, под предлогом ускорить движение пересылаемых из Анткыра орудий. Ни один человек не знал, что я спешу к натухайцам. Я должен был проехать почти 25 часов, чтобы из Бжедугии добраться до назначенного сборного пункта. 16-го в 3 часа пополудни я был в Пзипсе, не сменив лошади; это прямо невероятно, что может выдержать абазская лошадь.

Во время скачки я заметил с беспокойством, что мороз проходит и наступает оттепель. К полудню на дороге уже лежала грязь, а к вечеру пошел легкий дождь. Я нашел храбрых начальников мехкеме Фарис-бея и Хаджи-Яхью уже в Пзипсе. Собралось около 3 000 всадников и почти столько же человек пеших. Все натухайцы прибыли на сбор. Каждый всадник имел с собой мешок с землей, которую рассыпали по льду, чтобы облегчить лошадям переход через реку. Фарис-бей сообщил, что лежащие вблизи Коркуя станицы и колонии совершенно обнажены от отрядов, которые созваны в Екатеринодар. Но в этой стране на погоду можно было полагаться так же мало, как и на все остальное. В течение вечера дождь становился все сильнее, напрасно ждал отряд целую ночь в снегу и грязи в надежде, что погода изменится. Тщетно! Когда настал день, мы увидели что экспедицию нужно отменить, можно было еще с трудом пройти по льду, но как возвращаться назад? К тому же наступила оттепель, которая по предположениям стариков, должна была продолжаться по крайней мере дней восемь. Я должен был распустить войско и еще вдобавок разделить между ними 30 000 патронов. Все же я расположил на остаток зимы мои четыре орудия у натухайцев и благодаря этому сберег мой плохо поставленный склад провианта в Адерби. Между прочим, я заметил, что как только мы двигались против неприятеля, народ охотно давал и делал все, что от него требовали, но как только мы

некоторое время ничем себя не проявляли, становилось невозможным что-нибудь получить или добиться. Я проклинал ежедневно предателя Измаил-пашу, который довел нас до такой бездеятельности и слабости. [352]

Хаджи-Измаил-паша усердно работал над организацией страны, и как только мне позволяло время, я охотно помогал ему, потому что таким путем я изучал характер страны и народа. Мы начали вести среди нутухайцев учет народонаселения, вероятно, первый, который был в этих горах со дня сотворения мира; кроме того, каждый юнэ-из был как только возможно лучше организован в военном отношении, а мехкеме был введен контроль военнообязанных. Жители были этим довольны, и до 10 апреля мы основали еще два мехкеме на реках Шипе и Абин, так что в начале 1858 года имелось уже четыре мехкеме, каждое от 2 500 до 3 500 юнэ, достаточно хорошо организованное как в военном отношении, так и в отношении суда, муртазиков и налогов. Начальником Шипс-мехкеме был назначен Хаджи Бороку-эффенди, тот самый который прибыл с нами в Туапсе, начальником Абин-мехкеме — сын Хаджи-Измаила-паши Хуссейн-эффенди, по-настоящему храбрый и способный молодой человек. Относительная легкость, с которой в пятой части независимой Абазии было введено административное управление, в то время как наш авторитет поддерживался только несколькими несчастными пушками и нашим добрым желанием, давало мне надежду на то, что если только я получу малейшую поддержку из Европы, то в скором времени буду в состоянии объединить всех адыгов.

В середине апреля пришли несколько урков из Убыхии к Сефер-паше с известием, что народы Убыхии, Абадзехии и маленьких пограничных стран хотят собраться и приглашают шапсугов на большой народный совет, в котором партийные распри, раздирающие страну, должны быть улажены. Посланные из Убыхии убеждали князя Сефера, что большое число абадзехов присоединяются к нему, так что это обстоятельство он легко сможет использовать для того, чтобы уничтожить или убить своего врага — наиба.

Сефер-паша дал себя уговорить убыхским уоркам и принял приглашение, но, чтобы поднять свой вес перед собранием всей страны, он попросил меня сопровождать его с орудиями. Хотя я много не ожидал от заигрывания убыхских уорков, которые давали наибу такие же обещания, [353] как и князю Сеферу, для того, чтобы с обеих сторон получить подарки, я не мог отказать старому Сеферу в его настойчивой просьбе и послал с ним два орудия. Я провожал их до реки Афипс, но там, обдумав, решил, что на этом большом собрании, вероятно, вспыхнет партийная борьба, в которой я по многим причинам не хотел принимать участия, и поэтому возвратился в Адерби, оставив лейтенанту Арановскому приказ ни в коем случае, несмотря на настойчивые требования Сефер-паши, самому не вмешиваться в возможное столкновение абазов.

Едва только я повернул назад, как убыхские уорки, для которых было большим огорчением, что они не могли ни продать нас, ни извлечь из нас какой-нибудь пользы, начали уговаривать моего офицера и канониров, находившихся при двух орудиях, пойти с ними в Абадзехию, а оттуда — в Убыхию потому что Измаил-паша якобы прибыл в Убыхию со вторым транспортом и привез солдат, оружие, деньги и все необходимое и просит прибывшие раньше отряды прийти туда же; он не сообщил мне об этом, потому что Измаил-паша не хочет со мной иметь никакого дела, так как я слишком упрям, деспотичен и неподобающе обращаюсь с мусульманами. Само собой разумеется, что офицер не удостоил посредника серьезным ответом, но эта ложь незаметно деморализовала простых солдат, которые долгое время думали, что только мое личное нерасположение к Измаил-паше было причиной нашего тяжелого положения и лишений. Так же и князь Сефер, которому не нравились мои резкие выступления, к которым меня

почти всегда вынуждала забота о содержании моего маленького отряда, часто не сдерживаемый своим достоинством князя и паши, тайком содействовал все большему распространению среди солдат сказочных слухов обо мне. Безнадежное ожидание, тяжелая работа и сильная нужда ослабили хорошее расположение духа у многих солдат, и хотя большинство с несравненной выносливостью разделяли мою участь, но нашлись и такие, которые подвергли опасности существование отряда, и дело зашло настолько далеко, что 2 февраля я должен был подавить открытый мятеж кровавым путем — расстрелом двух зачинщиков. [354]

Как было уже упомянуто, я оставил князя Сефера одного продолжать его путешествие на Догай, пограничную реку между Шапсугией и Абадзехией, где состоялось собрание адыгского народа, и скоро я уже имел возможность только радоваться своему решению не посещать это совещание. Через несколько дней возникло сильное столкновение между партиями наиба и князя Сефера и другие были не в состоянии их примирить, так что 20 000 абазов, пришедших с мирными намерениями, расстались гораздо враждебнее, чем были до своей встречи. Хитрые урки из Убыхии, которые видели, что все абадзехи и большая часть шапсугов настроены против Сефер-паши, также оставили его и примкнули к партии Мохамед-Эмина. Совет продолжался до 20 апреля; в продолжение всего этого времени мы с Хаджи-Измаил-пашой совершали ежедневные поездки в Натухай, чтобы ускорить там военную организацию. 19 апреля пришло известие, что неприятельская флотилия из семи пароходов вошла в гавань Суджук и высадила на берег войска, которые собираются занять бывшую крепость. 20-го я в сопровождении приблизительно 200 всадников обследовал расположение врага. Русские высадили на берег два батальона пехоты и четыре орудия и заняли находящиеся еще в хорошем состоянии укрепления старой крепости. Нам очень недоставало бесполезно разъезжавших с Сефер-пашой двух орудий. Натухайские воины собрались очень быстро, так что к вечеру 20 апреля было уже около 5 000 человек. Я решил 21-го утром напасть на неприятеля и попытаться его расстроить, прежде чем он утвердится в Суджук, так как оккупация этого места, связанная с движением неприятеля из возведенной в прошлом году крепости Хатокай, отрезала бы натухайцев от шапсугов и поставила бы независимость этого края под вопрос. Мы подготовились вместе с Хаджи-Измаил-пашой, Фарис-беем и Хаджи-Яхьей к наступлению, как вдруг несчастье принесло в наш лагерь дорогого Карабатыра, Зан-оглы. Я не видел его уже в течение нескольких месяцев и так привык связывать его появление с какой-нибудь неприятностью, что принял его очень плохо. По своему обыкновению он оправдывался тысячей неловких [355] и лживых доводов о том, что сыграл над нами зимой скверную шутку, и сказал, что пришел помочь нам в нашей тяжелой работе. Он помог так хорошо, что 21-го утром нападение на Суджук не состоялось, после полудня в лагере начались ссоры и столкновения, в результате которых Хаджи-Измаил-паша, Фарис-бей и по их примеру большая часть воинов покинула лагерь.

23 апреля утром мы насчитывали в лагере около 1 500 человек, и Карабатыр не дал мне покоя до тех пор, пока я не согласился обстреливать неприятеля, хотя и видел всю бесполезность этого. Абазы (это были самые воинственные, которые остались в лагере) бросились с большой отвагой на неприятельские укрепления, одна часть даже проникла внутрь и вступила в рукопашную схватку с русской пехотой. Карабатыр, который хотел загладить свои глупые поступки, лично вел этот отряд. Но перевес неприятеля, особенно артиллерии, был слишком велик. Кроме четырех русских орудий на суше, против нас действовало до 50 судовых орудий флотилии. Мы должны были поэтому оставить дальнейшие попытки и отступили назад за пределы досягаемости русских орудий.

Мы потеряли без всякой нужды 35 убитых и больше 100 раненых, но убедились, что если бы мы обрушились на врага силами, бывшими три дня тому назад, то могли бы его

уничтожить. Я задержал абазов в лагере и в тот же день погнался за рассерженными Хаджи-Измаил-пашой и Фарис-беем, которых я нашел в трех часах от Суджука на реке Бакан. Мне стоило немалого труда и уговоров побудить их возвратиться в лагерь; но я доказывал им, что уничтожение русских настолько реально — и опасность потери Суджука настолько серьезна, что наконец они согласились. Фарис-бей и Хаджи-Яхья тотчас же поехали созывать вооруженных людей из своих мехкеме: Хаджи-Измаил-паша возвратился со мной в лагерь около Суджука, куда я 28-го доставил орудия, посланные с Сефер-пашой в Догай. Но в ту же ночь приехал лично в лагерь Фарис-бей с известием, что русские большими силами перешли через Кубань ниже крепости Хатокай. На следующий день гонцы сообщили, что неприятель [356] разбил лагерь приблизительно в пяти верстах от Хатокая на реке Адагум и, кажется, хочет двинуться по дороге в Суджук. При этом известии нельзя было удержать абазов под Суджуком; все мои уверения, что это не препятствует нам напасть на стоящих перед нами русских, а напротив, изгнание неприятеля из Суджука теперь стало еще более необходимым, были бесполезны; все помчались на Адагум, и я должен был последовать за толпой, потому что с моими злополучными орудиями без пехоты и конницы я не был в состоянии что-нибудь предпринять. 29-го я обследовал расположение врага на реке Адагум. Его силы доходили приблизительно до 12 000 человек, и он стоял в легко укрепленном лагере на равнине между Хатокаем и Адагумом; он не делал никаких приготовлений к дальнейшему продвижению, но начал постройку новой крепости. Такая же «маленькая война», как и в прошлом году, началась и теперь: частые перестрелки, стычки, нападения на неприятельские форпосты и обозы чередовались ежедневно. Моя артиллерия, которую я довел до восьми упряжных орудий, все время стояла в часовом расстоянии от неприятельского лагеря, чтобы быть готовой к действию против возможного наступления русских в глубь страны и для того, чтобы поддержать доверие жителей. Каждое из уже организованных мехкеме, за исключением Суджукского, которое стерегло врага, выставило для прикрытия орудий 150 конных и 600 пехотинцев, которые каждые 10 дней должны были сменяться.

В общем в лагере на Адагуме было все время 450 всадников и 1 800 человек пехоты, и этими отрядами командовал поочередно кто-нибудь из начальников мехкеме.

В Абадзехии также появился на реке Лабе неприятельский корпус и восстановил ранее оставленные крепости. Наиб Мохамед-Эмин, который после последнего народного собрания на Догае распространил свою власть на убыхов и на горы Туапсе, занялся своей обычной деятельностью — установлением внутреннего порядка и основал одно мехкеме в Убыхии, а другое — в Туапсе; он занял также гавани от Вардане до Туапсе и ввел там налоги. Сефер-паша был серьезно напуган [357] успехами наиба, который все время угрожал продвинуться дальше в Шапсугию, и поэтому старик пустил в ход против него все свои интриги. Обстоятельства на этот раз сами играли ему на руку. Мохамед-Эмин, когда бежал из Дамаска, пригласил с собой в Абазию одного бывшего абазского раба, который дослужился в турецкой армии до чина юз-баши 22. Этот юз-баши по имени Хаджи-Хасан поехал с ним, и наиб назначил его начальником мехкеме в Туапсе. Этот человек был очень энергичен, но и очень алчен. Он не понравился абазам уже тем, что он, бывший раб, сделался их начальником; но, когда он начал разыгрывать строгого магометанина и облагать неисполнение религиозных обрядов денежными штрафами, доход от которых, естественно оставлял себе; когда, наконец, он захотел насильно жениться на девушке, семья которой стыдилась родства с рабом, внезапно началось восстание, которое стоило жизни Хаджи-Хасану, а наибу навсегда преградило дорогу к шапсугам. Рвение наиба к распространению Корана вызвало реакцию и в Убыхии, и опасность для наиба стала настолько серьезной, что он вынужден был спешно покинуть Убыхию и возвратиться в Абадзехию. Но этим дело еще не кончилось. Пограничные с

шапсугами абадзехи на реках Невгиокохабль и Псекупс в количестве около 6 000 дворов также прогнали судей и мулл, поставленных наибом, и сожгли по примеру Туапсе и Убыхии свои мехкеме. Во всей остальной Абадзехии начался также полнейший беспорядок: виной этому было сначала слишком сильное стремление наиба к обращению черкесов в правоверных и пренебрежение наиба к старым, глубоко укоренившимся в обычаях народа предрассудкам.

В Турции и во всех магометанских странах сегодняшней слуга или раб завтра может стать пашой, министром, генералом; никто не будет против этого возражать, потому что это лежит в обычаях магометанских народов. Но у абадзехов больше обращается внимание на возраст, на заслуги перед страной и на чистоту крови в фамилии. [358]

Назначение бывшего раба начальником абазов было поэтому большой ошибкой со стороны всегда столь умного Мохамед-Эмина.

Я стал все больше и больше понимать, почему Измаил-паша ни за что не хочет приехать в Абазию. Он действительно ничего не мог здесь найти, но это, конечно, не давало ему права обманывать турок, так же как и абазов, и растрачивать средства, собранные для поддержки страны.

Комментарии

14 Мундиры польского отряда мало отличались от мундиров французской пехоты.

15 Около 1 600 талеров.

16 В Черномории, на правом берегу Кубани, нет совсем леса. Поэтому часто бывает, что русские войска переходят на левый берег только затем, чтоб грабить абазские леса.

17 Московский генерал называет меня в своем рапорте, перевод которого я прочел позже в «*Journal du Nord*», «начальником контрабандистов». Эта остроумная шутка очень плохо подходит к такому весьма патетическому описанию сражения.

18 Наиб был принят как паша и получал от Порты в ссылке ежемесячное содержание в размере 5 000 пиастров.

19 Я называю противную партию в отличие от сторонников Сефера, в большинстве живших в Натухайской области, шапсугами, хотя это название применяется обычно ко всей стране до устья Кубани.

20 Скела — пристань, на которой товары выгружаются с кораблей и грузятся на них.

21 Семь русских верст равняются одной немецкой миле.

22 Капитан: от «юз» — «сотня» и «баши» — «голова, начальник».

Текст воспроизведен по изданию: Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик. Эль-Фа. 1995

© текст - Гарданов В. К. 1995

© сетевая версия - Thietmar. 2009
© OCR - A-U-L. www.a-u-l.narod.ru. 2009
© дизайн - Войтехович А. 2001
© Эль-Фа. 1995

ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ

(ТЕФФИК-БЕЙ)

ГОРЦЫ КАВКАЗА И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РУССКИХ

ГЛАВА 17

Крупные неприятности с Сефер-пашой. — Вести из Константинополя. — Небольшие схватки с русскими. — Письмо Шамилю. — Прибытие некоторых припасов для польского отряда. — Политическое положение Абазии. — Народный совет шапсугов. — Процесс с Сефер-пашой. — Невыясненное покушение. — Известия из Абадзехии. — Вылазка русских из пяти крепостей против натухайцев. — Поездка верхом по Абазии. — Набег русских на Натухай. — Оборонительные действия адыгов. — Отступление неприятеля.

Враг наиба — Сефер-паша был, конечно, чрезвычайно обрадован всеми препятствиями, которые встречал Мохамед-Эмин, но для того, чтобы извлечь из них пользу, у него не хватало ни силы, ни тем более энергии и ума. Мое отрицательное отношение к нему возрастало со дня на день, так как ясно видел, что старый татарин заботится больше о том, чтобы за наш счет содержать своих черкесских приверженцев и свой турецкий двор, чем о нашем пропитании. Под предлогом сбора для солдат обещанных податей Сефер-паша и его сын снова собрали зерно, лошадей и скот и удержали их при себе. Раздраженный этим вечным обманом и недостатком искренности, которые сопровождали каждый шаг благочестивого мусульманина, я решил прервать всякие сношения с Сефер-пашой, подождать до 10 июля и, если до этого времени не получу подкрепления из Европы, отплыть назад. Мы сделали все, что было в человеческих возможностях; скромные средства, которыми мы располагали, приходили к концу, и мы в силу обстоятельств день ото дня становились слабее.

Я содержал мой отряд как мог лучше на то, что мне давала пошлина и не хотел ничего брать из рук Сефер-паши, в результате чего абазы, как только они это узнали, перестали ему что-либо давать, и так как он, будучи иностранцем, не имел имущества, то скоро в его окружении началась сильнейшая нужда. Сефер, по-видимому, увидел, что его упрямство, в сущности, было гораздо хуже для него, чем для нас, и поэтому попытался через посредство Хаджи-Измаил-паши, с которым я всегда находился в лучших отношениях, снова прийти к примирению. Но так как я не мог положиться на его слова, то отложил нашу встречу до ближайшего народного совета, который был назначен на 5 июля; мы должны были либо распрощаться, либо окончательно урегулировать наши взаимоотношения.

Приблизительно в конце мая приехал из Константинополя молодой польский офицер, лейтенант Конарцевский, который привез мне письма и новости. Необходимо напомнить, что еще в январе я послал туда лейтенанта Штоха и до сих [362] пор еще не имел от него никаких известий. Я узнал определенно, что на Измаил-пашу абсолютно не могу рассчитывать. Мои соотечественники в Константинополе также пришли к этому убеждению. Вместо этого я получил несколько лучше обоснованные надежды на помощь князя Чарторийского. Старый князь и его племянник, генерал Замойский, писал мне, не давая блестящих обещаний, но они ободрили меня к дальнейшей выдержке и обещали по возможности помочь мне. Между прочим я должен был получить около 100 ружей, дюжину револьверов, некоторые саперные инструменты, одежду и обувь. Однако это было все, что мне было нужно в моем нынешнем положении. Если бы мой отряд был вооружен, то я мог бы укрепить свое положение, а так как я больше не рассчитывал на

многое, то смог бы обойтись этими незначительными средствами и сообразно им преобразовать свою деятельность. Мои солдаты были, за немногим исключением, воодушевлены лучшими чувствами. Недостаток жалования не вызывал с их стороны ни одной жалобы; если у них был только хлеб и табак, они были довольны, но недостаток оружия они непрестанно проклинали и были вполне правы. Надежды, которые дали нам князь Чарторыйский и наш прежний командир генерал Замойский, снова наполнили нас мужеством.

Между тем на Адагуме и в Натухае ежедневно происходили небольшие стычки с неприятелем. Русские несколько раз проходили своими отрядами между Суджуком и Анапой, что наполнило души жителей Натухая беспокойством и робостью. Ввиду того, что я не мог оттянуть в Адагум ни отряды, ни орудия, то целиком предоставил начальнику мехкеме Хаджи-Яхье, в владениях которого находились две русские крепости, сторожить их. Так как он с некоторого времени просил у меня несколько солдат для начальствования над караулами, то я послал новоприбывшего лейтенанта Конарцевского с четырьмя конными солдатами в Натухайскую область, где он скоро получил возможность отличиться. 10 июня форпостами, стоявшими у Анапы, было сообщено о продвижении неприятельской колонны на Суджук. [363] Хаджи-Яхья поспешно собрал около 120 всадников и при поддержке лейтенанта Конарцевского начал тревожить неприятеля. Неприятельский отряд состоял из 1 батальона, 100 казаков, 4 орудий и эскортировал около 30 нагруженных возов.

Несмотря на свою небольшую численность, наши люди отбили у русских 8 человек, 3 подводы с боевыми припасами, 2 подводы с саперными инструментами, 11 лошадей и 14 быков. Кроме того, на руках неприятеля осталось 5 человек убитых. Потери нашей конницы состояли из 7 убитых, 14 раненых и 7 лошадей. Унтер-офицер Каминский был очень тяжело ранен и умер несколько дней спустя, другой солдат был легко ранен. Мои весьма плохие отношения с Сефер-пашой вынуждали меня подумать о безопасности отряда и принять необходимые для этого меры. Я твердо решил, что больше не буду терпеть столь оскорбительную для меня власть Сефер-паши. Долгое время я искренне старался содействовать его попыткам заставить Абазию повиноваться ему, но с самого же начала больше девяти десятых абазов было весьма враждебно настроено против его господства, к тому же все его домогательства были неуклюжи и мало серьезны. Для него, окруженного толпой раболепных турок и татар, каждое слово его турецких трубокуров казалось гораздо более значительным, чем мои предложения. С другой стороны, я мог быть вполне уверен, что он захочет мне отомстить, и так как я не считал себя серьезным противником из-за материальной слабости моего отряда, на который только, в сущности, и мог всецело положиться, то мне пришлось искать новую поддержку со стороны.

Мое выступление на процессе Сефера с восточными шапсугами завоевало мне среди последних много друзей. Особенно же сердечную симпатию выказывал мне значительнейший тамада равнинных шапсугов — Алиби Хантоху. Я условился с ним, что в случае насильственного разрыва с князем Сефером буду поддержан им и его сторонниками. Шапсуги обещали помогать мне во всем, что я только захочу предпринять против князя Сефера. В лесу на Абине, где я встретился с 60 тамадами шапсугов 15 июня, мы составили по абазскому обычаю военный карар (договор). С другой [364] стороны, я снова все серьезнее подумывал о том, чтобы связаться с наибом Мохамед-Эмином, энергию и деятельность которого очень высоко ценил. Объединение всех адыгов под верховным управлением одного человека было моим самым страстным желанием, и наиб был, несомненно, единственным человеком, который мог это сделать.

Однако для того, чтобы не подпасть слепо под влияние наиба и чтобы не зависеть всецело от доброй воли этого очень дельного, но и очень фанатичного магометанина, я на этот раз захотел себя от этого гарантировать. Так как наиб всегда и во всех своих действиях выступал как представитель и заместитель шейха Шамиля, то я решил обратиться непосредственно к последнему с тем, чтобы получить от него повеление наибу соединиться со мной. Случаю было угодно, чтобы два дервиша из Дагестана, возвращавшиеся из своего паломничества в Мекку, пустились в обратный путь через Абазию. Они обещали передать мое письмо шейху в сохранности и как можно скорее. Я написал письмо Шамилю, разъяснив ему цель нашего прибытия в Абазию, и попросил его отправить представлявшему его наибу Мохамед-Эмину инструкцию, согласно которой он должен вступить со мной в сношения. На словах, однако, я просил дервишей передать шейху, что было бы лучше всего, если бы он смог послать своего сына Джемал-Эддина 23 в Абазию. Благодаря этому не только будет положен быстрейший конец всем партийным междоусобицам, но и ведение войны с русскими может быть надлежащим образом организовано; его личный авторитет также значительно выиграет от этого, и моральное значение независимых народов Кавказа чрезвычайно возрастет в глазах Европы, если все они будут повиноваться одному верховному правителю. [365]

Ввиду того, что сообщение между Абазией и Дагестаном было очень затруднительно, ибо нужно было переехать занятую русскими Кабарду, я не мог надеяться на скорый ответ; было также вероятно, что корреспонденция попадет в руки русских.

Я очень долго ждал обещанное оружие и припасы. Только 2 августа получил я письмо от лейтенанта Штоха, в котором он доносил, что прибыл в Джубгу и привез с собой различные припасы, но он, однако, не писал, из чего они состояли. Я немедленно отправился в Джубгу. Но велико было мое разочарование, когда я увидел привезенные вещи. Я нашел очень мало из того, что было мне необходимо, но зато многое, без чего прекрасно мог бы обойтись. Я получил 65 дождевых плащей, 96 железных лопат, 48 ломов, 24 фашинных ножа, 12 топоров, 100 пар ботинок, 100 пар тиковых брюк, 180 шерстяных рубах и 2 револьвера. Нужнейшее, т.е. оружие и обмундирование, отсутствовало.

Я все же не имел права жаловаться, потому что ни князь Чарторыйский, ни генерал Замойский не давали никакого обязательства поддерживать мое предприятие, но если, поняв его важность, они начали это делать, то само собой разумеется, что они должны были проводить эту поддержку так, как я этого желал. Чего мне не хватало, я знал сам лучше всех. Стоимость полученных вещей была достаточна для того, чтобы доставить необходимое вооружение и экипировку для 50 или 60 человек, стоимость транспорта была весьма низкой, и я мог отослать половину людей в Константинополь, а с другой половиной спокойно ждать дальнейшей помощи и лучших возможностей. То, что вооружение, бывшее в наличии, не было мне прислано, объяснялось в значительной степени небрежностью моих корреспондентов в Константинополе, а частью также неблагоприятными обстоятельствами. Я утешался обещаниями, что оружие в скором времени прибывает, но особенно тем, что князь Чарторыйский начал нам помогать.

К концу лета 1858 года внутреннее положение страны становилось все хуже. Заседавший 5 июля народный совет не вынес никакого серьезного решения; Сефер-паша не [366] высказывал своего отношения ко мне; я тоже считал это несвоевременным, потому что у меня еще не было средств, а главное — не было оружия, и, таким образом, мы взаимно терпели друг друга, не вступая ни в открытую вражду, ни в сердечное соприкосновение. Область натухайцев, зажата между крепостями Анапа, Суджук, Коркуй, Хатокай и Адагум, была настолько подвержена неприятельским набегам, что нельзя было и думать о

помощи с этой стороны для содержания моего отряда. Очистить эту область от русских было при жалких средствах, которыми мы располагали, совершенно невозможно, поэтому не приходилось удивляться тому, что абазы Натухая, которые до Восточной войны находились в своего рода перемирии с русскими, теперь начали подумывать о том, чтобы возвратиться к прежним взаимоотношениям. Русские агенты работали с большей энергией и сулили народу блестящие выгоды, которые повлечет за собой прекращение войны. Сефер-паша, насчитывавший среди натухайцев большинство своих, так сказать, единственных сторонников, смотрел с обычной апатией на все это, и всюду было известно, что он сам не отклонил бы сделку с русскими. Это было, разумеется, неверно, и что еще больше придавало этим слухам видимость правоты — это то, что зять Сефера, черкесский уорк по имени Баста-оглы с женой и детьми перешел к русским и обосновался в Суджук. Дюжина черкесов, которых постоянно видели в свите Сефера и его сына, также перешла к русским и в качестве проводников неприятельских летучих отрядов сделалась бичом натухайцев. Были даже случаи, что такие предатели, после того как пробыли несколько недель или месяцев на русской службе и заработали деньги, снова появились на стороне Сефера и его сына и брались ими под защиту.

Доставать провиант приходилось нам все с большими трудностями. Из пяти мехкеме выплачивали подати только два, и то очень нерегулярно. И эти два мехкеме, на Абине и Пшате 24, были наименьшими и насчитывали едва 2 900 [367] дворов, три других (Суджук, Псибебс и Шипе), которые насчитывали 8 500 дворов, были как раз подвержены всей тяжести неприятельских набегов, и для них было достаточно и того, что они заботились о семьях, оставшихся без хлеба и крова. Большая часть шапсугов (16 400 дворов), которые жили в полном мире, еще не были организованы и не хотели организоваться под началом или под влиянием князя Сефера.

Хотя тамады шапсугов неоднократно делали мне предложение направиться в их страну, после чего шапсугам будет удобнее перейти к уплате податей и организации, но только благодаря влиянию старшин, и хотя теперь я по многим причинам охотно последовал бы этим приглашениям, но все же не мог покинуть ту часть страны, которая с самого начала нас так сердечно приняла и предоставила мне все, что могла; я не мог ее оставить как раз в момент ее величайших бедствий, и если мы не могли противодействовать утверждению неприятеля на пограничных и в прибрежных пунктах, так же как и возведению крепостей, то само по себе наличие орудий и некоторое, хотя и очень недостаточное, руководство сопротивлением вынуждало русских к известной осторожности, которой они обычно не придерживались в своей войне с горцами, стесняло их продвижение и держало под угрозой набегов небольших отрядов. С другой стороны, требовалось напряжение всех средств, чтобы ободрить натухайцев и поддержать в них волю к войне; наш уход в Шапсугию, несомненно, явился бы сигналом к заключению перемирия натухайцев с русскими. Наше постоянное сопротивление и умение держать врага в сильной тревоге и под обстрелом имело те последствия, что русские были вынуждены строить новые крепости гораздо основательней, поэтому медленней [368] и с применением более значительных средств, чем обычно: с апреля 1857-го до ноября 1858 года неприятель продвинулся в низменностях едва лишь на полчаса дальше границы и оккупировал лишь один единственный пункт на побережье — Суджук. За это время он также сумел сжечь на Адагуме в целом примерно 60 дворов, тогда как в Абадзехии около 1 000 дворов погибло в пламени.

Положение натухайцев было, в сущности, наиболее угрожающим. Натухай представляет собой, как я уже говорил, узкую, заключенную между низовьями Кубани и Черным морем, малогористую, но достаточно богатую лесом полосу земли. От крепости Адагум до Суджука расстояние равняется только четверем с половиной часам, если эта дорога

занята, то тогда Натухайская область совершенно отрезана от Шапсугии и остальной Абазии.

Русские к концу 1858 года имели 14 батальонов пехоты на Адагуме, где, кроме крепости, был устроен еще укрепленный лагерь; 2 батальона в Хатокае, 4 батальона в Суджуге, 2 батальона в Анапе и 2 батальона в Коркуе — всего 24 батальона пехоты, 30 сотен казаков и 80 упряжных орудий, что вместе с крепостной артиллерией, саперными и административными частями достигало 25 000 человек.

18 октября снова собрался большой народный совет натухайцев и шапсугов. Он длился 14 дней, в продолжение которых происходили постоянные стычки около русского лагеря на Адагуме. Наконец после долгих дебатов, в которых чередовались угрозы, предложения и просьбы, натухайский народ решил пока не входить в переговоры с врагом, а сопротивляться ему, идя даже на самые тяжелые жертвы. Я должен был отправить в Натухай 4 орудия — эта часть страны дала обещание заботиться о пропитании людей и лошадей. Другие 4 орудия должны были занять позицию в лесах на Абине, в двухчасовом расстоянии от крепости Адагум, и при каждой из этих 2 батарей была установлена постоянная охрана из 100 всадников и 300 человек пехотинцев, которую поочередно выставляли пять уже организованных мехкеме. Шапсуги обещали в случае крайней опасности выставить от каждого юнэ из 20 всадников [369] и 40 человек пехоты, что составляло 3 280 всадников и 6 560 человек пехотинцев, в общем — 9 840 воинов.

Во время заседания народного совета князь Сефер выступил как мой открытый противник и обвинитель. Он жаловался, что я с ним совершенно не считаюсь, самовластно взимаю подати, состою в тайной связи с его смертельным врагом — набом и, наконец, восстаю против моего повелителя-султана, так как я не признаю правителем страны его заместителя и назначенного им губернатором Сефера. Само собой разумеется, что при этом случае он не забыл старую турецкую газету, где было напечатано о законных привилегиях его рода. Я возражал, что прежде всего султан не является моим повелителем, так как я, так же как и мои товарищи, не магометанин и не райят Порты, поэтому мы никоим образом не можем бунтовать против султана. Что же касается его сана губернатора Абазии, то я бы его признал таковым при условии, если бы Порта подтвердила это и если бы абазский народ признал его таковым. Впрочем, долгое время я не только не сторонился его, но даже сам поддерживал его притязания, однако теперь он сам довел меня до крайности и принудил прервать с ним всякие сношения. Короче, это был настоящий процесс, который казался мне скорее комичным, чем серьезным, и который я решительно выиграл, потому что военный круг все время мне аплодировал, а князь и паша Сефер, несмотря на свою газету, был осмеян даже своими сторонниками. Но я должен был согласиться на то, чтобы он разбил свое жилище при нашей зимней квартире на Абине, так как в Шапсугуре вблизи от врага он не был больше в безопасности. Сефер особенно хотел сделать это для того, чтобы под ширмой нашего присутствия и за наш счет кормить свой турецкий придворный штат.

Возвращаясь с народного совета я заехал 3 сентября в 5 часов вечера к тхфокотлю Сеин Яттаоку из рода Джемис, живущему на реке Абин, чтобы остановиться у него на ночь. Меня сопровождали восемь солдат и восемь конных муртазиков. В получасовом расстоянии от юнэ Сеина я направился через маленький лесок, как вдруг внезапно на нас обрушилась дюжина выстрелов. Унтер-офицер [370] Орлинский и один муртазик были ранены, лошадь ехавшего вплотную следом за мной солдата Крыштафика упала, мимо меня просвистело несколько пуль. Мы мгновенно бросились в лес, но он был слишком густ, было уже почти темно и вдобавок падал легкий снежок, и поэтому мы никого не

нашли; приехав во двор Сеина мы выяснили, что унтер-офицер ранен легко, но муртазик получил довольно тяжелое ранение, и лошадь также была тяжело ранена.

Я никак не мог объяснить себе это предательское нападение из-за угла: после почти двухлетнего пребывания в Абазии это случилось в первый раз. Ни я и ни один из офицеров и солдат до сих пор не подвергались открытому или тайному нападению, хотя мы объезжали страну по всем направлениям, и часто в очень незначительном количестве. Мой домохозяин Сеин, как и все сбежавшиеся на мою квартиру абазы, был вне себя от гнева, особенно потому, что это случилось в их местности. Он предоставил своему брату заботы о гостеприимстве и, созвав всех всадников из ближайших юнэ, помчался, несмотря на неприглядную ночь, отчаянный дождь и метель, преследовать виновных. На следующее утро Сеин вернулся из своего ночного пробега, но не нашел ни напавшего, ни его следов. Конфиденциально, один на один, он уверял меня, что этому делу не чужд князь Зан-оглы, и рассказал, что вчера после полудня и вечером можно было заметить банду приблизительно из 60 всадников, разъезжавших без всякой видимой цели вперед и назад вдоль реки Абин. Эта банда состояла только из черкесских уорков и их рабов, и только они могли совершить это покушение.

У меня было много оснований поверить этой версии, но так как я все-таки не имел доказательств, то мне было невозможно указать на Зан-оглы. Но, имея даже наивернейшие доказательства, что я мог бы сделать? Мое выступление против Сеферпаши могло вызвать огромное волнение в стране, и без того раздираемой партийными распрями. Оно могло, вероятно, повредить князю Сеферу, но мне и делу, которое я защищал, было бы весьма мало полезно. Я решил быть настороже и больше не упоминал об этом происшествии, которое все же, как я предполагаю, произвело в стране [371] большой шум, потому что всюду, где ни появлялся я или кто-нибудь из моего отряда, мы слышали громкие проклятия по адресу Зан-оглы.

1 декабря мы получили 14 ружей с письменным извещением, что было послано 24. Таким образом, 10 было потеряно. Остальные 83 ружья было обещано мне скоро дослать. Я уже знал по горькому опыту ожидания это «скоро», но что мне причиняло немалые огорчения — это потеря небольшого вооружения, которое я ждал с таким нетерпением почти два года. Я написал моим соотечественникам в Константинополь, чтобы они ни под каким видом не доверяли ничего купцам или другим людям, едущим из Абазии, но всегда ждали, пока я пришлю кого-нибудь лично. Но там обращали мало внимания на мои письма и легкомысленно доверяли первому, кто находился под рукой и предлагал свои услуги, вещи сами по себе невысокой ценности, но для меня бывшие неопределимыми. Из дальнейшего будет видно, как пагубно было для меня это неумное легкоеверие.

8 декабря пришли из Абадзехии известия, что неприятель опустошил равнины вдоль рек Шавготчи и Лабы и сжег много сотен дворов, после чего со 2 до 6 декабря происходили серьезные сражения между жителями Абадзехии и русскими штурмовыми колоннами.

7 декабря русский корпус, оперировавший в Абадзехии, оставив гарнизоны в Шавготче и других крепостях на Лабе, возвратился за Кубань на зимние квартиры. Впрочем, усилия русских в Абадзехии были очень незначительны и послужили больше к тому, чтобы организовать диверсию и занять ею абадзехов в их стране. Действительно серьезные операции были предприняты против натухайцев из Адагумского лагеря и других крепостей.

В лагере на Адагуме началось передвижение русских отрядов, которое, казалось, должно было завершиться их скорым выступлением. Можно было предвидеть, что неприятель

теперь попытается совершить набег против натухайцев, потому что в лагерь прибыли три свежих казачьих полка.

С 6 декабря начался достаточно сильный мороз, что [372] чрезвычайно облегчило русским продвижение. 10-го я отправил стоявшие на реке Абин 4 орудия, после того как довел их прикрытие до 300 всадников и 900 человек пехоты, продвигаться ближе к русскому лагерю и занял на лесистой возвышенности над речкой Шипс позицию, которая господствовала над дорогой между Адагумом и Суджуком. 13 декабря (1-го по ст. стилю) неприятельские колонны выступили из Адагумского лагеря. Неприятель знал о нашем расположении и отрядил против нас 4 батальона, 1 полк казаков и 1 пехотную батарею из 12 орудий. Несмотря на перевес неприятеля, мы удержали за собой нашу позицию, но не могли выбить русских с дороги на Суджук, которую они заняли. Вторая колонна в составе 5 батальонов, казачьего полка, пехотной полубатареи из 6 орудий и горной батареи из 8 орудий повернула вдоль реки Бакан на дорогу, ведущую к Мазге, ныне разрушенной русской крепости. Третья колонна, состоявшая из 3 батальонов, 2 полков казаков и конной батареи, двинулась по берегу Кубани через равнину на Коркуй. Из Суджука по дороге в Адагум выступили 2 батальона, 100 казаков и 4 орудия и уже около полудня соединились с колонной, с которой мы утром имели сражение. Из Суджука и Анапы, кроме того, двинулись еще 1 батальон, 100 казаков и 4 орудия против Мазги. Из Коркуя пришли 1 батальон, 1 казачий полк и 6 орудий, которые и оперировали на равнине, чтобы поддержать колонны, двигавшиеся из Адагумского лагеря.

Состоящая из 5 400 дворов и, как я уже указывал, малогористая и плохо приспособленная к обороне область натухайцев была, таким образом, пересечена 17 батальонами пехоты и 33 сотнями казаков (то есть около 20 000 человек с 54 орудиями) и совершенно отрезана от всякой поддержки. Каждая из вражеских колонн, сжигая все, что встречала на своем пути, уничтожала посевы и увлекала за собой людей и скот, который могла захватить.

В полдень с горы, на которой стояли, мы увидели бесчисленные столбы дыма, свидетельствовавшие об опустошении Натухая. Иногда слышался заглушенный орудийный гром. Мое положение было невыносимым. Потеря орудий, [373] находившихся в Натухае, была не только возможна, но и очень вероятна. Однако двинуться на помощь с тем, что имелось у меня под рукой, было невозможно, ибо неприятель, стоявший перед нами, сторожил каждое наше движение. Дважды после полудня пытался я прорвать неприятельскую линию на дороге из Адагума в Суджук, но безуспешно. К тому же мороз, этот верный союзник московитов, достиг больше 12 градусов и наши плохо одетые абазы дрожали, замерзая у лагерных костров. Поэтому нельзя было и думать о том, чтобы провести с ними такой трудный маневр, как прорыв неприятельской линии ночью. Повсюду были разосланы муртазики и гонцы, чтобы оповестить все контингенты военных сил из мехкеме Шипса и Абина и созвать сюда воинов из Шапсугии, но далекие расстояния и, в особенности, холод были причиной того, что к вечеру силы наши дошли едва только до 2 000 человек.

Я передал командование всем отрядом лейтенанту Станкевичу, при котором остались также начальники мехкеме Шипс и Абин, и в 8 часов вечера отправился в сопровождении 60 всадников, среди которых было 10 моих солдат, по направлению к неприятельской линии, которую я решил во что бы то ни стало перейти. Так как я мог рассчитывать, что ближайшие окрестности крепости Адагум охраняются меньше, чем дорога на Суджук, то прямо пошел на крепость и свободно прошел мимо нее на расстоянии двух ружейных выстрелов от крепостных валов. Мы остались бы совершенно незамеченными, если б на нас не наткнулся небольшой казачий патруль. Раздалось несколько выстрелов, два казака остались в наших руках и должны были против своей воли, с ногами, крепко связанными

под брюхом лошади, сопровождать нас. Когда крепость открыла огонь, мы были уже вне опасности.

Эта ночь была одна из самых тяжелых, которые я испытал когда-либо в своей жизни, а ведь я перенес так много тяжелого. Недостаточно было того, что стоял невыносимый мороз, неприятель окружал нас со всех сторон и нас мучил голод, потому что со вчерашнего вечера мы ничего не ели, но злосчастной судьбе было еще угодно, чтобы среди моих [374] абазских всадников не нашлось ни одного, который бы хорошо знал дорогу в Натухай, хотя все они были дома у Абина, т.е. на расстоянии всего лишь нескольких часов езды. Абазы настолько беззаботны, что нимало не печалются о том, что происходит в нескольких часах от них или как выглядит их страна. Хотя я и очень часто ездил по Натухайской области, но не мог разобраться ночью в лабиринте бесчисленных лесных тропинок. Так как никто хорошо не знал дороги, то все начали советоваться и каждый настаивал на своем. Такие случаи уже часто бывали со мной, и я поставил себе за правило следовать в таких обстоятельствах советом одного, но ни в коем случае не многих индивидуумов или рассчитывать на свою собственную голову. Сегодня я решился на последнее, потому что видел, что к сожалению, ни один из моих спутников не знал больше, чем я сам.

Хуже всего было то, что я не мог определить расположение неприятельских войск, только огни абазских дворов, сияние которых видел то вблизи, то в отдалении, служили мне для некоторой ориентации и советовали мне держаться от них на почтительном расстоянии. Несмотря на это, мы могли невзначай натолкнуться на неприятельский отряд, потому что русские при таких ночных экспедициях не раскладывают костры в своих лагерях и держатся очень тихо. И так это и случилось с нами. Мы успели проехать только часа два, как вдруг были остановлены громким «Кто идет?» Вопрос сопровождался выстрелом из ружья, вслед за которым раздалось несколько других, и в одно мгновение мы очутились под градом пуль. Это недолго продолжалось, но зато грянули два пушечных выстрела. Мы поспешно повернули и бросились назад, но, на наше несчастье, пушечное ядро, упавшее в нашу толпу, убило лошадь и тяжело ранило сидевшего на ней абаз. Мы оставили несчастного под надзором двух его товарищей, потому что никак не могли взять его с собой (он был позже перенесен в его дом, но умер через несколько дней). Мои абазы по обыкновению подняли пронзительный военный крик, что, естественно, отбило у русских охоту к преследованию, так как они легко могли ошибиться в нашем числе. Поэтому их [375] два орудия (я думаю, что у них там больше не было) начали пальбу во все стороны, и еще полчаса спустя мы слышали единичные выстрелы.

Мы кинулись вправо на первую тропинку, чтобы обойти русские дозоры, но едва лишь проскакали по ней четверть часа, как были задержаны новым «Кто идет?» и отброшены назад ружейным огнем. Не оставалось больше ничего, как только повернуть налево или возвратиться назад. Идя налево, мы должны были прийти на дорогу в Бакан, где утром маршировала сильнейшая русская колонна; чтобы возвратиться, мы должны были снова пройти мимо крепости Адагум, что, вероятно, на этот раз не удалось бы нам так легко и к тому же означало бы, что все наши труды были напрасны. Через час езды мы выехали на широкую дорогу, которую я признал как дорогу на Бакан.

Всегда бывает приятно после долгих блужданий в конце концов попасть на знакомую дорогу, это все равно, что встретить старого друга. Но удовольствие было для меня омрачено мыслями о том, что мы теперь попали из дождя в кадку с дождевой водой. Баканская дорога тянется вдоль речки Бакан, которая впадает в Адагум, в узкой ложбине между двумя низкими, густо поросшими лесом горными хребтами, вплоть до Мазги. Лежащий справа от нас горный гребень мы только что покинули, лежащий слева был узок

и замыкался дорогами на Бакан и Суджук. Мы не могли знать, не были ли и там расположены неприятельские отряды, но не подлежало сомнению, что долина Бакана была блокирована. Где неприятель — впереди или позади нас, это было неизвестно. Мы могли находиться приблизительно на полпути между Мазгой и Адагумом.

Не оставалось ничего другого, как идти наудачу вперед. Луна светила так ярко, что наш отряд можно было видеть издалека. Мы проехали едва лишь полчаса, как унтер-офицер Новак, который с двумя солдатами и шестью абазами образовывал авангард, внезапно остановился. Мы также остановились. Один из солдат авангарда прогалопировал назад и доложил, что, по всей видимости, долина занята неприятельскими отрядами, так как издали видно движение [376] по дороге и блеск ружей. Солдат еще не успел кончить свое донесение, как со стороны наших всадников, находившихся позади, раздался воинственный клич. Тотчас же затрещали беспорядочные залпы русской пехоты в нашем тылу, барабанный бой, и крики «ура» звучали сзади, спереди и справа от нас. Мы попали в настоящую западню. Не теряя ни секунды на размышление, мы бросились в кустарник, лежащий слева от нас. К счастью, горы не приостановили наше бегство, но там не было ни дороги, ни тропинок, только абазы и абазские лошади могли пробираться. В такие моменты ни один европейский солдат не может сравниться с абазом. Едва лишь военный клич и ружейные залпы раздалась в нашем тылу, как пятеро абазов упали сраженными с лошадей; трое из них были убиты, двое ранены, еще шестеро оставшихся на конях, и среди них унтер-офицер Багинский, потерявший два пальца, были ранены. Но ни один труп, ни один раненый, ни одно ружье не остались в руках русских, даже седла двух убитых лошадей были спасены. Произошло все это быстро, и прежде чем русская рота, надвигавшаяся сзади на нас боевым маршем, открыла во второй раз огонь, прежде чем сбежавшие со всех сторон русские успели приблизиться, наша толпа была уже в кустах. Я больше не вел отряд — он вел меня. Едва мы углубились на сотню шагов в кустарник, как большинство абазов соскочило с лошадей, бросив на них поводья и оставив их глубже пробираться в лес, а сами со взведенными курками и диким военным криком кинулись навстречу настигавшим нас русским. Их меткий огонь, а так же, как я думаю, и их пронзительные крики привели русских в замешательство, но это продолжалось недолго, неприятель открыл огонь из двух, а затем уже из четырех орудий по роще. Этот столь же отважный, как и находчивый переход абазов к пешему строю и отстреливанию спас если не нас самих, то хотя бы наших лошадей, потому что мы продвигались в густом лесу с таким трудом, что русские ядра еще довольно долгое время падали среди нас.

На горном хребте, где мы теперь находились, ни днем ни ночью не видно было дыма или огненных столбов, мы могли [377] поэтому сохранять единственную надежду, что русские сюда еще не проникали, но мы не чувствовали себя в безопасности. Только в немногих местах можно было сесть на коней, чаще продираться пешком сквозь густой кустарник и вести за собой лошадей. Мы продвигались таким образом с неопикуемыми усилиями и затруднениями приблизительно часа три, наши лица и руки были в крови, наши одежды были изодраны колючками. Наибольшие трудности были с нашими ранеными, которые очень страдали; трупы трех павших абазов мы также везли с собой на лошадях. Держась посередине узкого горного хребта, мы должны были неизбежно в конце концов дойти до абазского двора, и эта надежда поддерживала наши силы.

В 4 часа утра мы наконец натолкнулись к нашей радости, на первый абазский дозор. Двор, или, собственно, пять дворов, находился от нас на расстоянии нескольких сотен шагов. Мы могли бы пройти мимо, если бы дозорные нас не увидели и не окликнули. В одном из дворов жил Хуссейн-эффенди, храбрый тамада и имам, которого я знал очень хорошо. Мы сделали привал на несколько часов, потому что смертельно устали и наши лошади едва могли передвигать ноги. Мы нашли здесь пищу для себя и корм для лошадей, а также

оставили трупы товарищей, передали раненых попечению женщин, а двух взятых в плен казаков, которых тащили связанными целую ночь за собой,— надзору тамады. Около 50 вооруженных людей собралось у Хуссейна: женщины и дети все уложили, и население пяти юнэ приготовились к бегству и сопротивлению. Хуссейн сказал мне, что неприятель занял всю дорогу до Мазги, но часть его войск пошла на Мазгу и там соединилась с колоннами из Анапы и Суджука. Я спросил, нельзя ли собрать несколько сот людей, чтобы вынудить неприятеля прервать его слишком растянувшуюся линию, но Хуссейн сказал мне, что все потеряли голову и стараются только спасти свою семью и имущество. О нашей артиллерии знал он только то, что вчера после полудня со стороны Мазги была слышна сильная канонада, следовательно, орудия должны быть там и сейчас. Он также уверял меня, что оба начальника мехкеме — [378] Фарис-бей и Хаджи-Яхья со всеми их муртазиками уже в течение нескольких дней находятся при орудиях. Я считал, что до Мазги еще три хороших часа пути, если я только снова не стану блуждать, как недавно. Но этого больше можно было не опасаться, потому что уже настал день и Хуссейн дал мне двух хороших проводников, знавших в совершенстве каждую тропинку.

Через час после нашего прибытия к Хуссейну я попросил у него гонца, чтобы без промедления отправить письмо к лейтенанту Станкевичу.

Хуссейн предоставил мне для этого своего сына Цекери, который немедленно отправился с одним проводником. Я приказал офицеру оставить небольшой отряд с одним орудием на пригорке, а с большей частью его войск, которые к утру, с прибытием созданных контингентов, должны были удвоиться, выступить вниз по горам влево от занятой русскими дороги на Суджук и угрожать коммуникации неприятеля. Если вышедшие из Суджука колонны начнут отступать в крепость, то он должен идти за ними вплоть до крепости, занять там позицию вне пределов досягаемости крепостного огня и не сдавать ее без энергичного сопротивления.

Люди и лошади оправались, поэтому мы выступили в 8 часов и к полудню пришли к Мазге, где я нашел мою полубатарейю на зимней квартире. Фарис-бей и Хаджи-Яхья находились там со всеми своими муртазиками, но все же с очень немногими абазами. Даже обычная охрана в сильном страхе убежала домой, чтобы спасти находящиеся в опасности семьи. Я нашел около 400 человек почти сплошь кавалеристов, из них едва было 100 человек пехоты, да и эти почти все были бедные ребята, из которых только немногие имели 3-4 патрона, хотя все они были воодушевлены лучшими намерениями. Мои ординарцы, всегда возившие с собой запас патронов, разделили их насколько это было возможно, чтобы не обделить самих себя, так что в конце концов у каждого оказалось по меньшей мере 10 патронов.

Я спросил обоих начальников мехкеме и нескольких значительнейших старшин, нельзя ли собрать большее число [379] войск. Они ответили, что все их усилия со вчерашнего дня оказались бесплодны, потому что панический страх охватил весь народ и каждый думает только о своем собственном спасении. Они едва смогли собрать эту небольшую группу, чтобы не оставить пушки под ударом. Накануне вечером лейтенант Корнацевский обстреливал неприятеля, сконцентрировавшего у Мазги свои силы в составе 5 батальонов, 700 казаков и 16 орудий и опиравшегося на бывшую крепость. Утром наша артиллерия снова сделала около 20 выстрелов. Вследствие этого русские не захотели покинуть свою позицию у Мазги и ближайшие дворы остались непотревоженными. Абазская конница, кроме того, со вчерашнего дня взяла в плен 16 человек.

Мы советовались, что же теперь делать дальше. Хаджи-Яхья предлагал поехать в нижнюю горную цепь Шевгагай, которая тянется вдоль побережья между Суджуком и Анапой, Эта

часть страны густо населена и до сих пор не была потревожена неприятелем, поэтому там было бы легче всего собрать к завтрашнему дню большое число воинов. Предложение было хорошим, и я решил с конницей и тремя орудиями двинуться на Шевгагай, но Фарис-бей должен был с пехотой, 50 всадниками и пушкой под командой унтер-офицера Матчинского остаться на прежней позиции, следить за неприятелем у Мазги, тревожить его и стараться собрать воинов из ближайших окрестностей. В 3 часа мы выступили в поход, обошли с севера Мазгу и двинулись по равнинам Анапы на Шевгагай. От неприятеля не ускользнуло наше продвижение по направлению к Анапе, и хотя он основательно занимал это место, все же отрядил из Мазги в Анапу принадлежащие к тамошнему гарнизону отряды, т.е. пехотный батальон, сотню казаков и четыре орудия. Мы маршировали долгое время в одном направлении, на расстоянии больше двух верст друг от друга, в полудне езд от Анапы. Мы приблизились друг к другу и обменялись несколькими пушечными выстрелами. Неприятель двинулся в крепость, а мы — по направлению к Суко (в двух часах езды от Анапы), место, где находились первые абазские дворы. После полудня мы услышали здесь доносящуюся со стороны Мазги сильную канонаду. [380]

В юнэ-из Суко мы расквартировали наш отряд. Однако Хаджи-Яхья, этот неутомимый и храбрый молодой человек (ему было только 24 года) после краткого отдыха поехал с несколькими тамадами и своими муртазиками дальше, чтобы позаботиться о созыве своих воинов, так как мы находились в его мехкеме. Мы условились потребовать с каждого большого двора двух воинов, с других — по одному; это войско должно было собраться в Суббаше, находившемся в двухчасовом расстоянии от Суджука. На следующее утро мы и 60 всадников и свыше 100 человек пехоты двинулись из юнэ-из Суко в поход на Суббаш. Мы вошли туда в 10 часов утра и застали там Хаджи-Яхью, уже окруженного приблизительно 500 кавалеристами и 1 000 пехотинцев. Храбрый юноша в течение двух дней и двух ночей не смыкал глаз, ни часу не отдыхал и почти не слезал с лошади. Наши силы доходили приблизительно до 2 000 человек, среди них — 800 всадников. Тамады предлагали выступить против русских отрядов, расположенных около Мазги, но мы получили утром известие, что неприятель очистил Баканскую дорогу и сконцентрировал все свои силы вокруг Мазги; таким образом, совершенно не было надежды на успешное сражение с ним. Зато я надеялся путем угрозы Суджуку вызвать расстройство в действиях русских и облегчить лейтенанту Станкевичу очищение дороги от Суджука на Адагум. Я отрядил поэтому Хаджи-Яхью с 600 всадниками и одной шестифунтовой пушкой под командой фейерверкера Линовского против Мазги. Хаджи-Яхья должен был на этой дороге пройти мимо неприятельской позиции и наладить связь с Фарис-беем, находившимся на противоположной стороне. Сам же я, имея приблизительно 1 500 человек, среди которых было 200 всадников, и с двумя гаубицами двинулся на Суджук.

Около двух часов мы подошли на расстояние пушечного выстрела к крепости. Я приказал бросить несколько гранат в крепость, которая сейчас же начала нам энергично отвечать. Мои гаубицы маневрировали таким образом, что появлялись то на одной, то на другой позиции позади холмов, лежащих вблизи от крепости, делали несколько выстрелов [381] и потом быстро возвращались назад, чтобы бесполезно не попадать под перекрестный огонь крепостных фортвов, вооруженных более чем 40 тяжелыми орудиями.

Уже во время похода на Суджук мы слышали с Адагумской дороги отдаленный орудийный грохот. Он звучал все ближе и отчетливей. Около трех часов к югу от фортвов на горной тропе появилась русская колонна, отступавшая под орудийным и ружейным огнем в крепость. Я понял, что лейтенант Станкевич получил мое письмо и совершенно точно принялся исполнять приказ. Если бы я только мог соединиться со Станкевичем, то участь отступавшей колонны была бы решена, но это было абсолютно невозможно,

потому что между восточной стороной крепости, где я стоял, и южной, где двигалась неприятельская колонна, протянулось почти на получасовое расстояние длинное болото, а дальше, в часовом расстоянии, находились высокие и крутые горы, едва проходимые для пешеходов. Я не мог поэтому легко наладить связь со Станкевичем. Он дал еще несколько выстрелов по крепости и отступил на безопасное расстояние. Я послал ему письменное приказание оставить 200 человек для наблюдения за Суджуком, а с большинством отряда направиться на Баканскую дорогу и блокировать ее.

Между тем Хаджи-Яхья, который за полтора часа со своей конницей и шестифунтовиком прибыл к Мазге, так энергично беспокоил неприятеля и с другой стороны был так хорошо поддержан Фарис-беем, что русские, которым канонада под Суджуком, где был оставлен только один батальон в качестве прикрытия, причиняла много забот, бросили свою первоначальную идею о том, чтобы предпринять набег в направлении Коркуя и там соединиться с колоннами, ожидавшими в стенах, и отступили из Мазги на Адагум и Суджук. Неприятель был достаточно осторожен для того, чтобы отправить батальон из Суджука в сопровождении еще двух батальонов Адагумского корпуса. Там, где расходятся дороги на Адагум и Суджук, неприятель перестроился в две колонны. Одна, состоявшая из 4 батальонов, 600 казаков и 12 орудий, направилась через долину Бакана на Адагум, другая, состоявшая из 3 батальонов, казачьей сотни [382] и 4 орудий, отступила по дороге на Суджук. Хаджи-Яхья и Фарис-бей, который имел уже больше 500 человек, соединились и, отправив за врагом по Баканской дороге только около 100 всадников, со всеми своими силами атаковали арьергард неприятеля. Они имели около 1 000 человек и 2 шестифунтовика, но только 200 пехотинцев, и так как поверхность земли была повсюду изрезана и поросла кустарником, то конница большей частью должна была спешиваться и стараться настигнуть врага в пешем строю.

Я слышал приближающуюся перестрелку со стороны Мазги, и так как отчасти предвидел то, что случилось, оставив всадников перед Суджуком, направился по дороге навстречу противнику. Но неприятель, внимательно следивший за нашими движениями, сделал вылазку из крепости с 2 батальонами, сотней казаков и 4 орудиями и пошел вслед за нами. Мы едва успели обменяться несколькими выстрелами с авангардом возвращающейся из Мазги колонны, как увидели, что наш собственный тыл находится под угрозой. Я был вынужден занять позицию слева от дороги и обстреливать противника моими гаубицами и ружейным огнем, однако не мог противодействовать тому, чтобы обе колонны соединились и продолжали свой путь в Суджук, находившийся на расстоянии приблизительно пяти верст. Мы также соединили наши отряды и теперь со всей энергией стали беспокоить русских. Абазы — чем многочисленней, тем воинственней и отважней. Некоторые всадники и пехотинцы врзались с шашками наголо в части неприятельской пехоты и находили смерть в отчаянной схватке. Это были всегда те, кто потерял либо свое имущество, либо кого-нибудь из своей семьи. Казаки, которые несколько раз пытались выступить против абазской конницы, каждый раз оказывались отброшенными назад и должны были искать защиты у пехоты. Во многих местах вспыхивали отчаянные схватки холодным оружием. Наши орудия стреляли без передышки по густым толпам русских. Под давлением непрерывных атак неприятельская колонна отступила к крепости, орудия которой наконец положили предел преследованию. Мы отбили у врага около 200 голов рогатого [383] скота и приблизительно 1 500 овец и коз. Уже наступила ночь, когда замолкли последние пушечные и ружейные выстрелы. Мы условились, что дадим нашим сильно утомленным воинам несколько часов для отдыха, а в полночь выступим и попытаемся догнать ушедшую по дороге на Бакан русскую колонну. Я имел некоторые надежды на то, что лейтенант Станкевич запер или затруднил для противника этот путь. В полночь приблизительно 2 500 человек с 4 орудиями двинулись в поход и в 5 часов утра наш авангард встретился с форпостами Станкевича. Вскоре после этого явился он сам и

доложил, что в 9 часов вечера его отряд пришел на Баканскую дорогу, но уже не застал там никакого неприятеля, а жители сообщили ему, что они видели неприятеля, поспешно двигавшегося по направлению к Адагуму. Отступление противника должно было быть очень торопливым, потому что во время нашего марша мы нашли несколько сотен голов рогатого скота, овец и коз, убитых или раненых ударами штыков и валявшихся на дороге.

Корпус Станкевича оказался гораздо сильнее, чем я ожидал: 14-го вечером мехкеме Шипе и Абин прислали подкрепление в составе 200 всадников и 600 человек пехоты. 15-го утром приехали 460 всадников из Шапсугии. Станкевич оставил против Адагума только 1 орудие с 600 воинами и направился с 2 600 человек и 3 орудиями на Суджук. В 11 часов утра он атаковал сторожившую верхнюю дорогу колонну и преследовал ее до крепости. Перед Суджуком к нему присоединились еще 200 всадников и 500 человек пехоты, которых Гафус-эффенди призвал в Пшат-мехкеме. Таким образом, в момент нашего соединения мы располагали силами приблизительно в 6 000 человек с 7 орудиями. Если бы такие силы объединились на каком-нибудь пункте три дня тому назад, то русские не могли бы и думать о том, чтобы предпринять набег против Натухая. Преследовать врага мы не стали, потому что русские, без сомнения, пришли уже в свой укрепленный лагерь на Адагуме. 1 000 всадников, имевших лучших лошадей, и 3 орудия были назначены идти на Адагум и наблюдать за неприятелем; остальной корпус с 4 орудиями должен был разместиться как можно лучше в ближайших [384] трех юнэ-из и не расходиться, так как неприятель, вполне вероятно, мог снова сделать вылазку. Бедные люди действительно находились в очень печальном состоянии; конница, состоявшая из зажиточных, была почти вся хорошо одета, но пехота находилась в самом жалком виде. При холоде 10-12 градусов большинство было едва одето, а очень многие были босиком. В продолжение нескольких дней каждый съел столько, что этого едва ли хватило бы, чтобы наесться досыта один раз, и почти постоянно все были на ногах. Мои солдаты, которые были лучше одеты и сравнительно больше ели, выглядели смертельно усталыми, хотя они и не были особенно изнеженными; в то же время эти страдающие от голода и холода орды горцев повсюду, где они только могли разложить костер и немного согреться, весело прыгали вокруг и пели свои военные песни 25.

По данному позволению все рассеялись с молниеносной быстротой по квартирам и взяли с собой валявшийся на дороге убитый русскими скот. Я отдыхал до 11 часов, после чего с конницей и тремя орудиями направился к Адагуму. При остальных орудиях я оставил капитана Станкевича. Фарис-бей и Хаджи-Яхья также остались там, чтобы не дать разойтись расквартированным воинам. Утром мы получили из Коркуя известие, что оперировавшие на равнине русские отряды, большей частью состоявшие из конницы, причинили очень мало вреда и вчера вечером вернулись в свои крепости. В 2 часа мы появились перед русским лагерем и соединились со стоявшим там нашим сторожевым постом. Неприятель, по сообщению наших дозорных, еще в полночь пришел в свой лагерь. Одно орудие под прикрытием 300 человек было оставлено на форпостах, а мы расположились на квартирах по речкам Шипе и Шапсугур. [385]

Казалось, что враг был готов к отступлению, и действительно, наше сторожевое орудие 18-го утром сигнализировало двумя выстрелами его обратное движение. Он перешел через мост у Хатокая и затем пошел дальше на зимние квартиры в Черноморье. Наша почти целиком состоящая из конницы армия была быстро сосредоточена. Мы не могли оказать серьезного противодействия неприятелю в его продвижении от Адагумской крепости на Хатокай через широкую безлесную степь, поэтому удовлетворились тем, что преследовали его и время от времени давали орудийные залпы, на которые, однако, противник всегда отвечал так щедро, что мы не могли часто прибегать к этому. В

крепости Адагум в качестве гарнизона остались, кроме артиллерии и двух сотен казаков, еще три батальона пехоты.

Сбор наших воинов больше не имел смысла, поэтому они были распущены по домам. Каждое мехкеме держало дозор при крепости, находящейся на территории. Четыре орудия под командой капитана Станкевича разместились в своих зимних квартирах в Натухае, остальные под начальством лейтенанта Конарцевского возвратились на свои квартиры в Абин. [389]

ГЛАВА 18

Последствия русского набега. — Загадочный выстрел. — Неудачная попытка арестовать князя Сефера. — Мне угрожает опасность в доме Сефера. — Окончательный разрыв. — Устройство Шапсугии. — Антхыр. — Я схожусь с Мохамед-Эмином. — Наше первое совещание. — Возвращение в Шапсугию. — Вторжение русских. — Сражение на реке Бакан. — Народный совет. — Временное оставление Натухая. — Положение дел в Абадзехии. — Сражение при Шавготче. — Письмо от Шамиля. — Планы.

Четырехдневный русский набег тяжело отразился на жителях Натухая. Неприятель сжег около 400 дворов, уничтожил много зерна и сена, взял в плен 137 человек, главным образом женщин и детей, кроме того, увел или убил около 300 голов рогатого скота и 2 000 овец и коз.

Абазы, кроме того, имели 143 убитых и большое число раненых 26. Русские оставили в руках абазов 67 убитых и 81 пленного, последние большей частью были раненые. Насчитывалось также 16 перебежчиков, но не подлежит ни малейшему сомнению, что потери неприятеля должны были достигать нескольких сотен убитых.

Несмотря на эти потери, которые для немногочисленных и находящихся в вечной войне горцев должны были быть очень значительными и чувствительными, воинственный дух натухайцев поднялся очень высоко; вместо прежних предложений о перемирии и сношениях с русскими наступила жажда мщения и войны. Артиллерия снова в воображении абазов возвысилась до небес, и мы завоевали себе право не испытывать голода зимой. Это тоже было счастьем, потому что князь Зан-оглы так хорошо хозяйничали, что я получал от них чрезвычайно мало. Сына князя Сефера я не видел уже в течение двух месяцев.

Я ждал терпеливо и доверчиво помощи с Запада. День ото дня мы становились слабее, 24 человека были вырваны из наших рядов сражениями и болезнями, и мой отряд был доведен до 96 человек. Запас пороха все уменьшался, обмундирование становилось все хуже. И никакого оружия! Такова была ситуация, когда один случай привел к тому, что давно подготавливавшаяся катастрофа между мной и Сефер-пашой наконец разразилась.

В ночь с 19-го на 20 декабря я остановился у Пшимаф Омера, одного уорка на реке Шипс. Был мой 31-й год рождения.

У меня не было обыкновения, когда я ночевал вне пределов [390] русских набегов, выставлять около своей квартиры караул. Несколько сот раз я задерживался в гостях у абазов и никогда не подвергался ни малейшей опасности. При мне было восемь солдат и шесть муртазиков, из которых двое по очереди присматривали за лошадьми, а другие в кунацкой сакле спали возле меня. Из описания абазского жилища, которые все строились одинаково, читатель знает, что по обеим сторонам камина находятся импровизированные

постели, на которые кладут камышовые циновки и уже сверх них — постельные принадлежности. Дымовая труба всегда широка и низка, так что ловкий человек без труда может в нее влезть. Тягости прошедшего дня обеспечили нам крепкий сон, и никто не вставал, чтобы поддержать огонь в камине, который мало-помалу угасал. Вдруг громкий выстрел в одно мгновение поднял всех нас на ноги. Пуля влетела в комнату из трубы. В то время как часть моих людей раздувала угасший огонь, другие выскочили из дверей с заряженными пистолетами. Никого не было видно. Напрасно в сопровождении дворни они обыскивали вдоль и поперек двор и близлежащие кусты — никто не был найден. Между тем в комнате мы исследовали направление выстрела и нашли, что пуля проникла к доске моей постели. Я вспомнил, что таким же образом мой соотечественник Зверковский, который задолго до Восточной войны был послан князем Чарторыйским в Абазию, был убит во время сна выстрелом в живот. Я вспомнил однако и о другом случае. В ночь с 15-го на 16-е, когда мы шли из Суджука на Бакан, я ехал между Фарис-беем и одним старшиной по имени Гакар. Сзади нас ехали двое солдат, а сразу за ними шла толпа пешех. Внезапно из этой толпы раздался выстрел, пуля задела бурку старого Гакара, который ехал рядом со мной. Мы остановились и спросили, кто стрелял, но никто не признавался. Наконец мы решили, что ружье случайно разрядилось и что хозяин его боялся ответственности, а его товарищи не хотели его выдать, и не стали больше расследовать это происшествие. Я совсем забыл об этом случае, но сейчас он непроизвольно ворвался в мою память, и я пожалел, что тогда был так неосторожен. Мне было ясно, [391] что со времени моего расхождения с Сефер-пашой я больше не был в безопасности.

Уже давно я решил положить предел влиянию Сефер-паши, столь же вредному для абазов, сколько и для нас, и ожидал только прибытия оружия. Но так как оно заставляло себя ждать и я не знал, не пройдет ли целая зима, пока я получу вооружение, то решил ускорить проведение моих давно задуманных планов. Моя собственная безопасность до известной степени сделала это необходимым. Прибыв на зимнюю квартиру на Абине, где, как мы можем вспомнить, основал свое жилище и Сефер-паша, я был встречен старым князем с такой преувеличенной сердечностью и с таким множеством знаков дружбы, что только еще больше укрепился в решении открыто выступить против него. 24 декабря я послал лейтенанта Арановского, переодетого абазом, в Антхыр, чтобы пригласить Алиби Хантоху и некоторых старшин на собрание. 28-го у нас было собрание со старшинами с рек Богондур, Антхыр, Хапль, Азипс и Иль и с прибрежных гор от Пшата до Чепсина. Были представлены 3 800 дворов. Мы заключили карар, чтобы отныне во всяком внешнем и внутреннем вопросе держаться вместе и помогать друг другу против всех и каждого. Старшины дали обязательство организовать мехкеме на названных пяти реках, набрать муртазиков и привести народ к уплате податей; я же должен был устроить мою квартиру у них и перевести мой склад из Адерби в Чепсин.

Но самое важное было то, что должно было произойти с Сефер-пашой. Алиби Хантоху и большинство старшин, исполненные ненавистью и жадной мести к Зан-оглы, не говорили ни о чем, кроме смерти. Но на это я все-таки не мог пойти — у меня было достаточно моральной уверенности в разнообразных преступлениях Сефера, но никаких доказательств. Да и глубокая старость князя защищала его от такого крайнего насилия, к тому же смерть Сефера могла бы, по всей вероятности, вызвать мщение его друзей в стране и, без сомнения была бы воспринята как тяжелое оскорбление Оттоманской Портой, под покровительством которой Сефер-паша прибыл в Абазию и которую он еще до известной степени представлял. [392]

Все эти соображения, которые, конечно, шапсугам казались незначительными, но для меня ни в коем случае не были маловажными, заставили меня поднять голос против

решения старшин. Поэтому я предложил взять под стражу князя Сефера и под охраной выслать его в Турцию. Таким образом был бы устранен самый большой камень преткновения для организации и объединения страны, а Порта могла бы убедиться в том, что в отношении положения дел в Абазии все идет к лучшему. После долгих возражений со стороны врагов Сефера, мое предложение было принято. Проведение ареста было значительно труднее, чем убийство, и было возможно только в том случае, если Сефер-паша не был осведомлен о наших намерениях. Было решено, что Алиби Хантоху с 200 всадниками появится 1 января 1859 года в моем лагере на Абине и поможет мне провести это внезапное нападение. Двое тамад из Чепсина должны были держать в готовности сандал, на котором паша должен был немедленно отплыть. Когда мы разошлись, лейтенант Арановский вместе с тамадами Шапсугии отправился в Антхыр, чтобы собрать там конный отряд и привести его к 1 января.

Случилось так, что Сефер-паша обо всем этом проведал. Каждый день я видел его по два раза, но по его виду ничего не мог заметить.

1 января в 10 часов утра должна была прибыть конница из Антхыра. Обыкновенно окружение Сефер-паши состояло из 12 турок и татар и 3-4 абазов. О сильном сопротивлении этих людей не стоило думать, кроме того, я принял все меры к тому, чтобы никакого сопротивления не было.

1-го в 8 часов утра мы заметили необычайное волнение перед жилищем Сефера. Хаджи-Исмаил-паша приехал в сопровождении около 30 всадников, большей частью уорков и их рабов. Я начал догадываться, что наш замысел выдан, но решил, не показывать виду, идти навстречу опасности и направился, как обычно, в сопровождении двух солдат в саклю Сефер-паши. Само собой разумеется, что мы были хорошо вооружены.

Как только мы вошли в саклю, внезапно замолк очень [393] страстный разговор, и все взглянули на меня с удивлением и некоторым страхом. Сакля была полна людей. Сефер-паша принял меня со своей обычной сердечностью и с учтивостью турецкого сановника. На лицах его турок не было никакого особенного выражения, но один взгляд на Хаджи-Исмаил-пашу и на абазов убедил меня, что я предан. Я попытался скрыть от хозяина мое волнение и непринужденно занял место на другой стороне дивана около Хаджи-Исмаила-паши. Слуги принесли кофе и чубуки, и мы начали разговаривать о разных пустяках. Сефер-паша был особенно разговорчив и весел. Я сидел как на пылающих углях. Наш разговор продолжался около часа, который показался мне годом, как вдруг перед домом началось сильное движение. Абазы поспешно выскочили из сакли, за ними последовал и Хаджи-Исмаил-паша. В сакле остались кроме Сефера и меня еще восемь турок и двое моих солдат. Несколько минут спустя сюда вошел Карабатыр с двумя уорками. Не поздоровавшись со мной, он подошел к отцу и начал с ним долго и тихо разговаривать. На лице старого черкеса нельзя было увидеть ни малейшего движения. Это спокойствие заставляло меня ожидать страшную катастрофу. Во время разговора отца с сыном я значительно поглядел на одного из моих ординарцев, унтер-офицера Шулецкого. Солдат понял мой взгляд и вышел из сакли. С совершенно спокойным выражением лица я вытащил мой револьвер из кобуры и усердно занялся очисткой мнимой ржавчины, но при этом не терял из виду старого князя. Это от него не укрылось, и я перехватил брошенный им на меня взгляд, подобных которому я никогда не видел в жизни. В этом взгляде отражалось столько сдерживаемой ярости, столько безграничной ненависти, что лицо Сефера, который всегда был очень красивым стариком, совершенно обезобразилось. Он стал отвратительнейшим татаринном, с которым я когда-либо встречался, а я ведь, слава богу, видел достаточно некрасивые экземпляры этих неославян.

В это страшное мгновение (потому что уже отсутствие Хаджи-Измаил-паши и абазов, из которых, я знал, ни один не стал бы открыто бросаться на меня, и присутствие всех [394] турецких слуг Сефера заставляло меня ожидать худшего) вошел в саклю лейтенант Конарцевский с 11 вооруженными солдатами. За ними сотни блестящих глаз абазов, тесно обступивших дверь, следили за исходом этой сцены. Сефер-паша казался совершенно сбитым с толку такой дерзостью, его лицо стало бледным, или, вернее, пепельно-серым, и он наполовину приподнялся с сиденья. Его сын стал перед ним и взвел курок своего пистолета. Турецкие слуги не знали, что, собственно, они должны делать. Только Мустафа, бывший турецкий кавас, приблизился к своему господину и угрожающе смотрел на меня. Я хотел окончить это для всех томительное положение.

— Хаджи-Паша на дворе? — спросил я у одного абаза, который дальше всех просунул голову в дверь.

— Да, — был ответ.

— Попроси его войти сюда.

Хаджи-Измаил, который по привычке был достаточно привержен к старому Сеферу, но и ко мне очень дружески расположен, вошел совершенно расстроенный в саклю.

— Я не хотел уйти, — сказал я еще с улыбкой, — не попрощавшись с тобой. Надеюсь, что ты будешь настолько добр, что позже посетишь меня.

Я встал, попрощался с князем Сефером, ответившим мне по всем правилам восточной вежливости, и в окружении моей охраны вышел из сакли. Перед жилищем Сефера собралось больше сотни вооруженных абазов, всадники спешили и привязали лошадей к плетням. Все дружески отвечали на мои приветы, и я заметил, что некоторые вовсе не порицали мое поведение. Никто не думал о том, чтобы нас задержать или оскорбить.

Я нашел мой отряд при орудиях, которые были запряжены и сняты с передков, багаж был упакован. Я зашел в свою саклю, чтобы оправиться от моих внутренних переживаний, потому что был сильно взволнован и скорее согласился бы простоять несколько часов под ураганным огнем, чем просидеть эти последние полчаса на диване князя Зан-оглы. Я не мог ничего другого предположить, как то, что Хантоху получил сведения о предательстве и поэтому не прибыл. Но [395] дело обстояло значительно хуже. Через час после этого пришел ко мне Хаджи-Измаил-паша и с ним Карабатыр, без всякого сопровождения и невооруженный, так как у него был только кинжал. Это доверие понравилось мне, и я дружески пожал его протянутую руку. Хаджи-Измаил был вне себя. Он делал мне горчайшие упреки, проклинал Сефера, Карабатыра, наиба, шапсугов, весь мир. Я узнал также, что мой замысел был известен. В стране есть поговорка: «Если три абаза знают тайну, то не успеет зайти солнце, как уже в трехчасовой окружности все старые и малые будут о ней говорить». Так случилось и на этот раз. Едва только тамады шапсугов пришли с нашего совета, как уже вся Шапсугия знала о нашем замысле и, так как абазы всегда присочиняют и если не сами выдумывают, то рассказывают чужие сказки, говорили, что наиб тайно явился к Антхыр, что я перехватил переписку Сефер-паши с русскими, что Сефер, Карабатыр, Хаджи-Измаил и несколько дюжин других должны быть убиты и т.д.

Хантоху и его друзья еще в конце декабря собрали не только 200 всадников, но больше 1 000 человек и выступили ночью. Сегодня утром они сделали привал на Богондуре, но лейтенант Арановский, как всегда, пылкий и неосторожный, помчался вперед с 20 всадниками, чтобы поставить меня в известность. У реки Абин он неожиданно встретил в

пять раз большую группу всадников под предводительством Карабатыра. Люди Карабатыра крикнули шапсугам, что они могут теперь прийти, так как Теффик-бей уже убит и орудия увезены в Натухай. В полном отчаянии возвратился Арановский к Хантоху, отряд которого, несмотря на все доводы решительного Хантоху, считавшего меня убитым и жаждавшего отмщения, не хотел дальше двигаться и повернул назад. Последнее было, однако, к лучшему, потому что мы не могли теперь больше захватить князя Сефера и это привело бы только к бесполезному кровопролитию.

Я заверил Хаджи-Измаил-пашу и Карабатыра моим словом, что известие о присутствии наиба на Антхыре неверно, так же как и то, что жизнь Сефер-паши или их [396] собственная находится в опасности, в таком случае я сам бы был первым, который закрыл бы их своим телом. Но все же я считал бесполезным дальше скрывать мои намерения и теперь начал настойчиво уговаривать Карабатыра, чтобы он побудил отца уехать в Константинополь, где мог бы уютно и спокойно завершить свою старость, вместо того чтобы навязываться стране, где огромное большинство народа не хочет о нем и слышать. Мое предложение удивило как Хаджи-Измаила, так и Карабатыра, но, казалось, не произвело на них того отрицательного впечатления, которое можно было ожидать, особенно от сына. Но они уверяли меня, что Сефер-паша никогда на это не пойдет, и хотели во что бы то ни стало добиться нашего примирения. Если бы Сефер-паша был абазом, то, может быть, я пошел бы на это, но у меня был принцип — никогда не верить татарину, и я был уверен, что Сефер никогда не забудет шутку, которую я хотел над ним сыграть, и при подходящих обстоятельствах станет мне мстить. Однако для того чтобы не устранить мысль о мирном соглашении, я сказал обоим посредникам, что этот вопрос нужно отложить до нового года, когда народ соберется на совещание, и когда обещал не предпринимать ничего враждебного против старого князя, если он сам меня к тому не вынудит. Я заявил, что больше не останусь на Абине, а хочу перенести свою квартиру на Антхыр. Я просил также Карабатыра не чинить мне по дороге затруднений в моем передвижении, так как в этом случае я буду защищаться из последних сил. Он обещал оставить меня в покое.

Затем они ушли к Сефер-паше, но через час возвратились. Сефер предлагал, чтобы я не шел в Антхыр, он хочет сам освободить меня от своего присутствия и перебраться со своей свитой на реку Шипс. Я не мог ничего им обещать до тех пор, пока не посоветуюсь с тамадами шапсугов. Мы попрощались с Хаджи-Измаил-пашой и Карабатыром с уверениями в обоюдной дружбе и больше никогда не видели друг друга. В тот же день после полудня Сефер-паша оставил наше соседство и удалился на расстояние трех часов на речку Шипс, где он прожил еще один год, никем не замечаемый, и умер 1 января 1860 года. [397]

Через день после отъезда Сефер-паши я послал фейерверкера Линовского с двумя муртазиками в Антхыр, чтобы узнать, что там, собственно, случилось, и препроводить ко мне лейтенанта Арановского. В тот же вечер он вернулся с тамадами Натхо Ибрагимом, Гактосом и сыном Алиби Хантоху Махмудом и подтвердил известия обо всех глупостях, которые там совершались и так тяжело меня скомпрометировали. 3 января прибыл Хантоху приблизительно с сотней всадников, и я послал два орудия под начальством лейтенанта Арановского в Антхыр, чтобы удовлетворить шапсугов и получить от них хлеб. Но другие два под командой лейтенанта Конарцевского я должен был оставить в Абине из-за настоятельных просьб жителей Абина, Шапсогура и Шипса, которым всегда угрожали русские гарнизоны Адагума и Хатокая. Полубатарей под начальством капитана Станкевича осталась в Натухае. Я проводил зиму то там то здесь, но большей частью в Антхыре или Адерби.

В стране Адыге говорят, что самые дикие и необузданные из адыгских народов — шапсуги, самые дикие из шапсугов — с реки Антхыр, а самые бешеные на реке Антхыр — это юнэ-из на речке, которая называется Окецикос. В этом юнэ-из, где фамилия Хантоху пользуется почти неограниченным уважением и достигает 500 душ, я провел большую часть зимы.

На реке Антхыр турки, так же как и русские, всегда встречали жесточайшее и до сих пор непреодолимое сопротивление. Нога чужестранца, христианина или мусульманина, до сих пор не ступала на девственную почву этой части Шапсугии. Никогда турецкий паша, даже когда Анапа и Суджук еще находились во владениях Порты, не мог переступить через маленький Антхыр. Также и Сефер, когда он выступал как представитель султана, ни разу не отваживался посетить нижнее течение этой реки.

Признаюсь, жители Антхыра показались мне не хуже, чем другие абазы, но жители Окецикоса кажутся мне все же лучше, чем все другие, и я сохранил самые дружеские воспоминания об этих храбрых людях, особенно же об Алиби Хантоху и его многочисленной фамилии. [398]

Вскоре после моего прибытия в Окецикос, 12 января, послал я вестовых и письма к наибу, чтобы предложить ему союз. Я решил остаться еще в Абазии до конца 1859 года и только в том случае, если до этого времени не получу серьезную помощь, покинуть страну.

Между тем в Шапсугии было организовано на реке Антхыр мехкеме; оно состояло из дворов на реках Хапль, Азипс, Иль, Антхыр и Богондур — всего 3 200 дворов. Хантоху и Хако-эффенди были выбраны кадиями, было набрано 32 конных и столько же пеших муртазиков и введены подати. Я не хотел бесполезно и, пожалуй, напрасно одалживаться и брал поэтому лишь столько, сколько мне было действительно нужно, т.е. по одной сапетке зерна со двора; лошадей и рогатый скот я вовсе не брал, а если мы иногда ими пользовались, то отсылали их назад. Да в этом теперь не было и необходимости, потому что я должен был из-за недостатка обслуживающей команды свести полубатарею в Натухае до трех упряжных орудий, оставив в Антхыре также одно орудие в упряжи, а два лишних орудия отослать в Адерби. Я отправлял письма за письмами в Константинополь, так как уже в течение нескольких месяцев не получал оттуда известий.

Наиб Мохамед-Эмин был вне себя от радости из-за моего окончательного разрыва с Сефер-пашой и приглашал меня хотя бы лично приехать в Абадзехию, чтобы договориться с ним и абадзехами. 2 февраля я выехал на дорогу, ведущую в Абадзехию, сопровождаемый 50 всадниками. Жители последних рек в Шапсугии (Абин, Афипс и Шепш) неодобрительно смотрели на эти сношения с наибом, отговаривали меня от свидания с ним и обещали объединиться в мехкеме по примеру Антхыра, но не хотели и слышать о наибе, так же как и о Сефере. Я успокаивал их тем, что вовсе не имею намерения подчинить их чьей бы то ни было власти, и продолжал свой путь.

6 февраля я прибыл в Пшиш, где встретился с Мохамед-Эмином. Как его друзья, так и враги столь противоречиво описывали мне этого человека, игравшего такую выдающуюся роль в Абазии, что я ожидал первого свидания с ним [399] с большим интересом. Внешность Мохамед-Эмина очень располагала в его пользу. Лицо, окаймленное темной бородой, красиво и благородно и носит отпечаток лезгинской расы; он бодр, крепкого телосложения и выше среднего роста. В то время ему было около 40 лет.

По магометанскому обычаю он бреет голову и носит элегантную абазскую одежду, но с белым тюрбаном и белой мантией, которые свидетельствуют о его духовном звании. Он происходит из кумыков Дагестана, и его легко распознать как чужестранца среди абазов.

После совещания, продолжавшегося на первый раз много часов, я вполне убедился в высокой интеллигентности этого, по нашим понятиям, необразованного сына гор. Он горько сетовал на Оттоманское правительство, ведущее Абазию к гибели благодаря интригам, которые как в Константинополе, так и в стране пущены в ход против него. Он откровенно объяснил мне затруднительность своего положения. Былое повиновение исчезло, мехкеме стоят запущенными и пустыми, интриги со всех сторон смутили здравый рассудок народа. Большая часть абадзехов, особенно равнинных, хотят войти в сношения с русскими; пши и уорки больше не боятся открыто посещать неприятеля. Короче, картина, нарисованная мне наибом Абадзехии, где я надеялся найти больше порядка, была очень мрачна. Он спросил меня, сколько у меня людей. Я ответил, что из-за двухгодичных потерь от войны и болезней у меня больше нет моей сотни, но я каждое мгновение надеюсь получить оружие и одежду и тогда легко сумею увеличить свой отряд. Он спрашивал меня по меньшей мере раз пять, уверен ли я в прибытии ожидаемой помощи, и когда я это подтвердил, он взял меня за руку и сказал: «Теффик-бей! Если ты остановишься у меня с 1 000 польских солдат и с 10-12 орудиями, то до рамазана будущего года мы соберем абазский народ от устья Кубани до Ингура и Эльбруса и соединимся с Шамилем, а ваша сила возрастет до 10 000, а может быть, и до 20 000 человек».

Я был обрадован этой речью, потому что не привык слышать подобные слова от Сефера, который мне все время [400] болтал про падишаха, про себя и про свой род, что могло меня, конечно, очень мало заинтересовать. Я спросил Мохамед-Эмина, нет ли у него новостей от шейха Шамиля. У него не было никаких известий уже в течение четырех месяцев, но последние сообщения, полученные от Шамиля, были достаточно скверны. В Дагестане все идет также, как и в Абадзехии. Даниэль-Султан и многие татарские ханы интригуют против имама с одной стороны, русские — с другой. Народ устал от сражений и со времени последней Восточной войны получил твердое представление о непобедимости России 27, и былое повиновение совершенно прекратилось, Шамиль сам у него запрашивал, не может ли он в случае необходимости явиться в Абазию. Мне очень захотелось узнать, что ответил ему Мохамед-Эмин, и я спросил его об этом. Он помолчал несколько минут, потом сказал, что он отсоветовал это шейху Шамилю. Абазы, полагал наиб, еще и через 20 лет не станут истинными мусульманами, если это вообще когда-либо случится. Шамиль будет принят некоторыми с энтузиазмом, большинством же — с недоверием и, вероятно, здесь, в этой стране, найдет могилу для себя самого и еще скорее — для своей славы. Мохамед-Эмин уверял меня, что он сам вначале предполагал, что магометанство, раз введенное в Абазии, сохранится здесь так же прочно, как и в Дагестане, но в действительности это оказалось не так, и большинство врагов, которых он имеет в стране, он создал сам рвением к служению Аллаху и его пророку. Я сказал ему между прочим, что еще летом написал [401] Шамилю, но не получил никакого ответа. «Я знаю это, — сказал он. — Твое письмо в Тифлисе». Неприятно задетый, я спросил его, откуда он это знает и были ли пойманы дервиши. «Эти дервиши — не дервиши, а шпионы, — сказал он с улыбкой. — Из Дагестана ни один человек не приходит в Абазию без того, чтобы не посетить меня, кроме тех, кто чего-нибудь боится».

Во время моего пребывания наиб созвал народный совет абадзехов 21 февраля. Но, хотя зима была очень мягкая, собралась только половина абадзехских старшин, а также несколько человек из Убыхии. Наиб достиг по крайней мере того, что на речках Пшиш и Пшада снова были восстановлены мехкеме и набраны муртазики. Но на 26 апреля был

назначен народный совет всего адыгского народа на Адагуме. 24 февраля я распрощался с Мохамед-Эмином и возвратился в Антхыр. Зима прошла без единого серьезного столкновения с русскими, совершенно спокойно сидевшими в своих крепостях. Из Константинополя я не имел известий, что приписывал бурной погоде на Черном море, но виной чему, в сущности, были различные слухи, которые Сефер-паша через своих друзей распространял в Стамбуле. Согласно им я был то взят в плен, то убит; говорили, что Сефер паша приказал меня расстрелять, затем, что меня убили собственные солдаты, наконец, что меня погубил наиб. Некоторые газеты повторяли эти слухи, и этому не приходится удивляться. Но меня удивляют мои соотечественники в Константинополе, принимавшие все это за чистую монету. В то время как я с нетерпением ожидал известий и использовал зимнее время для постоянных объездов и попыток доказать абазам необходимость военной и политической организации страны, русские войска 13 апреля (по русскому стилю 1-го) перешли, как они это обыкновенно делают в начале каждого года, через реку Кубань. На Адагуме появился корпус из 16 батальонов и 12 сотен казаков и продвинулся 14-го на пять верст от крепости Адагум до устья речки Бакан, где разбил лагерь, поспешно его укрепил и приступил к возведению новой крепости. Это был последний смертельный удар натухайцам, [402] сообщение которых с шапсугами теперь совершенно прервалось. 26 апреля на Адагуме собрались депутаты от всех племен адыгского народа. Начальники мехкеме Суджук, Псибепс, Шипс, Абин, Антхыр и Пшат привели свои контингенты в лагерь. Собралось больше 14 000 воинов. Но с этими силами и с моими шестью орудиями мы не могли серьезно атаковать ни неприятельский лагерь, ни крепости. Мы должны были поэтому удовлетвориться тем, что беспокоили частой канонадой неприятеля, работавшего на Бакане, и нападали на его обозы, что при небольшом расстоянии между крепостями и при сильных прикрытиях, сопровождавших обозы, было очень трудно. Однако нам удалось 30 апреля в 7 часов утра отбить у противника 11 телег с продуктами, 44 быка и 3 лошади и взять в плен 23 человека, не понеся даже незначительных потерь.

Народный совет продолжался до 10 мая. Решили сдать Натухай, который нельзя было отстоять; жители должны были переселиться в Шапсугию. Тем, которые предполагали остаться в своих домах, было разрешено заключить перемирие с русскими, но при условии, что они не будут сдавать свое оружие врагу и не обратят его против своих соплеменников, в противном случае им угрожает мщение всего адыгского народа.

В сущности, этот народный совет был очень печален. Жители Абадзехии повесили головы и видели, что их большей частью равнинную страну скоро постигнет такая же участь, как и Натухай; натухайцы были в отчаянии; убыхи были ко всему этому равнодушны, так как полагали, что в своих недоступных горах никогда не будут бояться врага; только рыцарские шапсуги не потеряли мужества и заявляли, что лучше всем погибнуть, чем входить в сношения с ненавистными русскими. Они гостеприимно открыли страну беженцам из Натухай, но сказали, что не потерпят действительного подчинения Натухая и будут рассматривать как врагов тех, кто сдаст оружие русским или будет связан с ними общими целями.

Большая часть жителей Натухая, свыше 2 000 дворов, перешла в Шапсугию, два мехкеме были распущены, оба [403] начальника мехкеме — Фарис-бей и Хаджи-Яхья вступили в мой отряд. Затем Фарис-бей взял себе мехкеме в Антхыре. Оставшиеся в Натухайской области жители начали мирные переговоры с русскими. Эти последние пошли с большой готовностью на все поставленные им условия, надеясь путем всевозможных уступок вызвать охоту к мирным переговорам и у шапсугов, но те поняли эту политику и не позволили себя ослепить.

Я оставил четыре орудия на Абине, а с двумя остальными двинулся в Абадзехию, чтобы там поддержать наиба. 12 июня удалось после больших усилий собрать представителей всей Абадзехии. Я заключил с ними и наибом договор, такой же, как раньше с шапсугами, и тотчас же после этого послал лейтенантов Штоха и Арановского в Константинополь. Я полагал, что там уже лежит приготовленное оружие и обмундирование, и отправил офицеров для того, чтобы получить и перевезти вещи, потому что написал моим соотечественникам, чтобы они ничего не доверяли чужим людям, так как из-за такой доверчивости я уже многого лишился.

В Абадзехии неприятель держался достаточно спокойно. Только из маленьких крепостей на Лабе и занятой четырьмя батальонами большей крепости на реке Шавготча небольшие русские отряды делали набеги на ближайшие равнины. В Абадзехии порядок был гораздо хуже, чем в наших мехкеме, и воинственный дух народа был значительно ниже чем у шапсугов. Магометанство наиба в этом отношении принесло очень плохие плоды. Большинство народа думало больше о мирных переговорах, чем о войне; урки и другие русские агенты обрабатывали народ в этом направлении.

Чтобы поднять боевой дух народа, мы с наибом решили дать абадзехам театральное представление канонады, что на шапсугов всегда производило хорошее моральное воздействие. С нашими двумя полевыми орудиями мы, конечно, не могли предпринять что-либо более серьезное. С большим трудом мы собрали 28 июня около 800 всадников и 2 400 человек пехоты и двинулись 29 в 7 часов утра на крепость у речки Шавготча. Так как крепость лишь на расстоянии [404] половины пушечного выстрела господствует над окружающими ее многими пригорками, то я мог приблизиться к ней, и, не причиняя себе вреда, бросить несколько гранат в деревянные, крытые соломой русские казармы. Велик был восторг абадзехов, когда постройки внутри крепости, зажженные нашими гранатами, вспыхнули ярким пламенем. Неприятель, который, несмотря на свое превосходство в артиллерии, не мог нас истребить, так как нам благоприятствовал рельеф местности, отправил из крепости три батальона, две сотни казаков, один эскадрон драгун и два полевых орудия и принудил нас отступить с занятой позиции; абадзехи оказали лишь очень слабое сопротивление.

Это небольшое сражение, стоившее нам только 3 убитых и 18 раненых, имело для нас моральную пользу, потому что у абадзехов снова немного возросло мужество и наиб мог немного легче вздохнуть.

8 июля Мохамед-Эмин получил известия из Дагестана. Шейх Шамиль писал ему, что всякий порядок в Дагестане нарушился, что введенное им устройство совершенно поколеблено и ему больше никто не хочет повиноваться. Однако он, как верный мусульманин, будет до последнего стоять на своем, хотя, в сущности, у него остается мало надежды, потому что на него надвигается русская орда, а народ не имеет никакого желания ей сопротивляться. Наиб был почти приведен в ужас этими известиями, из которых он, может быть, утаил от меня самое худшее. Я пытался утешить его, и заявил, что раз мы здесь так долго держимся и подаем хороший пример, то если даже народы Дагестана в настоящий момент и сдадутся, все же они используют каждое благоприятное обстоятельство для того, чтобы опять поднять оружие.

Чтобы предпринять диверсию против русского продвижения в Дагестане, я решил предупредить все народы Абазии о близкой опасности, созвать все ополчения, и не только северных абазов, но и южных до Ингура, Эльбруса и ущелья Дарьяла, для совместных действий во имя общей цели. В случае же если соберется большинство, что было маловероятно, то соединение полуторамиллионного народа, [405] который насчитывал

около 300 000 воинов, могло иметь совершенно иное значение, чем если бы каждое маленькое племя отдельно заботилось о своей шкуре.

Мохамед-Эмин с готовностью пошел на мое предложение. Если б мы не смогли его провести, то все же нашей обязанностью было попытаться сделать все для спасения нашего дела, и мы условились пригласить 20 августа депутатов всех абазов на военный совет на реке Лабе. После предварительного совещания с наиболее влиятельными абазами брат наиба отправился в Южную Абазию, один тамада Хаджи-Мустафа с двумя абазскими армянами направился к осетинам, а я взял на себя побуждение к совместным действиям небольшого христианского народа сванетов.

Комментарии

23 Джемал-Эддин был мальчиком взят в плен русскими и получил образование в европейском духе в С.-Петербурге; в результате он стал офицером в гвардии царя. В 1854 году он был обменен на взятых в плен шейхом Шамилем грузинских княгинь Чавчавадзе и Орбелиани и возвратился в Дагестан. Он умер там в 1859 году в возрасте около 20 лет, как утверждают жители, от медленного отравления.

24 В течение лета было организовано еще одно мехкеме, охватывавшее горы от Геленджика до Пшата. Вообще, у нас было только пять мехкеме, а именно: Суджук, 2 100 дворов, начальник Хаджи-Яхья; Псибебс, 3 300 дворов, начальник Фарис-бей; Шипс, 3 100 дворов, начальник Борок-эффенди; Абин, 1 600 дворов, начальник Хуссейн-эффенди; Пшат, 1 300 дворов, начальник Гафус-эффенди. В целом 11 400 дворов с населением около 200 000 душ и 28 768 хорошо вооруженных воинов. Только упомянутое последним мехкеме было гористым, остальные, находившиеся либо на плоскости, либо в очень невысоких горах, были расположены очень выгодно для вражеских операции.

25 Хотя я был весьма серьезно настроен, не могу забыть анекдот, который показывает характер абазов. У меня в руке был кусок хлеба, который я с аппетитом ел. Совсем оборванный, босоногий абаз все время бежал рядом с моей лошадью и неотступно смотрел на меня черными сверкающими глазами. Я думал, что он очень голоден, разломал мой хлеб и протянул ему кусок. «Хунэп, — сказал он, — гюнэ кессет, буо ори хупка» («Нет, я не хочу, но если ты так добр, то дай мне пороху»).

26 В польской артиллерии было двое убитых, один тяжело раненный и один легко раненный солдат.

Текст воспроизведен по изданию: Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик. Эль-Фа. 1995

© текст - Гарданов В. К. 1995

© сетевая версия - Thietmar. 2009

© OCR - A-U-L. www.a-u-l.narod.ru. 2009

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Эль-Фа. 1995

ТЕОФИЛ ЛАПИНСКИЙ

(ТЕФФИК-БЕЙ)

ГОРЦЫ КАВКАЗА И ИХ ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ РУССКИХ

ГЛАВА 19

Посещение Сванетии. — Вторжение русских в Абадзехию. — Вести от Шамиля. — Шамиль — пленник русских. — Абадзехи пытаются начать мирные переговоры. — Я уезжаю к шапсугам. — Сражение на Бакане. — Мое положение. — Наиб вступает в мирные переговоры с русскими. — Народный совет в Шапсугии. — Я уезжаю в Константинополь. — Никаких надежд на поддержку. — Возвращение польского отряда с Кавказа. — Наиб едет в С.-Петербург. — События 1860-го и 1861 годов в Абазии. — Современное положение. — Несколько замечаний о польском отряде на Кавказе.

22 июля 1859 года вступил я в страну до тех пор неизвестного мне небольшого христианского народа сванетов. За время моего лишь двухдневного пребывания там у меня не было возможности ознакомиться с различиями в нравах и обычаях между адыгами и сванетами. Впрочем, при беглом рассмотрении эти различия показались мне незначительными. Сакли, одежда и оружие были здесь такими же, как и у адыгов; гостеприимство то же самое; диалект похож на убыхский, но многие говорят на адыгском языке. Религия состоит из христианских обрядов, священников нет; на дорогах и в домах встречается много крестов, которые носят также как амулеты. Люди показались мне гораздо более бедными, значительно более грязными и дикими, чем адыги; впрочем, как уже сказал, я не имел времени изучить их обычаи, потому что был целиком занят тем, чтобы доказать сванетским старшинам необходимость совместных действий с их соплеменниками-адыгами. Так как за два дня до моего приезда сюда прибыли посланные нами гонцы, то я застал здесь уже значительную часть тамад собравшимися. Прием со стороны этих людей был лучше, чем предсказывал мне наиб, который никогда здесь не был, но имел укоренившееся недоверие, ко всему христианскому. Он рекомендовал мне принять все предосторожности, и со мной были, кроме 10 конных солдат и такого же числа шапсугских муртазиков, еще 50 всадников из Абадзехии для прикрытия.

Я предполагал прежде всего использовать те две недели, которые собирался провести у сванетов, для того, чтобы настроить их против русских, с которыми они жили в своего рода молчаливом перемирии. Так как они с самого начала не имели ничего против того, чтобы соединиться с нами, то я предложил, чтобы они прекратили всякие мирные отношения и тоже, как адыги, выступили против русских; но лучшим свидетельством их доброй воли было бы, если бы они вместе с нами предприняли набег на Грузию. С этой целью я привез с собою на лошади легкую двенадцатифунтовую мортиру, чтобы обстрелом какой-нибудь русской крепости еще больше ободрить сванетов. Мое предложение, [410] казалось, произвело на присутствующих очень хорошее впечатление, и я был почти уверен, что оно пройдет на народном совете, который должен был собраться через два дня, как вдруг меня вызвало назад в Абадзехию письмо от Мохамед-Эмина.

Наиб писал мне, что тотчас же после моего отъезда русский корпус из 50 000 человек (в действительности их было только 10 000) перешел через Кубань и занял позицию у крепости Шавготча, другой корпус такой же силы сконцентрировался на Лабе и, кажется, собирается действовать в равнинах Абадзехии; страна охвачена паническим страхом, и партия, которая с давних пор настаивает на переговорах с русскими, угрожает выдать

наиба, если он каким-либо образом не задержит русских. Он требовал, чтобы я как можно скорее вернулся. Мне также не оставалось делать ничего другого, особенно же потому, что мой абадзехский эскорт умолял меня не терять ни часу, так как их семьям угрожает набег неприятеля.

С другой стороны, сванеты, которые, несмотря на наше краткое знакомство, прониклись ко мне и моим польским спутникам большим доверием, особенно когда узнали, что мы иные христиане, чем московиты, просили меня оставить им хотя бы маленькую мортиру и двух или трех солдат. Они обещали дать им лучших лошадей, отборную еду и даже девушек-рабынь. У меня было много оснований не отказать в настойчивой просьбе сванетам. Поэтому я пригласил собравшихся старшин явиться 20 августа в возможно большем числе на огромное народное собрание всех абазов на реке Лабе и, после того, как они обещали мне это своим словом и ударом по рукам, выехал рано утром 20 июля в дорогу. Около сотни всадников сопровождали меня до следующего вечера.

Я встретился с наибом 1 августа на реке Пшат. Он был весьма опечален и, казалось, потерял всякую надежду на сопротивление абадзехов русским. Я посоветовал ему отступить в горы Пшиша вблизи Туапсе и предоставить тамадам равнин самим вести переговоры с русскими. Через несколько месяцев это во всяком случае приведет [411] к разрыву, потому что либо русские, либо абадзехи не сдержат своих обещаний. Он возразил, что народ принуждает его принять в этом участие, в противном случае его могут выдать неприятелю. Я был немало испуган, когда Мохамед-Эмин мне это сказал.

— Но, — возразил я, — в таком случае, они могут то же самое сделать и со мной.

— Нет, — сказал наиб, потому что ты шапсуг, а шапсуги будут за тебя мстить.

Я увидел теперь, как было хорошо, что я имел предусмотрительность со всеми обычными формальностями стать членом народа шапсугов, племени Иемис, фамилии Хантоху. Это дало мне защиту, которую я иначе не смог бы найти ни в своих нескольких орудиях, ни в кучке своих большей частью невооруженных солдат.

Между тем неприятель, разбив два лагеря на реках Шавготче и Лабе, удовлетворился тем, что принял угрожающий вид, не предпринимая, однако, набегов на абадзехские дворы. Это был очень умный расчет со стороны русских, показавший, что они хорошо знают характер абазов, так как если бы они начали опустошать страну, то побудили бы, на что я всегда надеялся, народ к кровавой мести и сопротивлению.

Брат наиба и Хаджи Мустафа возвратились из своих посольств; жители Южной Абазии с готовностью приняли наше предложение, осетины выказывали меньше готовности, однако и они обещали послать своих представителей. Я предполагал, что этот всеобщий народный совет наполнит абадзехов новыми надеждами и по крайней мере приведет к какому-нибудь серьезному решению, как неожиданное происшествие дало совершенно иной оборот всему делу.

Вечером 14 августа в моей квартире появился Мохамед-Эмин. Он попросил всех присутствовавших людей выйти и, когда мы остались одни, вытащил какое-то письмо и прочел его взволнованным голосом. Это было письмо от его главы и учителя — от Шамиля, но военнопленного!

Шейх Шамиль писал, что он, оставленный своим народом, был вынужден сдаться русским. Он предоставлял наибу [412] выбор последовать его примеру или нет, но хвалил

обращение русских с ним и его близкими. Письмо было написано под влиянием и под контролем русских и было скорее пространной мольбой, чем ясным объяснением обстоятельств. Я просил наиба держать это письмо в тайне, но к несчастью, некоторые его доверенные люди были уже извещены о катастрофе, так что в последующие дни новость о взятии в плен Шамиля распространилась как пожар.

Само собой разумеется, что при господствовавшей в Абадзехии деморализации эта фатальная новость ускорила мирные переговоры с неприятелем. На народный совет 20 августа большая часть абадзехов не послала своих депутатов. Представители шапсугов и убыхов заявили, что они ни в коем случае не желают вступать в мирные переговоры с русскими; из абадзехов к ним присоединились только жители Псекупса, составлявшие приблизительно 6 000 дворов. Южные абазы прислали своих депутатов. Из княжества Абазии было 38 всадников, из Сванетии — 62, из Осетии — только 9 человек. Недостаточное присутствие абадзехов препятствовало всем дальнейшим попыткам организовать сопротивление; наиб не явился на совет, он был или представлялся очень серьезно больным. Совет, таким образом, разошелся, не обсудив положение дел. Южные абазы возвратились назад, но обещали всегда, если это понадобится, явиться по первому требованию адыгского народа. 24 августа я с моими двумя орудиями оставил Абадзехию и возвратился в Шапсугию. Я видел ясно, что стою поперек дороги людям и что значительнейшие тамады, принимавшие меня раньше очень дружески, теперь явно меня избегали.

Я объехал равнины Шапсугии до реки Абин и нашел, что этот воинственный народ абсолютно не деморализован. 8 сентября я подъехал к неприятельскому лагерю на реке Бакан, где русские уже почти достроили крепость. 10-го собрали мы около 800 всадников и 2 000 человек пехоты и обстреляли неприятельский лагерь. Русские выдвинули против нас 8 батальонов пехоты, 10 сотен казаков и 24 орудия, и в перелесках Бакана завязался жаркий бой, [413] который продолжался до поздней ночи, после чего неприятель отступил в свой укрепленный лагерь. Я пробыл в нашем лагере до 15-го, и ежедневно у нас были стычки с русскими. Незначительное число людей и лошадей и недостаток боевых припасов заставили меня довести число упряжных орудий до двух шестифунтовиков и двух гаубиц. Впрочем, я решил тотчас же после прибытия оружия и обмундирования перенести мой склад в горы Шапсугии между Джубгой и Гуапсе и так держать 40 человек. Так как множество перебежчиков ожидало только оружия и одежды, то я мог тогда легко создать пехотную роту в 100 человек, взвод конницы в 30 человек и 2 упряжных орудия, и с этим небольшим отрядом мог бы передвигаться по своему желанию и постоянно тревожить русских.

Для наблюдения за неприятельским лагерем на Бакане я оставил лейтенанта Конарцевского с 4 орудиями, дав ему для прикрытия 300 всадников и 600 пехотинцев, и поехал 18 сентября в шапсугские горы с намерением заняться организацией этой части страны. Прибрежные горцы были воодушевлены лучшими чувствами и отнюдь не думали о том, чтобы открыть свою труднодоступную страну отрядам и интригам русских. В Джубге было основано мехкеме, охватившее 3 700 дворов. Горные шапсуги были возмущены малодушием абадзехов, отдавших без серьезного сопротивления свою страну под власть царя. Но старики говорили, что это следствие магометанской веры, которая расслабляет людей и превращает их в рабов. Можно вспомнить 28, что горы Шапсугии в наименьшей степени затронуты магометанством, напротив того, абадзехи, среди которых уже давно было сильно влияние наиба, в большинстве приняли Коран и часто становились орудием насильственного распространения новой веры. Этого шапсуги не могли им простить.

Я думал, что найду в Туапсе новости от посланных в Константинополь офицеров, но напрасно прождал несколько дней и, оставив в Туапсе двух унтер-офицеров, отправился в Убыхию, где надеялся укрепиться в случае подхода [414] русских. Эта маленькая, но почти недоступная страна также не думала ни о каких сношениях с русскими. Тамады убыхов, а также уорки, которые там очень многочисленны, очень просили меня устроить здесь квартиру моего отряда. Но, так как это в данный момент было беспечно и вдобавок убыхи были настолько бедны, что сами должны были покупать зерно у абадзехов и шапсугов, я отклонил это предложение. В Убыхии я особенно поработал над тем, чтобы наладить более тесную связь этой части страны с шапсугами.

5 октября я вернулся в Туапсе, где меня ожидало страшное известие. Я не получил писем из Константинополя, но лазские купцы, которых я очень хорошо знал и которым мог вполне доверять, рассказали мне, что предназначенные для меня ружья потеряны в Трапезунде и больше не придут. Дело обстояло таким образом. Несмотря на мои повторные предостережения, мои соотечественники в Константинополе передали 83 ружья некоему Хашиму, слуге Сефер-паши, по происхождению персу, возвращавшемуся из Константинополя в Абазию. Если было неправильно, несмотря на мои просьбы, доверять транспорт оружия чужому человеку, то почти непостижимо, как можно было предназначенное для поляков оружие передавать в руки слуги моего врага — Сефер-паши. Этот Хашим сложил ящики с ружьями в деревянном бараке Трапезундской гавани, а ночью начался пожар, от которого сгорели деревянные части ружей. О том, что случилось с дулами и замками, благородный Хашим ничего не знал. Но это еще не все: транспорт, заключавший в себе 80 пар сапог, 100 рубашек, 100 брюк и 50 шерстяных одеял, столь же легкомысленно был передан одному армянскому купцу и ренегату, который прежде состоял на службе у наиба. Ренегат по имени Мехмед привез эти вещи в Трапезунд, там выгрузил их, продал по грошовой цене и уехал с деньгами в Тифлис.

1859 году было определено положить конец моему предприятию. Редко в действительности случается так, чтобы сразу приходилось бороться со столькими препятствиями, как мне в этом году; казалось, что само провидение хотело помешать моей работе. [415]

Никогда столько материальных и моральных испытаний не посещали страну Адыге, как в этом году. Все лето летали тучи саранчи, опустошавшей посевы. В результате этого вскоре начался убийственный падеж скота, захвативший не только рогатый скот, но и овец, и коз, и, наконец, даже домашнюю птицу, так что в некоторых местностях почти не осталось животных. Вскоре после этого начала свирепствовать холера; смертность, особенно в долинах Кубани была очень высока. И мои солдаты, которые, несмотря на неописуемые лишения, до сих пор почти не были подвержены никаким болезням, теперь в большинстве своем были захвачены господствовавшей здесь лихорадкой, что было особенно плохо при отсутствии у нас врача и лекарств. Русские в этом году выдвинули против Абазии около 60 000 человек, третья часть страны находилась в серьезной опасности и была вовлечена в мирные переговоры. К этому нужно еще прибавить отступничество абадзехов и известие о взятии в плен Шамиля. Все это усугубляло тяжелое положение польского отряда, но все же не вынудило бы меня покинуть Абазию, если бы потеря так легкомысленно посланного снаряжения, и особенно оружия, не нанесла мне смертельный удар.

Мой отряд был низведен со 122 до 93 человек; 11 пали в сражениях с врагом, 18 умерли от ран и болезней, еще 23 были более или менее серьезно больны. Одежда и обувь были в ужаснейшем состоянии; о жалованье не могло быть и речи, и при незначительных услугах, которые мы могли оказать стране, так же как и при тяжелых испытаниях,

постигавших ее, было очень трудно получать необходимые продукты питания. У нас было всего лишь 340 орудийных снарядов и 14 ящиков с ружейными патронами. Если бы я получил ружья, то смог бы свести артиллерию до двух или даже до одного орудия и пороха могло бы хватить еще на некоторое время, но теперь это было невозможно.

10 ноября я созвал на реке Антхыр собрание старшин шапсугов, убыхов и части абадзехов, не хотевших входить в сношения с русскими. Мы обсуждали положение страны. В сущности, оно было еще не безнадежным. Натухай была единственная действительная потеря, но эта часть страны [416] в продолжение всей длительной войны адыгов с русскими никогда не могла быть серьезно защищена и всегда жила в известного рода перемирии с неприятелем. Отпадение наиба с 15 000 абадзехских дворов можно было рассматривать только как временное явление. Шапсуги и убыхи еще совсем не были затронуты: чтобы взять равнины первых, врагу потребовалось бы несколько лет. А затем еще горы! За три года неприятель выстроил пять крепостей и принудил натухайцев к перемирию: это вовсе не было большим шагом вперед. Деморализация, вызванная взятием в плен Шамиля и той незначительной помощью, которую мы против ожиданий адыгов могли им оказать, была гораздо сильнее, чем действительные неудачи или действительная опасность.

Я описал народному совету мое положение, рассказал, что мне все изменило и что, по всей вероятности, я не могу рассчитывать на серьезную поддержку. Я сказал, наконец, что вынужден оставить их страну, но напрягу все мои слабые силы для того, чтобы нанять им в Европе друзей и вызвать симпатию к их правому делу, и что милостивый бог, вероятно, позволит мне вернуться к ним с более сильной помощью, чем это было до сих пор. До этого я заклинал их не допустить никаких сношений с русскими, потому что обещания и красивые слова московитов опаснее для независимости, чем их полчища.

Мое решение покинуть страну вызвало всеобщий крик, я вынужден был услышать горячие упреки, за которые, конечно, не мог обидеться на бедный народ, возлагавший на нас так много надежд. Абазы ничего не хотели слышать о нашем отъезде, многие грозили прогнать ружейными выстрелами все турецкие сандалы, чтобы мы не могли отплыть. Четыре дня продолжался этот бурный совет. Чтобы немного успокоить абазов, я предложил им, что сначала уеду в Константинополь один; если найду хоть малейшую поддержку, то вернусь назад или тотчас же напишу письмо; если же не встречу помощи и в течение 40 дней не будет получено от меня письма, то польский отряд должен сесть на корабль и отправиться в Константинополь. Я вынужден был пустить в ход все способы убеждения и все обещания на [417] будущее, чтобы успокоить храбрых шапсугов. Прежде всего я напомнил им карар, который мы заключили в отношении беглых русских солдат, и они торжественно обещали мне остаться верными своим обязательствам 29.

После того как сделал необходимые распоряжения по моему отряду, я отправился 20 ноября в Абадзехию, чтобы еще раз повидаться с наибом. Но казалось, что он намеренно меня избегает, потому что переговоры с русскими были уже в полном разгаре. Он выслал ко мне только своего брата, с которым я 28 ноября имел беседу в Ципсисе. Оттуда я поехал в Туапсе, где собралось большое число тамад из Шапсугии. Среди тысяч горячих пожеланий обоюдного благоденствия и среди тысяч обещаний я распрощался с прекрасным народом, в рядах которого я, первый европеец, в течение почти трех лет переносил неопишуемые тяготы, но также провел и много приятнейших часов моей жизни.

Я выехал в сопровождении пяти моих солдат на баркасе, которым управляли три лазских матроса, 5 декабря в 3 часа пополудни. Ветер был благоприятный, и мы высадились

между 7 и 8 часами утра в Трапезунде. Самое неприятное было то, что здесь мы должны были еще выдержать десятидневный карантин. 18-го выехали мы на французском пароходе и приехали, перенеся один из страшнейших штормов, 21-го в Константинопольскую гавань.

Я скоро убедился, что ни с чьей стороны не могу рассчитывать на серьезную поддержку, и дал одному как раз в это время уезжавшему абазу письмо, чтобы ускорить возвращение моего отряда. Турецкие сановники, перед моим отъездом на Кавказ обещавшие мне такие прекрасные вещи, теперь прятались от меня; но Измаил-паша, главный виновник, был наконец наказан божьим судом 30. [418]

К концу января приехал весь мой отряд из Абазии. Турецкое правительство было так озабочено тем, чтобы не причинить Измаилу слишком большие расходы, что взяло на себя содержание солдат в течение месяца и разрешило выплатить из имущества Измаила каждому приблизительно восемь талеров.

Я встретил в Константинополе лейтенанта Штоха. Но лейтенант Арановский уехал в Абазию с несколькими письмами ко мне, в дороге, однако, заболел и прибыл в Туапсе уже тогда, когда последний польский солдат был готов покинуть страну. Так как у него было много друзей среди абазов, то он остался там еще на несколько месяцев и только в сентябре 1860 года возвратился в Константинополь.

Вскоре после моего отъезда Мохамед-Эмин с большим числом старшин из Абадзехии прибыл в русский лагерь у Шавготчи и был принят русскими с военными почестями. В сопровождении 24 старшин он сначала отправился в Тифлис, где объявил русскому генерал-губернатору о своем подчинении. По возвращении его в Абадзехию была создана [419] депутация во главе с наибом, которая отправилась в С.-Петербург и там принесла присягу на верность царю. Более счастливый, чем его шеф, наиб мог вступить в столицу России свободным и в сопровождении своего рода вооруженного штата придворных и был там принят как подчинившийся владетельный князь. Тех из моих читателей, которых интересует этот эпизод, я приглашаю взять в руки русские газеты того времени и их отголоски в Европе, где можно прочесть очень обстоятельные статьи о приеме, оказанном Мохамед-Эмину и его депутации, и о полном подчинении Черкесии. Хорошо зная страну и народ, я мог только улыбаться по поводу этих иллюзий, которые, быть может, разделял и сам царь.

В трактате, заключенном абадзехами и натухайцами с русским правительством, адыги выговорили себе условия, что, кроме ранее возведенных крепостей, русские не будут строить новых, что, кроме районов, занятых крепостями, русские ни в единственном, ни во множественном числе не будут показываться в стране и что от них не будут требовать ни рекрутов, ни податей.

Русские удовлетворились этим показным подчинением, но это было нужно русскому правительству отчасти для того, чтобы представить перед лицом Европы кавказский вопрос решенным, но еще больше для того, чтобы свободнее обратить войска, бывшие в Дагестане, Натухае и Абадзехии, против непокорных шапсугов, после покорения которых действительное овладение Абадзехией не представляло уже серьезных трудностей.

Весной 1860 года три неприятельских корпуса, каждый силою до 15 000 человек, двинулись на равнины Шапсугии. Первый из этих корпусов выступил из Адагума на реку Абин, второй перешел Кубань близ устья реки Иль и продвинулся вдоль по этой реке на двухчасовое расстояние, третий переправился за Кубань выше впадения реки Шепш и

продвинулся приблизительно на один час вперед. На Абине, Иле и Шепше русские разбили укрепленные лагеря, и в то время как одна часть войск была занята возведением крепостей, другая часть пыталась проложить по равнине дороги, связывающие между собой три лагеря. [420]

Война, перенесенная на шапсугские равнины, вызвала яростное сопротивление жителей. Воины из Антхыра и на этот раз, как и в незапамятные времена, были впереди всех. Алиби Хантоху, поддержанный такими храбрейшими воинами Шапсугии, как Гактос, Хаджи Брам, Ибрагим Нетхо, Арслан-Бек, Гако, Шеретли и другие, все лето непрерывно беспокоил неприятеля и сделал невозможным сообщение между тремя русскими лагерями. Хаджи-Измаил-паша, после смерти князя Сефера снова заботясь о положении страны, делал со своей стороны все возможное для того, чтобы ободрить абазов к борьбе 31, и даже Карабатыр, который из-за своих прежних проделок в отношении русских не рисковал к ним перейти и после смерти своего отца, хотел завоевать у народа лучшую славу для себя, пользовался каждым случаем, чтобы вредить русским и энергично помогал Хаджи-Измаил-паше. Один из влиятельнейших тамад шапсугов Ту-эффенди, который пользовался на побережье большим уважением 32, всегда держал наготове около 2 000 воинов с гор для поддержки охваченных войной равнин. Из Убыхии время от времени тоже отправлялись военные отряды на помощь шапсугам. При нашем отъезде мы, естественно, оставили наши орудия и остатки боевых припасов шапсугам, которые не знали, что с ними делать. Лейтенант Арановский отобрал нескольких русских перебежчиков для службы при орудиях и принимал участие с одним шестифунтовиком во всех походах абазов против русских в 1860 году, расстреляв, таким образом, остатки оставленных нами боевых припасов. [421]

Русские к концу октября покинули свои позиции на реках Иль и Шепш и возвратились назад за Кубань, не докончив постройку своих крепостей и не заняв их войсками. Они лишь снова восстановили крепость на реке Абин, которую уже занимали в 1854 году. Все это вторжение неприятеля сопровождалось очень значительными потерями для жителей шапсугских равнин, около 300 дворов было сожжено, а многие абазы потеряли все скошенное ими сено в кубанских степях, а также значительную часть урожая хлеба. Зимой 1860/61 года неприятель делал различные набеги из Адагума и Абина на Шипс, Шапсугур, Богондур и Верхний Абин, но всегда бывал отброшен назад с потерями. Операции неприятеля против этих гористых и богатых лесом областей, которые были ему почти совсем неизвестны, оказались уже несравненно более трудными, чем действия в Натухае или на равнинах Шапсугии и Абадзехии. Но что было наиболее чувствительным для адыгов, особенно для прибрежных — это строгая блокада портов. Кроме разрешенных по Парижскому трактату 10 военных пароходов, русские имели еще находившуюся в непрерывном рейсе легкую парусную флотилию, которая охотилась за идущими из Анатолии сандалами.

Весной 1861 года два русских корпуса в количестве около 12 000 человек оккупировали прошлогодние позиции на реках Иль и Шепш. Большой же корпус, до 30 000 человек, разбил лагерь между крепостями Адагумом и Абином и начал оттуда действия двумя колоннами по направлению к Геленджику, где высадилось несколько тысяч человек. Одна колонна двинулась через Шапсугур и Малый Абин на дорогу в Добу, вторая вторглась по лесной тропе, налево от дороги, в Адерби и оттуда — на Геленджик. «Инвалид» опубликовал в 1861 году блестящий рапорт об этой операции и восторгался особенно тем, что русские войска расположились лагерем в бывшей главной квартире «флибустьеров» (так остроумно называет нас московитская газета). Впрочем, этот совершенно бесполезный поход так много стоил русским, что они больше не пользовались этой дорогой, но отступили назад, в свой лагерь через Суджук и Натухай. При [422] защите

Адерби Хаджи-Измаил-паша развил большую энергию. В продолжение всего лета 1861 года неприятель неоднократно пытался устроить коммуникационные дороги между лагерями в Шапсугии, но встретил такое решительное сопротивление, что должен был оставить свое намерение.

В продолжение этих двух лет ни натухайцы, ни абадзехи не принимали участия в войне, так что храбрым шапсугам приходилось сражаться одним. Но осенью народ в Абадзехии начал все более волноваться. Наиб совершил паломничество в Мекку и по возвращении оттуда больше не показывался среди русских. Единичные стычки случались на реках Шавготче и Лабе между русскими и некоторыми отрядами абадзехов. Зимой, однако, война вспыхнула с новой силой, теперь уже все племена Адыге, за исключением жителей Натухая, приняли участие в сражениях.

С 1856 года, т.е. в течение 6 лет, русская армия и государственные политики были в состоянии привести только пятнадцатую часть независимых абазов к видимому подчинению или, лучше сказать, к кратковременному перемирию. К тому же Натухай — область, которая была лучше всего известна русским и благодаря своей открытой поверхности и своему географическому положению могла быть защищена только с большим трудом. И в продолжение этих шести лет царское правительство не жалело ни денег, ни людей. Это заставляет думать о еще достаточно долгом сопротивлении адыгского народа, хотя не подлежит сомнению, что по истечении еще нескольких лет жители шапсугских равнин будут истреблены и загнаны в горы. Тогда уже начнется решительная борьба, и хотя система крепостей приносит очень запоздалые плоды, но рано или поздно страна Адыге попадет в руки русских.

Хотя, как я уже указывал в начале этой работы, абазы никогда не смешаются с московитами, как дагестанские потомки татар и лезгинские потомки иудеев, участь которых уже решена, но если одна часть их погибнет в бою и в ссылке, то другая часть будет стараться спастись от русского рабства эмиграцией в Турцию и попадет из огня в полымя.

Русские начнут тогда заселять столь важное для них [423] побережье колонистами из Великороссии и казаками, а окончательное разоружение Грузии, Имеретии и других народностей Кавказа потребует еще некоторой борьбы, но может быть проведено уже без особых трудностей.

Всегда столь губительная для абазов моральная интервенция турок может только облегчить горцам переселение в Турцию. Еще в Абазии я заметил усилия со стороны Турции в том направлении, чтобы абазы колонизировали Румелию и Анатолию; тотчас же после моего прибытия в Константинополь я, к моему ужасу, увидел, что организована форменная пропаганда для того, чтобы побудить абазов, так же как и крымских и казанских татар, к переселению в Турцию. Иммиграция татар имела еще некоторый смысл, хотя для этого потребовались бы иные средства и иная администрация, чем турецкие. Но чтобы уговаривать абазов к бегству из их гор и чтобы сдачей этого пункта, не стоящего Порте ни гроша, очистить важнейшую позицию между Россией и Малой Азией — для этого действительно нужно было, чтобы господа наши совершенно потеряли голову.

Я приложил в Константинополе все усилия к тому, чтобы разъяснить туркам этот безграничный *faux pas* их политики, но добряки полагали, что смешением болгарского населения вдоль по Дунаю и по обеим сторонам Балкан с татарскими и абазскими, или, как они называют, черкесскими, переселенцами, им удастся создать преграду между

Константинополем и Европой и подавить местное христианское население этой магометанской иммиграцией. Они не догадываются, что благодаря этой глупой политике они материально и морально работают как на Кавказе, так и в Европе в пользу России и поэтому сами не достигают ни малейших успехов. Турецкая администрация так ничтожна, что благодаря татарской колонизации обогащаются лишь несколько сановников, имеющих на это полномочия, а тысячи несчастных татарских семейств подвергаются ужаснейшим бедствиям. Почти половина татарских переселенцев, состоящих из многих сотен тысяч людей, умерла от голода и нищеты, другие без всякого порядка были брошены в дома болгар [424] и сделались бичом для христианских крестьян, и без того очень тяжело угнетенных. Большая часть переселенцев ушла назад в Россию, хотя со стороны русского правительства было поставлено условие, что каждый возвращающийся принимает христианскую религию.

Около 6 000 семейств из Большой и Малой Кабарды постигла та же участь, что и татар.

Из независимой Абазии переселилось только несколько фанатичных мусульман, а другие имели время узнать о плачевной участи татар, которые искали защиты и гостеприимства падишаха. Это, к счастью, повернуло вспять поток переселения, ибо без примера татар, русские, благодаря остроумию Оттоманской Порты, уже сегодня были бы господами Абазии, в то время как большая часть населения переселилась бы в Турцию. Я думаю, что русские не отказались бы предоставить в распоряжение подобной эмиграции свои собственные корабли.

На этом я кончаю рассказ о нашей экспедиции на Кавказ.

В продолжение трех лет, считая начальную экипировку, вся поддержка, которую мы получили деньгами и частью припасами, достигла едва 5 000 талеров. И вдобавок все это было дано не одновременно, а совершенно нецелесообразно разделено на части. Измаил, который обещал мне все, выдал едва лишь 2 000 талеров, больше чем вдвое дороже стоили припасы, присланные нам князем Чарторыйским и генералом Замоиским. К тому же, как указано выше, значительнейшая и важнейшая часть их была потеряна благодаря небрежности корреспондентов.

С этими средствами, с несколькими орудиями, которые мы сами должны были ставить на лафеты, с небольшим количеством железа и пороха мы держались почти в продолжение трех лет, испытали все, что в состоянии испытать несколько человек, открыли пути европейцам в эту до тех пор замкнутую страну; немного ознакомили абазов с известным административным порядком, намного улучшили и обеспечили участь многочисленных перебежчиков из русской армии, и, наконец, после всех потерь, возвратились на 16 человек сильнее, чем при выезде. [425]

Если в отряде время от времени происходили беспорядки, то при тяжелом положении, в котором мы находились, в этом не было ничего из ряда вон выходящего, и я твердо убежден, что всякий другой отряд на нашем месте должен был бы погибнуть. Если среди нас и нашлось несколько единичных слабых личностей, то большинство было воодушевлено той энергией и тем духом самопожертвования, какой требовало тяжелое задание, которое мы сами себе поставили. Почти все без исключения солдаты и офицеры были готовы немедленно возвратиться назад, если бы мы только хотя бы наполовину нашли средства для новой экспедиции. [429]

ГЛАВА 20

Рост московитского могущества на Востоке. — Успехи в Туркестане и Китае. — Расовое единство московитов, туркменов, монголов и китайцев. — Нынешний либерализм московитов. — Необходимость для Европы вовремя подготовиться против неизбежного вторжения с Востока.

Да будет мне разрешено сделать под конец несколько невольно напрашивающихся замечаний об опасности со стороны все более растущего могущества России. Так как я описал только положение на Кавказе, и особенно среди абазской нации, это отступление может показаться слишком разросшимся, но, в сущности, оно находится с предыдущим во внутренней связи. Кавказ является единственной границей между Европой и Азией. Горы, в которых теперь обитает абазский народ, задерживали величайших завоевателей мира. Никто до сих пор не занял Кавказа целиком и не превратил его в опорный пункт своих сил.

Стены и ворота сделались теперь развалинами и памятниками прошлого; роль диких, нецивилизованных, несогласных между собой и тем не менее столь страшных варваров взяли на себя, в сущности, настолько же дикие, хотя внешне слегка цивилизованные московиты. Двуглавый орел направил свой полет далеко за Дербент и Дарьял. Герой Дагестана взят в плен и присоединил свой голос к хвалебной песне в честь царя; его мюриды позволяют записывать себя в казачье сословие; Грузия с ужасом ожидает указа, который отнимет у нее оружие и последний остаток ее национальной независимости. Только еще горсточка адыгов сопротивляется гигантскому колоссу. Она будет еще пять, самое большее, десять лет сопротивляться, но затем должна будет сдаться; насколько быстро это произойдет, зависит теперь уже от искусства русских полководцев на Кавказе.

Через десять лет или раньше Россия будет действительным владыкой Кавказа, хозяином единственной границы между Европой и Азией, господином, созданного самой природой неприступного лагеря размером в 8 000 квадратных миль. Важность завоеваний этой горной долины сама Россия понимает лучше всех, и поэтому для того, чтобы овладеть этой позицией, она в течение столетия пожертвовала миллионы солдат и миллиарды рублей; по всей вероятности, эти долгие усилия скоро увенчаются полным успехом.

Очень часто, особенно во Франции, сравнивают покорение Кавказа с завоеванием Алжира. Это слишком смешная [430] параллель для того, чтобы против нее можно было серьезно возражать. Кавказ для России то же, что Пиринеи для Франции, Тироль и Швейцария для Германии, и даже больше, потому что занятие Кавказа делает Россию единственным властелином Каспийского моря и является главным ключом к покорению Малой Азии. Европейская Россия, чья обороноспособность заключается только в скудно населенных равнинах и в ее армии, найдет в горах Кавказа между двумя неприступными морскими побережьями свой естественный базис, свой конечный опорный пункт. Петр Великий, едва только затронувший Кавказ и имевший там в качестве противников такие в то время еще могущественные державы, как Турция и Персия, а также еще не обладавший близлежащим Крымом, одно время совершенно думал о том, чтобы основать столицу России на Куме. Кто знает, не придет ли один из его потомков к этой же мысли после завоевания Кавказа!

На востоке Каспийского моря и дальше на востоке Азии у России нет больше преград. Степи пройдены столетними тягостями и жертвами, этапы установлены, военные линии, насколько это необходимо, усилены людьми — жатва начинается 33. Теперь больше нет исхоженных номадами степей, которые в течение нескольких лет не были бы заняты войсками царя. Но есть цветущее, густо населенное государство, в котором воинственные жители, приученные к азиатскому рабству, почти без сопротивления принимают русское

господство. Китай в этот момент может быть уже оккупирован; Бухара, Коканд, Самарканд и другие небольшие ханства падают из-за простого продвижения русских вдоль широкой судоходной реки Аму 34, по которой русских может сопровождать паровая флотилия Арабского моря и по [431] которой они могут быть снабжены всем необходимым. Не будет ничего удивительного, если названные лежащие на правом берегу Аму ханства с их населением от шести до восьми миллионов душ еще в ближайшие два-три года попадут под власть русских. Нельзя и думать о сопротивлении этих невоинственных народов в их больших городах и безлесных развалинах. Несколько десятков сотен казаков с несколькими орудиями могут с ними быстро расправиться.

От Аму до Инда расстояние не дальше, чем от Дуная до Босфора, и на этом пути Англия не найдет ни турецких крепостей, ни Балкан, ни многочисленной турецкой армии, ни Австрии на фланге и ни Франции в резерве, чтобы задержать проникновение русских.

Продвижение русских дальше на Восток еще опаснее. Китайская стена, прежняя защита Небесной империи от татарских орд, не сможет задержать казаков, она служит посмешищем для русского лейтенанта и давно перейдена русскими. Орды киргизов, калмыков, тунгусов и других кочевых народов на границах Китая в большинстве своем превращены в оседлых, крещены, русифицированы и зачислены в армию. Теперь они образуют собой авангард для завоевания Китая.

Со времени заключения последнего мира в Париже Россия завоевала на востоке вдвое больше земли, чем сложенные вместе площади Германии и Франции. Страшная опасность угрожает миру с этой стороны. На Амуре работает целая армия поденщиков, солдат и каторжан над устройством гавани и крепости, которая должна стать новым, но совершенно неприступным Севастополем Японского моря. Русский флот на Черном море уничтожен, развитие флота на Балтийском море задержано, и вся энергия русского морского министерства теперь обращена на создание мощного флота на Японском море, где Россия не может опасаться соперничества; по газетным сообщениям, сделаны заказы на постройку пароходов и броненосцев в Англии и Америке. Итак, в то время как Россия тихо и незаметно создает новые морские силы, которые не будут, как раньше, [432] замерзать во льду Северного моря и Невы или заперты в Черном море и не могут быть больше стеснены в свободном движении и в своем развитии, русская граница все время продвигается дальше; с острова Сахалина русские смотрят на Японию; по правому берегу Амура Маньчжурия и большой, хорошо населенный полуостров Корея оккупированы, и вот уже русские стоят на расстоянии только 80 миль от Пекина! И европейские газеты говорят об этом с такой невинностью и с таким огромным равнодушием, как будто речь идет о смене министерства в Гессен-Касселе.

В газете «Patric» от 10 мая 1862 года я прочел длинную статью, проводящую параллель между азиатскими завоеваниями России и Англии и строящую также иллюзии о будущей роли Франции в Азии. Я не могу понять, как можно проводить подобные параллели. Все, что Англия завоевала в Азии — это колонии и только колонии. Несколько несчастливых морских сражений, и обладание этими колониями поставлено под сомнение. Алжир, хотя он и лежит перед воротами Франции, — в случае войны с Англией может быть удержан только с величайшими жертвами. Французы инстинктивно это чувствуют и поэтому считают колонизацию опасной до тех пор, пока Гибралтар, Мальта и Корфу находятся в руках бриттов.

Напротив, оккупированные русскими страны в Восточной Азии с момента их захвата как бы приросли к России. Никакая заслуживающая внимания держава не может затруднить

ей обладание ими: оккупированная страна не является уже больше колонией — она называется и вскоре делается русской.

Наибольшее значение здесь имеет единство расы между туранскими племенами Восточной Азии и их новыми господами — москвитями. Индокитаец никогда не станет англичанином, араб — французом, даже если он перенимает язык и религию победителя, что, впрочем, и не часто случается. Даже самое смешение рас здесь происходит реже, чем, к примеру, между белыми и неграми, напротив того, тунгус, киргиз, калмык, монгол, татарин, маньчжур, японец [433] и китаец в несколько десятков лет станет москвитом и примет русский язык и восточную религию. Русское государство насчитывает сейчас 75 миллионов человек. Из них около 20 миллионов — говорящих только на своем собственном языке, т.е. поляки, малороссы, финны, небольшая часть татар и большинство кавказцев; 45 миллионов говорят на официальном великорусском языке без диалектов, около 10 миллионов говорят на двух языках, т.е., кроме великорусского, еще на своих туранско-финских языках, но все больше и больше их забывают и становятся целиком русскими. Среди них остается еще около трех миллионов магометан и язычников, остальные уже крещены.

В Европе это добродушно называют «нести цивилизацию на Восток», но там это означает ужасную деморализацию. Сколько умерло под бичами, сколько погибло на рудниках Урала, прежде чем они приняли крещение. Дети и родители были разлучены, первые воспитывались в казачьих станицах, вторые до конца своих дней использовались на принудительных работах. Кому пришло бы в голову во Франции или Англии делать таким образом из арабов или индусов соотечественников и христиан-католиков или протестантов?

Однако этот зверский способ денационализации и обращения в новую веру не всегда бывает нужен. Обычно русификация легко проходит при помощи коррупции и благодаря самому положению вещей на месте. Во Франции житель колонии на родине рассматривается почти как иностранец, даже если он сам там родился. В России, не имеющей колоний, житель оккупированной страны немедленно считается русским и становится по своему положению и религии полноправным русским. Хан киргизов, башкир или калмыков, уздень черкесов, мандарин маньчжуров получает соответственно своему рангу и пользе, которую из его положения может извлечь правительство, титул князя, графа или дворянина. Большинство нынешних русских аристократов подобного происхождения. Хан, ага, уздень, мандарин и т.д., ставший благодаря указу русским боярином, усердно работает над тем, чтобы сделать и простой народ русским. [434]

Эта система, не давшая результатов в Польше, Малороссии и в некоторых областях Кавказа, особенно там, где под властью России находятся индоевропейские народы, приносит хорошие плоды на Востоке, и это еще больше подтверждает единство москвитов с туранской расой. Легко сделать из монгола русского дворянина, но было бы невозможно шейха бедуинов или князя индусов превратить при помощи простого декрета в маркиза или лорда.

Пустынные степи уже пройдены, в настоящее время русские занимают хорошо населенные и богатые страны. Занятие полуострова Кореи и лежащих между ним и Амуром маньчжурских стран даст царю свыше 20 миллионов новых подданных и явится важнейшим этапом в завоевании Японии и Китая. Кто может с достаточными основаниями опровергнуть необходимость того, что прежде чем пройдет срок человеческой жизни, Россия должна стать властелином китайского царства? Какая держава имеет средства задержать там наступление русских? До тех пор пока Европа,

может быть, примет еще серьезные предосторожности, Россия сделает из этих миллионов рабов, которые уже сейчас почти находятся в ее руках, страшную армию. Можно не рассчитывать на то, что китаец трус. Он изнежен, ленив и плохой солдат, пока организован по своему обычаю. Но завербованный в русские полки, включившие уже столько азиатских народов, он при своем рабском, пассивном послушании, в котором этот народ возрос в течение тысячелетий и приобрел свою вторую натуру, делается идеалом русского солдата.

Не пройдет, может быть, и 50 лет, как русский генерал-губернатор начнет посылать царю свои рапорты из Пекина.

Для китайца, японца и маньчжура европейская цивилизация, католическая или протестантская вера никогда в широком масштабе не будут приемлемы, это противно всему их духу, всей их натуре, но московитский деспотизм, пустой, бездушный блеск восточной церкви, разделение на 14 классов, общность государственного устройства и множество других вещей, которые связываются с московитом, очень легко сделаются ему понятными. Поэтому введение русского [435] порядка для этих восточных людей является единственной формой прогресса, которую они могут понять и принять 35.

Бытует воззрение, базирующееся, впрочем, на историческом опыте, что слишком распространившиеся государства не могут долго существовать и что, следовательно, Россия, которая уже сегодня занимает седьмую часть земного шара, сама, благодаря своей обширности, не будет долго прочна. Ничто не вечно на свете, но Рим, историю которого всегда цитируют, существовал много сотен лет и покорил мир, пока не пал сам. Тогда и даже 50 лет тому назад, широко раскинувшиеся государства были слабее, чем теперь, но два великих открытия этого столетия — пар и электричество представляют необычайное облегчение в управлении каждому правительству, особенно же централизованному и деспотичному. Армия из С.-Петербурга, если будут проложены железные дороги, прибудет в Пекин скорее, чем несколько [436] лет назад в Москву; полки царя легче и быстрее попадут из столицы к отдаленным границам государства, чем некогда легионы Цезаря из Рима в Анкону. Приказ царя в ту же минуту станет известен его полководцам во всех концах государства, где бы они ни находились. Трудность управлять страной из-за ее огромного протяжения уничтожили пароходы, железные дороги и телеграф. Либералы в Европе потирают себе руки и думают, что именно эти открытия опрокинут деспотизм во всем мире. Этого можно вполне ожидать, но до этого должны пройти столетия. Искусство книгопечатания, это божественное изобретение, до сих пор оказало мало влияния на моральное развитие московитского народа, но зато в искусстве применять порох Россия не отстала ни на шаг от остальной Европы. Утешаются еще плохим состоянием русских финансов, но правительство, имеющее в изобилии людей и землю, никогда не почувствует [437] недостаток в деньгах и всевозможных военных припасах. До сих пор России не хватало людей, теперь перенасыщенный Китай предоставит ей сотни миллионов.

Как бы ни казалось слишком смелой наша точка зрения, мы повторяем ее с глубоким убеждением, и это убеждение разделяют в русской армии все — от поручика до фельдмаршала: не пройдет и срока человеческого возраста, как Китай станет русским, потому что никакая сила не сумеет задержать там продвижения русских. Вслед за более или менее полным завершением этого завоевания, которое беспечная Европа рассматривает с роковым равнодушием и даже поощряет, царь сорвет бесполезную затем маску и заговорит как господин Европы.

Потребовалось вмешательство двух великих держав и кровопролитная и дорогостоящая война, чтобы остановить наступление русских на Константинополь. К этому времени у России было 74 миллиона жителей, среди которых [438] 20 миллионов были готовы к восстанию против царя. Какая же огромная сила потребуется и хватит ли всей Европы для сопротивления, если царь, как повелитель нескольких сотен миллионов раболепных подданных, с несколькими миллионами хорошо обученных, автоматичных и жадных к добыче солдат нападет на беззаботные и несогласные между собой индогерманские расы?

Предчувствие нового нашествия монголов живет, так сказать, в груди каждого мыслящего европейца. Полководцы, чиновники, ученые, писатели, публицисты и поэты говорили и писали об этой возможности, но никто не поставил точку над «i», т.е. не объяснил, при каких условиях эта возможность станет реальной.

Правда, Россия с ее нынешними силами еще не может быть столь опасной для самостоятельности Европы, хотя она уже достаточно причинила ей неприятностей, но как только Россия выполнит свою миссию в Азии, она с удесятеренной силой обрушится на Европу.

С какой хитростью и лицемерием москвит при каждой возможности берет слово, чтобы поплакаться на то, что его хотят изгнать в Азию. Он делает это так, как будто для него это равнозначно ссылке на Камчатку. Потому что это нужно ему для того, чтобы не пробудить Европу из ее летаргии, чтобы любой ценой удержать то, что он добыл насилием и хитростью и не потерять свои позиции на Западе; а между тем он марширует неумолимо, как судьба, гигантскими шагами на Восток. Границы Азии пройдены, завоевание началось, и никакими силами его больше не остановишь.

Туранская раса вечно была бичом всего мира. Она принимала различные имена, различные языки, различные религии, но в сущности она оставалась всегда такой же. Под именем скифов она была ужасом древнего мира; в обличий языческих аваров и гуннов она впервые дала себя знать христианской Европе; потом она изменила имя и религию и снова напала на Европу как монголо-татары и магометане; одна из ветвей этой расы пришла с юга и под именем османов взяла Константинополь и проникла вплоть до Вены.

Новый, молодой побег вырос из старого дерева. [439] Финно-татарский москвит принял русский язык и религию и самое имя «русс». Он развивает язык и религию не как индогерманцы, для морального развития, но для военной дрессировки масс, необходимой для будущих завоеваний. Само имя служит ему для того, чтобы обманывать 15 миллионов малороссов, которых он считает своими родичами. Он становится еще страшнее от того, что, будучи чуждым духу европейской цивилизации, жадно изучает всякий государственный и военный механизм, чтобы использовать его для военной организации своих грубых масс.

В России есть только одна цель, ради которой работает всякий высоко или низко стоящий. Это армия. Царь, чиновник, священник, боярин, мещанин и крестьянин, даже ученый и поэт 36 работают только на армию.

За последнее время так много пишут об успехах России, об отмене крепостного права, о большом недовольстве внутри страны, о страшной готовящейся революции, что многие публицисты в Европе уже предвидят разрушение России как нечто неизбежное. Хитрые москвиты должны втайне от души смеяться над тем, что им так легко удалось ввести в заблуждение общественное мнение Европы.

Кто знает Россию, тот даст надлежащую оценку всем этим красивым вещам. Вопрос о крепостном праве в России целиком находится в руках правительства и, без сомнения, будет решен скорее в пользу царя, чем народа. Вот успехи, сделанные Россией со времени заключения Парижского мира: она продвинула свои границы на 80 миль до Пекина; начала завоевание Туркестана; сильно ускорила подчинение Кавказа; заложила основы для крепости первого класса и флота на Японском море; особенно же усовершенствовала управление и вооружение своей армии. Это на самом деле огромные успехи, которыми может гордиться правительство нынешнего царя, потому что Россия за шесть лет приобрела больше, чем за тридцатилетнее царствование Николая I.

О других успехах, которых ждут в Европе и о которых [440] говорят и пишут, мы ничего не знаем. Отмена крепостного права должна сначала принести плоды и прежде всего должна сначала стать действительностью, чтобы можно было вынести о ней серьезный приговор. Свобода, возникшая как подарок царя, всегда обоюдоостра, и история дает нам право рассматривать такие подарки с недоверием. Царь Николай запретил указом продажу отдельных крестьянских семей. Все либеральные газеты восторгались успехами России, но русские крестьяне страдали еще больше, чем раньше, и почему? По указу царя продажа была, конечно, запрещена, так же как и пожизненная отдача внаем, но не отдача внаем на определенное количество лет. Теперь бояре стали отдавать внаем своих крестьян на 99 лет! Раньше семья не могла по крайней мере быть разрознена, но должна была быть продана вместе. Теперь их стали отдавать внаем поодиночке: одного брата в Архангельск, другого — в Одессу, мать — в Москву, отца — в Астрахань или Иркутск. Это было разрешено и это было единственным благодеянием царского подарка.

Не может ли хваленая отмена крестьянского права привести к подобному же результату. Строят очень большие иллюзии по поводу внутренних беспорядков, по поводу поджогов в С.-Петербурге, Москве и других городах и хотят уже в этом увидеть предвестие революции. В России еще много городов могут сгореть, еще много кровавых крестьянских бунтов может разразиться, но никогда там не возникнет революции в европейском смысле этого слова. Восстание Пугачева было гораздо страшнее, чем нынешние манифестации, и было подавлено правительством с такими незначительными усилиями, что на Запад едва дошли вести об этом.

В Европе, особенно во Франции, где очень охотно судят все народы по себе, думают, что новый дух времени сделал гигантские успехи и в России. Было бы очень желательно, чтобы публицисты Запада лучше ознакомились с внутренними условиями России и не полагались бы на известия, распространяемые очень усердно с некоторого времени русскими правительственными органами и либеральными туристами, которые во многих вопросах с удивительным единодушием идут рука об руку. [441]

Нет страны в Европе, за исключением Турции, на внутреннее устройство которой не оказали бы более или менее благоприятное влияние последствия Великой Французской революции. Но что же мы видим в России со времени столь либерального царя, как Александр I? Никто не может этого отрицать, и москвиты сами это удостоверяют, что с этого времени, как никогда, деспотизм сделал здесь огромные успехи и создал крепкую организацию.

Нынешнее недовольство России вызвано не образом правления, но покачнувшемся политическим положением России в Европе, потерей флота на Черном море, сдачей армии. Если бы русское войско отбросило союзников в море у Севастополя, оторвало кусок от Турции или даже взяло Константинополь, то никому бы в России не пришлось в голову говорить о реформах. Можно бы задать вопрос первому, лучшему из бесчисленных

либералов, разъезжающих сейчас по Европе: «Что вы хотите? Свободную конституцию и спокойное внутреннее духовное и материальное развитие? Хорошо, но бросьте ваши завоевательские инстинкты, ведь у вас достаточно земли; позвольте народам Кавказа дышать их свободным воздухом; отдайте то, что вы приобрели силой и тайными интригами и только благодаря этому держите крепко, отдайте назад Польшу и Финляндию!» — и не найдется ни одного, который честно пойдет на это; большинство вскричит, а кто этого не скажет, тот подумает: «Лучше уж мы будем переносить жесточайшее рабство, если это нужно, чтобы выполнить нашу священную миссию». Священная миссия московитов — это, прежде всего, принести цивилизацию на Восток, т.е. захватить Китай и Туркестан и пробудить славян к национальной жизни, т.е. присоединить их к России, а затем владычество над миром.

Россия сейчас слишком слаба для того, чтобы выступать открыто. Царь Николай, бывший слишком нетерпеливым, тяжело скомпрометировал политику России; наследник поэтому будет достаточно осторожен, чтобы не принимать в Европе тон хозяина, и будет дожидаться своего времени. Нет ничего более опасного для России в настоящую минуту, [442] чем изолированно вступить в войну с какой-нибудь одной европейской державой. Поэтому она будет делать все возможные мнимые уступки общественному мнению, пока не наступит ее время. Она жадно смотрит на вооружение и соперничество Франции и Англии и всеми способами раздувает их тайные раздоры, она втихомолку работает над развитием Австрии, хорошо зная, что разногласия встречающихся на этой почве мадьяр, румын и славян могут быть легко использованы к ее выгоде, и они вернее попадут в ее руки; ее влияние в Пруссии безгранично, ее рука замешана во всех неприятностях, день ото дня возникающих в Оттоманской Порте; она торжествует по поводу гражданской войны в Соединенных Штатах, чье внимание становится теперь слабее на Японском море; она льстит европейским либералам и старается их привести к тому, чтобы они взяли себе в пример Вольтера; она признает Италию, и все это рассматривается теперь как знак ее либерализма 37. Это верная картина современного положения России, потому что будет глубоким заблуждением описывать его так же неверно, как это делают сами московиты, которые здесь действуют, по-видимому, по определенной системе. Рисуя взаимоотношения в России столь нежными красками, они оказали тем самым себе очень значительную услугу, потому что усыпляли бдительность Европы. Я не хочу говорить здесь об агитации в Польше, которая сохраняет свое собственное значение и ничего не имеет общего с московитской.

Этот беглый взгляд на опасность распространения московитской мощи в Восточной Азии я считал необходимым сделать для того, чтобы представить в настоящем свете значение, которое имеет для Европы спасение Кавказа от окончательного завоевания Россией. После покорения [443] Кавказа и туркестанских ханств сердце России не будет больше находиться в Москве, но между Волгой и Уралом, на Каспийском море. Оттеснение русских с Кавказа, в настоящее время еще сравнительно легко достижимое, после уничтожения адыгов и разоружения Грузии станет невозможным. Адыги — индогерманский народ численностью около 15 миллионов человек, грузино-армяне — народ численностью в 4 миллиона — могут образовать на Кавказе два государства, которые, морально поддержанные Европой, скоро проникнутся идеями западной цивилизации, быстро разовьются и создадут крепкий форпост Европы против неизбежного нападения с востока. Независимость Кавказа является, кроме того, также условием, обеспечивающим Персию и Малую Азию от русского завоевания. Сдача этой позиции для Европы равносильна самоубийству; и одной из величайших ошибок последней Восточной войны была слишком поверхностная оценка этого вопроса. Если бы турки не строили иллюзий о возможных приобретениях на Кавказе, на которые западные державы нехорошо смотрели и не поддерживали и которые, в сущности, мало возможны,

так как кавказские народы так же неохотно, а может быть, и с еще большей неприязнью покорились бы туркам, чем русским, чему мог бы уже научить Порту опыт истекшего столетия. Если бы союзники десятую часть суммы, стоившей истребления нескольких дюжин парусных судов, обратили бы на вытеснение русских с Кавказа, то в действительности был бы достигнут необычайный успех, и это было бы для России несравненно более чувствительным и даже непоправимым ударом, чем взятие части Севастополя.

Величайший гений этого столетия Наполеон I сказал на острове Св. Елены известные всему миру слова: «Через пятьдесят лет Европа станет республиканской или казацкой». Если изучать с глубоким вниманием ход событий за последние 40 лет, то можно прийти к выводу, что казакизм сделал больше успехов, чем республиканизм. Какое роковое совпадение, что в то самое время, когда Россия шествует на завоевание Туркестана и Китая, сила и прочность единственной великой республики мира поставлены под вопрос ужасной гражданской войной! [444]

Когда гениальный герой говорил свои пророческие слова, он, несомненно, думал о Восточной Азии, о Китае и Японии. Человек, который в то время, когда еще не было железных дорог, пароходов и телеграфов, набрасывал в Париже план похода на Индию и, думая об этом походе, должен был принимать в расчет нейтрализацию Австрии, Германии и России, враждебность Турции, связанной с Англией, переход через Кавказ и Персию должен был считать это расширение России и увеличение ее могущества на Востоке вполне естественным, а вовсе не из ряда вон выходящим.

Никто уже не может спасти Китай и Туркестан, их покорение есть только вопрос времени, но долгом самосохранения для Европы является использование времени, которое еще осталось для того, чтобы предотвратить, насколько это возможно, неизбежное вторжение, которое придется переживать еще нынешнему поколению. Англия и Франция должны добиться того, чтобы по крайней мере задержать русское наступление на Японские острова. Было бы лучше, если бы эти две морские державы заняли одновременно эти острова, ибо следует опасаться, что русские, прежде чем они попадут в Пекин (что совершенно неизбежно), сначала попытаются стать господами Японии, что им до некоторой степени облегчит занятие Китая. Революция, война в Европе (Америка и без того ослаблена), представят им лучшие возможности для этого внезапного нападения.

Долг всех индогерманских рас создать фронт против беспрерывно приближающегося урагана с востока. Недостаточно восстановить Польшу в широких границах, вернуть Финляндию ее законным собственникам, освободить и организовать Кавказ; необходимо еще полностью изолировать эту чудовищную державу, чтобы она не оказывала никакого влияния на судьбы Европы.

Комментарии

27 Последствия войны европейских западных держав и Турции против России произвели на Крайнем Востоке совершенно противоположное впечатление, чем в Европе. В то время как здесь значению русского государства был нанесен очень тяжелый удар, там оно чрезвычайно поднялось. Небольшие племена Кавказа и туркестанских стран, большинство которых в течение полувека и больше сопротивлялось русским силам, никогда не считали их настолько значительными, чтобы предполагать, что царь в состоянии один противостоять столь многим державам и даже может победоносно выйти из войны. Когда они узнали конец войны и ее последствия, были словно поражены громом и начали

смотреть на силу своего старого врага совсем иными глазами, чем они делали это до сих пор.

28 См. главу 3.

29 В первый год после своего отъезда я получил успокаивающие известия по этому пункту, но, к сожалению, за последнее время горцы, оставленные без присмотра и руководства, вернулись к своим прежним обычаям и, как прежде, обращаются с перебежчиками как с рабами и часто выдают их русским.

30 По возвращении в Константинополь я нашел эту миленькую птичку в клетке; он был обвинен во множестве мошеннических проделок, но главным образом в том, что убил христианского врача, и в том, что обманул и продал убыхам одного отставного турецкого солдата, завербованного им в Абазию для того, чтобы завладеть его деньгами, около 600 талеров. Но оттоманское правительство очень снисходительно к преступлениям пашей, особенно тех, у кого есть деньги. Измаил, которого каждый ожидал увидеть казненным, отделался лишь потерей своего звания паши и трехлетним тюремным заключением, которое он должен был отбывать на острове Эйперн. Он добился этого некоторым количеством денег и еще большим числом обещаний. Но так как потом от него стали требовать исполнения его обещаний и ему было весьма опасно отказываться от них, то он нашел более удобным для себя не платить, а удрать. Он убежал в Грецию, оттуда — во Францию, где имел бесстыдство выдавать себя за потомка суверенных черкесских князей, за патриота, преследуемого Портой, и за жертву русских интриг. Но так как у него есть деньги и, несмотря на недостаток образования, он обладает в огромной степени низкой хитростью, а Черкесия является почти *terra incognita*, то он найдет еще достаточно легковверных людей, и я думаю, что сделает еще много подлостей, прежде чем попадет в руки европейской юстиции.

Возможно так же, что он снова попадет в милость у Порты; кто знает, может быть, станет еще министром иностранных дел, хотя он не умеет ни писать, ни читать. Все это возможно в Турции.

31 Двое храбрых начальников мехкеме — Фарис-Бей и Хаджи-Яхья эффенди, когда увидели, что мы не можем держаться и покидаем страну, также не захотели оставаться в Абазии и уехали в Константинополь.

32 Ту-эффенди, возвращаясь в 1859 году из Трапезунда в Абазию на турецком сандале, был взят русскими в плен на море и должен был освободиться посредством очень тяжелого выкупа. Во время его пребывания в плену русские обращались с ним очень плохо. В результате этого он из тайного врага, каким был до тех пор, превратился в неумолимого и деятельнейшего противника. Ту-эффенди умер в октябре 1862 года.

33 Петр Великий предоставил астраханскому губернатору миллион серебряных рублей для покорения киргиз-казаков. Собственные слова царя гласят: «Хотя это и слабый народ, но он служит ключом и воротами ко всем странам и государствам Азии, всем азиатским странам ключ и врата». (Письмо Петра Великого в «Современнике», с.-петербургском журнале, 1852, часть четвертая, № 10).

34 Не смешиватьс Амуром, который образует границу с Китаем.

35 Я не могу удержаться, чтобы не процитировать из труда малоросского ученого господина Духинского несколько коротких отрывков для того, чтобы поддержать мою

точку зрения об общности китайцев и москвитов. Господин Духинский говорит: «Индогерманские (вендские или арийские) и уральские или туранские народы, обитающие в Европе, имеют своих представителей в Азии, а именно: первые — индусов, среди них преимущественно браминов с их древней литературой; последние — китайцев. Но все же есть разница между туранскими народами и китайцами: последние являются именно желтыми монголами, тогда как первые принадлежат к белым. Однако известно, что монголы с давних времен были и остаются сильно смешанными с туранцами. С XIII по XV столетие монголы и туранцы развивались под владычеством династии Чингис-Хана, что не следует никогда забывать, так как это является одним из основ нынешних взаимоотношений между москвитами и китайцами. Но с XVI столетия москвиты и большая часть монголов теснейшим образом связались между собой при династии Рюрика, отпрыск которого Иван IV стал ханом Казанским и Астраханским. В то время как индоевропейские нации положили в основу социального и морального существования земледельческую и оседлую жизнь, все это рассматривается китайцами, так же как и москвитами и евреями, как временная, хоть и неизбежная необходимость, как своего рода спекуляция. Индоевропейские народы не в состоянии точно определить время, когда у них введено наследственное владение землей. Привязанность к земле у них развита в высокой степени и величайший тиран никогда не осмеливался произвольно распоряжаться земельной собственностью народов... Напротив, китайцы помнят восемь различных произвольных изменений способа владения землей — изменений, которые всегда были указаны и декретированы богдыханами (царями). Даты этих изменений мы находим точнейшим образом указанными в китайских законодательных сборниках... Древнейший раздел земли, за две тысячи и несколько сотен лет до рождения Христа, был совершенно такой же, как мы сегодня видим у москвитов, — по душам... Не только в европейских законодательных книгах, но и в индийских, в Веде и в своде законов Ману нельзя найти и следа произвольного раздела земли, наполняющего законодательные сборники китайцев и москвитов, характер москвитов и китайцев необычайно схож в основных правовых понятиях. Ни те ни другие не в состоянии самостоятельно выработать свою личность, они ожидают всего — свободы или рабства, добра или зла — не от себя самих, а от монарха. Лучший пример нам дает известный господин Тургенев, умоляющий царя о том, чтобы он повелел землевладельцам отдать их небольшую земельную собственность крестьянам. (Помещики в Великороссии имеют лишь очень мало собственной земли, земля принадлежит общинам, но крестьяне, в свою очередь, являются собственниками помещика. — Примеч. автора.) Право распоряжаться землей своего государства по своему усмотрению, присущее москвитским монархам, очень обстоятельно доказал господин Тургенев в «*Journal des debats*»... В Европе с давних пор существует наследственная знать, имеющая определенные права, которую никогда не был в состоянии подавить властитель; касты Индии за много сотен лет исторически сформировались и не зависят от расположения духа или доброй воли монарха; даже сам монарх не принадлежит к высшей касте браминов, но к военной касте, которая соответственно ниже и называется кшатрия. У москвитов и китайцев знать не имеет такого значения. У них нет собственного земледельческого дворянства, но есть только придворное дворянство, или дворянство номадов. Перед лицом повелителя нет знатных или незнатных людей — все равны перед царем или богдыханом... Представления москвитов о женщинах стоят немногим выше, чем у китайцев. Святые и почитаемые женщины-герои известны в Европе до Новгорода и Днепра. Дальше на восток история 45 миллионов москвитов, так же как и сотен миллионов китайцев и других туранцев и монголов, больше не оставляет нам мифов... Женщина была эмансипирована указом Петра Великого... Царь приказал, чтобы жены высших сановников и бояр показывались в мужском обществе и протягивали тем, кто танцует с ними, свою руку для поцелуя. Те, которые опаздывали на царский бал, подвергались порке розгами. Вот мифы и права женщин у москвитов!»

Из бесчисленных доказательств общности китайцев и москвитов, выдвигаемых малороссийскими учеными, я привожу только эти, потому что я думаю, что они во многом отношении значительней, чем язык, который пастушеские народы легко изменяют. Но китайский придворный язык, гуан-хоа, на котором говорят придворные, ученые, чиновники и высшее общество, неизвестен массе китайского народа и встречается только в провинциях Кианг-су и Ниан-гори.

36 Достаточно прочесть Пушкина, Лермонтова и других.

37 Следует вспомнить, что Екатерина II так заботилась о свободе Польской республики, что отправила в поход свои войска, дабы защитить права дворянства, которым угрожал король, обладавший едва ли той властью, которой теперь располагает президент Соединенных Штатов! Это был важнейший шаг к разделу Польши. Признание Италии является результатом политики, а не либерализма царя.

Текст воспроизведен по изданию: Теофил Лапинский. Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. Описание очевидца Теофила Лапинского (Теффик-бея) полковника и командира польского отряда в стране независимых горцев. Нальчик. Эль-Фа. 1995

© текст - Гарданов В. К. 1995

© сетевая версия - Thietmar. 2009

© OCR - A-U-L. www.a-u-l.narod.ru. 2009

© дизайн - Войтехович А. 2001

© Эль-Фа. 1995